Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 АПРЕЛЯ 8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит 36088. Москва. Тираж 50.000.
Типография изд-ва „Правда“ и „Беднота“, Серебряническая наб., д. № 23а.

Н. Бухарин.

О новой экономической политике и наших задачах[1]).

В настоящее время наша партия и советская власть особенно внимательно рассматривают вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством, о соотношении между нашей государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. Этот вопрос становится ныне опять с очень большой остротой в порядок дня.

Все мы ощущаем сейчас рост нашего хозяйства, при чем темп этого роста в настоящее время никак не может быть назван медленным. Но, учитывая этот факт, необходимо иметь в виду и другое новое обстоятельство, которое ни в коем случае нельзя недооценивать.

Мы имеем в виду здесь тот процесс, который называется теперь ходовым именем «стабилизации» капитализма в Западной Европе. То, что капитализм в Западной Европе, в первую очередь в центральной Европе, сейчас вырастает и поправляет свое расшатанное войной здоровье, едва ли может подлежать сомнению. Подлежит большому сомнению только то, насколько прочен этот восстановительный процесс. Но совершенно бесспорно, что в данный отрезок времени, т.-е. в текущий год, в текущие месяцы, этот процесс обозначился со всей решительностью; его оспаривать нельзя, он является очевидным.

Правда, когда мы оцениваем общую мировую кон'юнктуру, общее международное положение, мы видим и другие тенденции, свидетельствующие о наличии большой революционной лихорадки. В данном случае обычно говорят о Китае, о колониальных движениях и проч. Это все совершенно верно, это тоже не подлежит никакому сомнению. Но—повторяем и подчеркиваем еще раз — в наиболее близких к нам географически капиталистических странах сейчас восстанавливается буржуазное хозяйство; это обстоятельство до известной степени влияет и на постановку вопроса о нашем внутреннем экономическом положении.

Мы живем между капиталистическими странами, мы окружены врагами. Если некоторое время тому назад мы могли говорить совершенно определенно, что параллельно с нашим ростом буржуазные страны экономически и политически падают и идут кни-

[1]) Настоящая статья представляет собою первую часть доклада т. Бухарина на собрании актива московской организации 17 апреля 1925 года.

зу, то теперь этого мы сказать не можем. Мы растем, и **они** растут, вот это есть нечто новое в той всемирно-исторической картине, которая развертывается сейчас перед нами. Этого не было в сравнительно недавнее время тому назад, это есть теперь.

Отсюда сразу же необходимо сделать один вывод, который напрашивается сам собой: при таком положении вещей, когда мы растем одновременно с близлежащими капиталистическими нашими противниками, вопрос о темпе развития, т.-е. вопрос о быстроте нашего развития приобретает исключительное значение. Если раньше он такого значения не имел, потому что наши капиталтистические враги шли книзу, а мы шли, хотя медленно, но кверху, то совершенно очевидно, что в условиях одновременного под'ема и у нас и у нашего противника, вопрос о скорости под'ема приобретает первостепенное значение. Вот почему наша партия, которая видит не только частности, мелочи, второстепенные конкретные детали, но которая должна и приучилась видеть за частностями и общую картину, должна отметить это новое в мировой обстановке.

Наша партия должна иметь в виду эту генеральную перестановку сил и сделать отсюда все необходимые выводы. Первое положение, которое отсюда вытекает, это положение о необычайной важности для нас темпа развития нашего крестьянского хозяйства.

Исходя из этой постановки вопроса, мы прежде всего должны притти к такого рода заключению: нам важно сейчас до-зарезу все время ускорять быстроту хозяйственного оборота, и это ускорение быстроты хозяйственного оборота надо понимать как ту основную задачу, тот общий вопрос экономической политики, в который мы упираемся сейчас больше, чем в какую бы то ни было другую проблему.

Мы говорим, что мы должны расти хозяйственно быстрее. Это значит, что мы должны добиваться возможно более скорого накопления во всем народном хозяйстве в целом, в нашей государственной промышленности в особенности, потому что она является базой растущего социализма. Мы знаем, что сейчас от иностранного капитала едва ли можно ожидать многого. Следовательно, быстрота нашего хозяйственного оборота и оборота нашего капитала играет огромнейшую роль. Если мы ускорим движение хозяйственных соков во всем нашем хозяйстве, если мы ускорим оборот капитала, мы получим гораздо более быстрый темп нашего накопления, гораздо больший хозяйственный рост.

Это истина азбучная. Но на ней надо остановиться потому, что в эту проблему как раз и упираются все остальные вопросы хозяйственной политики.

В сущности говоря, если не считать самых первых шагов нашего хозяйственного развития — прошли три периода нашей хозяйственной политики, при чем средняя из ее форм не представляла собой периода в настоящем смысле этого слова. Это была однодневка, которая, просуществовав некоторое время, быстро умерла.

Первая форма—система военного коммунизма; вторая это как раз и есть та однодневка, о которой мы упомянули, система свободной торговли в местном обороте, т.-е. первый шаг, который мы сделали, обнаружив, что система военного коммунизма совершенно не соответствует реальности; наконец, третья форма, к которой мы перешли с 21 года и которую мы имеем до сего времени, необычайно живучая в своем названии и вечно молодящаяся, несмотря на свой почтенный возраст, новая экономическая политика.

Как уже было указано, промежуточная фаза—местного торгового оборота—оказалась по сути дела лишь экономической однодневкой. Это был первый шажок по пути к настоящей, правильной экономической политике пролетариата. Местный оборот отнюдь не удержался в своем местном масштабе; он был сорван, товарооборот вышел из берегов, которые ставили ему первоначальные законодательные предначертания советской власти, выработанные нашей партией, и мы получили товарооборот, распространившийся более или менее по всей стране, поскольку этому не мешали дезорганизация рынка, плохие пути сообщения и целый ряд явлений экономического разлада.

Ленин в своей брошюре «О продналоге», которую нужно читать и перечитывать,—потому что каждый раз ее читаешь под новым углом зрения и каждый раз открываешь в ней то, что раньше оставалось незаметным,—замечательно определяет систему военного коммунизма, как систему «запертого» оборота. С этой точки зрения вполне естественно обозначить новую экономическую политику, как систему «отпертого» оборота.

Система военного коммунизма выполнила свою историческую роль, роль такой хозяйственной формы, которая должна была более или менее правильно распределить уже имеющиеся запасы, когда характерным являлось не столько развитие хозяйства и под'ем производительных сил, сколько потребление уже имеющихся запасов. Система военного коммунизма определялась не тем, что промышленность оживляла сельское хозяйство и обратно; дело было не в том, чтобы внутри промышленности оживлять различные отрасли, чтобы установить условия, в которых хозяйственные факторы взаимно оплодотворяли бы друг друга. Военно-коммунистическая политика имела своим содержанием раньше всего рациональную организацию потребления, при чем в первую очередь это потребление должно было охватить армию и остатки рабочего класса в городах. Эту историческую роль система военного коммунизма выполнила. Но совершенно ясно, что

когда нужно было восстанавливать хозяйство, система военного коммунизма не могла дольше существовать. В нашем партийном сознании это отражалось таким образом, что мы начали сознавать необходимость «отпереть», освободить от связывавших его пут, товарооборот.

Мы его сперва отперли на полоборота ключа; мы сказали: местный товарооборот. Но оказалось, что потребности развивающегося хозяйства или хозяйства, которое делало первые шаги к тому, чтобы развиваться, в сознании разных классов,—и, что особенно важно—в сознании рабочего класса отражались, как властная потребность раздвижения рамок этого хозяйственного оборота. Отсюда мы пришли к тому, что мы должны были сделать еще полуоборот ключа, отпереть то, что было заперто в эпоху военного коммунизма. Мы это сделали и получили новую экономическую политику.

В чем смысл новой экономической политики? У целого ряда наших партийных товарищей смысл новой экономической политики сводится только к одному: крестьянин на нас наступил, мелкобуржуазная стихия взбунтовалась, мы отступили и больше ничего—и только к этому, якобы, сводится все дело. Но дело, конечно, не только в этом, вернее *не столько* в этом. Смысл новой экономической политики, которую Ленин еще в брошюре о продналоге назвал правильной экономической политикой (в противоположность военному коммунизму, который он там же в этой брошюре охарактеризовал как «печальную необходимость», навязанную нам развернутым фронтом гражданской войны),—в том, что целый ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга, потому что они были заперты на ключ военного коммунизма, оказались теперь в состоянии оплодотворять друг друга и тем самым способствовать хозяйственному росту.

При системе военного коммунизма крестьянин не был заинтересован в том, чтобы больше производить. Все излишки у него отбирались, легально продавать он не мог, его *личный* стимул хозяйствования был подрезан. Поэтому была полная *хозяйственная* «размычка». Товарооборот был заперт на ключ. Следовательно, неизбежно должна была стоять и наша промышленность. Но и внутри самой крупной промышленности мы имели явления отрицательного порядка, вытекавшие из недоучета личной заинтересованности. Если у нас не было сдельщины и т. п., мы тем самым заперли частный индивидуалистический стимул, и тот, который есть даже в рабочем классе. Когда мы перешли к сдельщине и к другим формам оплаты, мы этим ключом открыли и фактор личной заинтересованности даже членов рабочего класса заставили содействовать развитию хозяйства.

Что значит с обще-хозяйственной точки зрения установление торговой связи города и деревни? Это значит, что мы сделали для города возможным хозяйственно оплодотворять деревню, а для деревни сделали возможным хозяйственно оплодотворять город. Другими словами, самый глубокий смысл новой экономической политики заключается в том, что мы впервые открыли возможность взаимного оплодотворения разных хозяйственных сил, различных хозяйственных факторов, а только на основе этого и получается хозяйственный рост. Только из этой связи и из взаимного воздействия этих хозяйственных факторов и получается этот хозяйственный рост, т.-е. рост производительных сил и под'ем хозяйства.

Вы можете иметь сколько вам угодно самой лучшей, самой квалифицированной рабочей силы; вы можете иметь довольно хороший инвентарь в крестьянском хозяйстве, даже не разоренном; вы можете иметь очень цветущих, здоровых «пейзан» вместо полуголодных крестьян; но если вы не дадите возможность различным хозяйственным факторам экономически воздействовать друг на друга,—у вас будут стоять фабрики, у вас будут стоять заводы, у вас будут падать крестьянские хозяйства: у вас будет общее попятное движение.

Нужно было эти различные хозяйственные группы, эти различные хозяйственные факторы сцепить таким образом, чтобы обеспечить их взаимное экономическое оплодотворение. Исходя отсюда, мы вырабатывали наши лозунги при переходе к новой экономической политике; поэтому совершенно не случайно мы пошли *по линии торговли в первую очередь*, потому что торговля-то и означает как раз ту связь, которая позволяет воздействовать одному хозяйственному фактору на другой, в первую очередь, городу на деревню и обратно.

Это есть основа новой экономической политики, и если мы под этим углом зрения посмотрим на различные хозяйственные этапы, которые мы прошли, то наше движение можно определить, как движение от «запертого» ко все более «отомкнутому» хозяйственному обороту.

Но этот опыт экономического движения нам показал, насколько неправильны были наши старые представления о достижениях социализма уже после завоевания государственной власти пролетариатом.

Грубо говоря, раньше мы представляли себе дело так: мы завоевываем власть, почти все захватываем в свои руки, сразу заводим плановое хозяйство, какие-то там пустячки, которые топорщаться, мы частью берем на цугундер, частью преодолеваем, и на этом дело кончается. Теперь мы совершенно ясно видим, что дело пойдет совсем не так.

Среди громадного количества нелепостей и глупостей буржуазные критики политики пролетарской диктатуры в России сказали кое-что неглупое и относительно верное. Один из самых умных критиков коммунизма, австрийский профессор Мизес, написавший в 1921—22 г.г. книгу о социализме, развертывает следующий ряд положений. Мы, говорит он, согласны с марксистскими социалистами, что нужно бросить всякую сентиментальную фрунду и ставить вопрос так, что лучшим является тот хозяйственный порядок, который лучше развивает производительные силы. Но так называемый «деструктивный» социализм коммунистов ведет не к развитию производительных сил, а к их падению. Это происходит прежде всего потому, что коммунисты забывают о крупнейшей роли частно-индивидуалистического стимула, частной инициативы. Капитализм страдает пороками—это верно. Но капиталистическая конкуренция ведет к развитию производительных сил, которые гонятся капиталистическим развитием вперед и в результате роста производительных сил общества больше приходится и на долю рабочего класса. Поскольку коммунисты хотят установить производство по приказу, из-под палки, постольку их политика потерпит и уже терпит неминуемый крах.

В системе военного коммунизма, рассматриваемой с точки зрения ее экономической сущности, несомненно, есть кое-что похожее на эту карикатуру на социализм, гибель которой предрекали все ученые экономисты буржуазии. И поэтому, когда мы от этой системы стали отказываться и когда перешли к рациональной экономической политике, буржуазные идеологи заголосили: здесь начинается отступление от коммунистических идей: сдали свои позиции, проиграли свою игру и теперь возвращаются к почтенному капитализму. Они так ставят вопрос, но проиграли-то в сущности не мы, а они.

Мы были поставлены в определенное положение, при котором мы действовали так, как нужно и можно было действовать. Но потом мы сообразили, как нужно итти дальше, и теперь можно сказать, что наши противники в этом споре проиграли. Мы отстояли в борьбе самое важное, что нужно было отстоять: диктатуру пролетариата.

Когда же мы перешли к нэп'у, мы этим самым практически стали преодолевать изложенную выше буржуазную аргументацию, выставленную против социализма. Почему? Потому что смысл нэп'а заключается в том, что мы, используя хозяйственную инициативу крестьян, мелких производителей и даже буржуа, допуская, таким образом, частное накопление,—мы вместе с тем, в известном смысле, ставим их об'ективно на службу социалистической госпромышленности и всего хозяйства в целом. Развязав товарооборот, мы тем самым дали возможность выявиться заинтересованности мелких частных производителей, стимулировали расширение производства, поставили на службу социализму индивидуалистические стимулы отсталых слоев рабочих, которыми движут некоммунистические идеи, а частные интересы, путем введения формально прежней системы оплаты—сдельщины и пр.: заставили так работать, что, исходя из своих частных интересов, пролетарии способствуют под'ему общего производства.

Наши прежние представления заключались в том, что мы считали возможным почти сразу достигнуть планового хозяйства.

Наши теперешние представления иные. Мы захватываем главные командные высоты, ставим главное; а затем наше государственное хозяйство разными путями, даже иногда конкурируя с остатками частного капитала через рыночные отношения, постепенно все больше и больше увеличивает свою экономическую мощь, все больше увеличивает свое могущество и постепенно втягивает отсталые экономические единицы разными методами в свою собственную организацию, при чем проделывается это, как правило, через рынок.

Каким образом мы вытесняем прямых противников, частных капиталистов? Конкуренцией, экономической борьбой. Если они будут продавать дешевле, мы должны добиться положения, при котором мы продавали бы еще более дешево. В этом, между прочим, заключается наша *классовая борьба* в современной обстановке.

Таким образом, мы придем к плановому хозяйству в результате многолетней, многотрудной экономической борьбы с остатками частного капитала и проч., благодаря усилению нашей хозяйственной мощи. Это будет долгий процесс. Мы развязываем в течение некоторого времени хозяйственные силы, которые есть в стране, не только у нас, но даже у наших противников; мы должны их поставить в такое положение, что они, волей неволей, будут одновременно обслуживать и наше дело.

Можно, следовательно, сказать, что если наше прежнее представление о развитии социалистического строя заключалось в том, что немедленно после диктатуры пролетариата мы уничтожаем рынок и тем самым сразу уничтожается капиталистическое хозяйство и сразу проводится плановое хозяйство—то тут мы ошиблись. Не сразу, а в процессе вытеснения, преодоления и переработки целого ряда промежуточных форм. В этом процессе рыночные отношения, деньги, биржа, банки и проч. играют очень крупную роль.

Теперь вся коммунистическая партия без исключения признает, что именно таков будет ход развития. Это теперь зафиксировано в проекте программы, принятой Коммунистическим Интернационалом на последнем конгрессе.

Настоящую хозяйственную политику победоносного пролетариата, т.-е. такую политику, которая использует все хозяй-

ственные силы и которая действительно повышает производительные силы страны, мы можем вести только при таких условиях и тем успешнее, чем у нас будет более развернут хозяйственный оборот, т.-е. если мы будем вести хозяйство, не на «запоре», а путем дальнейшего раздвижения рамок военного коммунизма.

Но здесь возникает целый ряд новых проблем, которые значительно осложняют вопрос. Само собой разумеется, что нам важно добиться не просто развития производительных сил, и не просто хозяйственного под'ема. Если бы мы сейчас взяли и за бесценок отдали бы всю нашу страну американскому капиталу, то возможно, что он, влив весь свой излишний капитал, мог бы двинуть экономически нашу страну, на первых порах, быстрее, чем мы (если, конечно, отвлечься от перспективы ожесточенной классовой борьбы, которую российский пролетариат привык вести против капитала в течение ряда десятилетий).

Нам нужно такое развитие производительных сил нашей страны и такой хозяйственный под'ем, которые сопровождались бы ростом социалистических форм и постоянным вытеснением и ослаблением форм капиталистических, враждебных социализму. Нам нужно достигнуть такого развития производительных сил, которое вело бы нас к социализму, а не такого, которое вело бы нас к возрождающемуся целиком, так называемому, «здоровому» капитализму.

Нам кажется, что когда мы переходили к новой экономической политике, у тов. Ленина был при разрешении этой проблемы один стратегический план, а когда он писал свою статью о кооперации, т.-е. оставлял нам последнее завещание, в смысле основ экономической политики, у него был другой стратегический план. Эти оба плана не есть абсолютная противоположность, они, конечно, связаны друг с другом.

В чем основной мотив рассуждений Ленина в брошюре «О продналоге»? Он говорил, что в движении к социализму прежде всего необходимо преодолеть распыленную мелко-буржуазную стихию. Мелко-буржуазная стихия, мелкий хозяйчик, с точки зрения экономической—наш главный враг, и для того, чтобы эту стихию и распыленность преодолеть, нужно иметь смелость использовать крупный капитал, главным образом концессионный, как посредника. Пролетариат—социалистический элемент хозяйства, плюс крупный капитал, в известном смысле, образуют экономический блок, который связывает разными нитями распыленную мелко-буржуазную стихию, являющуюся нашим главным врагом.

«Не государственный капитализм борется здесь с социализмом,—пишет т. Ленин,—а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно и против государственного капитализма, и против социализма»... (Ленин. «О продналоге». Собр. соч., т. XVIII, ч. I, 204 стр.).

Вот каков был первый стратегический план.

Обратите внимание на то, что в этой связи товарищем Лениным написано по поводу кооперации буквально следующее:

«Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью или преступлением». (Ленин. «О продналоге», Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 219).

Этот первый стратегический план совершенно ясен. Нам нужно достигнуть социализма, т.-е. планового хозяйства,—это есть наш идеал. Нам нужно сделать целый ряд уступок крестьянскому хозяйству, потому что крестьянин на нас напирает. Но мелко-буржуазная стихия—наш главный враг, мы должны ее преодолеть в союзе с крупным капиталистическим союзником—концессионным капиталом, государственным капитализмом против мелко-буржуазной стихии. Кооперация в этом плане определяется, как важнейшее звено государственного капитализма, потому что кооперация это есть такое звено, которое в первую очередь помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но это не страшно. Мы припаяем эти элементы посредством кооперации к системе нашего государственного капитализма, регулируемого диктатурой пролетариата и, таким образом, в состоянии будем, держа блок с этими капиталистическими элементами, преодолевать многочисленные миллионные атомы мелко-буржуазной стихии. Таков был этот план.

Если мы сравним теперь только что изложенное с тем, что было написано в последней статье Владимира Ильича о кооперации, то мы увидим совершенно другой план. В первых строках этой статьи дается ряд пояснений о государственном капитализме. На счет кооперации там уже не говорится, что это звено государственного капитализма.

«При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они осно-

ваны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу».

Или ниже:

«Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма»... (Ленин. «О кооперации». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 143—144).

В соответствии с этим вся стратегическая обстановка там не такая, как в брошюре «О продналоге», а существенно иная. Основная линия плана; это—блок с крестьянством, который организуется в кооперацию, против крупного капитала и против остатков частного капитала вообще.

Таковы два плана, которые были выдвинуты самым крупным умом и самым крупным теоретиком и гениальным вождем рабочего класса. Наличие этих двух планов, конечно, нельзя об'яснять так, что Владимир Ильич думал раньше так, а потом радикально иначе. Эти планы не находятся в коренном противоречии. Но за это время, от первого варианта тов. Ленина до второго варианта, до письма о кооперации, произошли громадные сдвиги. Произошел ряд событий, который раскрыл перед т. Лениным известные новые перспективы.

Мы уже отметили, что нам нужен не рост производительных сил сам по себе, а такой рост производительных сил, который бы обеспечивал победу социалистических элементов. С другой стороны, мы указали, что рост производительных сил возможен только при самом быстром обороте. Но теперь представьте себе, что, имея магазины, в которых были почти одни только вывески с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и где не было бы ни куска товара; имея фабрики, на которых висели бы красные знамена, на которых тоже было написано—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и в которых тоже ничего не было и которые не были на ходу; имея банки, т.-е. банковские помещения, на которых тоже было написано—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», но в которых не было почти ломанного гроша; имея очень большое количество советских знаков, в которых можно было потонуть на рынке, и на которых тоже было написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», и которые имели тот небольшой недостаток, что они не имели никакой ценности; если бы, имея все это, в таких условиях мы распустили абсолютно все шлюзы, весь тот оборот, о котором мы подробно рассказали, что бы тогда было? Тогда мы бы имели очень большой риск потерять и нашу экономику и даже наши головы.

Это могло бы случиться потому, что у нас не было в настоящем смысле этих слов экономических командных высот; в таких условиях мелко-буржуазная стихия плюс выделяющийся постоянно из этой стихии мелкий капиталист, который становится с каждым оборотом все более и более крупным, могли бы нас захлестнуть. Обеспечивая социалистический рост производительных сил, обеспечивая главную столбовую дорогу для поступательного движения социализма, мы должны были распускать вожжи для всего этого оборота в той мере, в какой это не угрожает нам; обеспечить условия, в которых мы были бы достаточно конкурентно способными, чтобы в процессе развертывающейся экономической борьбы, а не зажима, побеждать своего конкурента. Когда мы только что вступили в теперешний товарооборот и делали робкие шаги в этом направлении, мы отлично сознавали то громаднейшее значение, которое имеют командные экономические высоты. Но когда мы эти высоты взяли, это были почти пустышки. У нас были железные дороги, но они не ходили; банки с обесцененными деньгами и т. д., и т. п. Значит, здесь надо было быть в величайшей степени осторожным, и нам представляется, что именно поэтому у Владимира Ильича был тот план, который назван нами первым вариантом, первым его стратегическим планом. Надо было, прежде всего, как-нибудь укрепить свои командные высоты. Из чего? Единственный источник, который предполагался, это был иностранный капитал, концессии. Им предполагалось подпереть командные верхушки, чтобы себя укрепить—в результате этого приобрести известную маневроспособность.

Что произошло за время от первого варианта до второго? К этому времени выяснилось, во-первых, что иностранный капитал не очень склонен помещать себя в пределах нашего Союза. Мы сейчас имеем чрезвычайно мало концессионных договоров, но тогда их было еще меньше (в скобках замечу,—иностранный капитал начнет к нам приливать в значительных размерах только тогда, когда мы сами окрепнем). Второй факт заключается в том, что мы сами оказались в состоянии развивать наши внутренние силы так, как не рассчитывали даже очень большие оптимисты из нашей среды. Из смрада, из гнили, из голода и холода мы вылезаем довольно быстро, без посторонней помощи и без уплаты процента за оную помощь. Это стало уже ясно к тому времени, когда тов. Ленин еще был жив.

Наконец, третье, что стоит в связи с этим: оказалось, что командные высоты на почве хозяйственного роста укрепились в достаточной мере. Мы имеем командные высоты по-настоящему, как командные высоты, т.-е. у нас железные дороги стали ходить, наша индустрия стала работать, мы начали организовывать банки, мы стали подбираться к оздоровлению нашей государственной финансовой системы.

Поскольку мы реально получили командные высоты, постольку, совершенно естественно, произошло перемещение классовых сил. Если у нас нет банков, а создается мелко-буржуазная ко-

операция, то она нас давит. А если у нас есть банки, то она от нас зависит; мы ее кредитуем; если мы ходим голенькими, то кулак нас побеждает экономически, а если он является вкладчиком наших банков, он нас не победит. Мы ему оказываем помощь, но и он нам. В конце концов, может быть, и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись.

Совершенно естественно, что в этой новой обстановке нужно было принять новый вариант. Получилось новое соотношение сил и новое сочетание экономических отношений. С той поры, как мы получили в свои руки живую, обросшую мясом, плотью и всем прочим, чем полагается, промышленность, должна была измениться наша политика: меньше зажима, больше свободы оборота, потому что эта свобода нам менее опасна. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы, больше развитие хозяйственного оборота. Бороться с частным торговцем не тем, что топать на него и закрывать его лавку, а стараться производить самому и продавать дешевле, лучше и доброкачественнее его.

Если мы сами сильны, если в наших руках сосредоточена действительная экономическая мощь, если мы владеем действительными могущественными экономическими, хозяйственными высотами, то развязывание экономического оборота нам не страшно. Мы сами растем.

Вот новая обстановка, в которой совершенно естественно у т. Ленина, мог зародиться план, гениально предвосхищавший ход событий и служащий нам путеводной нитью и на будущее. Сейчас дело идет о том, чтобы развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов поставить в такие условия, чтобы оно вместе с частным накоплением все в возрастающей степени обеспечивало укрепление нашего хозяйства. Раньше шло разрушение нашего пролетарского хозяйства; тогда мелкое производство было выгоднее крупного, и в голом факте обладания крупными заводами мы по сути дела еще не имели решающего преимущества; но когда начинается хозяйственный под'ем, мы с каждой минутой, с каждым часом будем ощущать все большую силу. Чем больше будет загрузка наших заводов, тем более массовым будет наше производство, тем больше город будет вести деревню; рабочий класс тем мягче и в то же время прочнее будет вести крестьянство к социализму.

Когда идет разруха по всему фронту, тогда деревня усиливается в противоположность городу, мелкое производство получает преимущество перед крупным; когда начинается под'ем, руководящая роль города становится непреодолимой, и так как мы уже в эту полосу вступили, то есть все основания полагать, что, усиливаясь во всеувеличивающейся прогрессии, мы достигнем очень быстрого темпа развития.

Тальгеймер.

О формальном и материальном отношении социалистического хозяйства в начальной стадии к докапиталистическим хозяйственным формам [1]).

Вопросы, выдвинутые тов. Бухариным в статье: «Хозяйственный рост и рабоче-крестьянский блок» («Большевик», № 14), как и в полемике с Преображенским, имеют общее значение.

В споре с Преображенским Бухарин принципиально прав.

Эти вопросы имеют общее значение, ибо

1) дальнейшие этапы мировой революции не только не приводят к исчезновению проблему русского крестьянства, но подводят под эту проблему более широкую базу, поскольку неизбежно связывают Советскую Россию с ближайшей или ближайшими на очереди западными республиками советов. Было бы, конечно, неправильно рассматривать, например, как изолированный вопрос, условия развития пролетарской революции в Германии до завоевания власти, но еще неправильнее было бы рассматривать ее так после победы германского пролетариата. На другой день после этой победы мы будем иметь не две независимые друг от друга политические и хозяйственные системы, но одну комбинированную систему (при чем формы этой комбинации будут, разумеется, исторически развиваться: начальный пункт—государственная федерация, соответствующая Союзу ССР, но при соблюдении с самого начала строгой партийной централизации и т. д.; конечный пункт—централизация, слияние, что не исключает, конечно, учета всех отдельных национальных и культурных особенностей.

Однако, эта комбинация изменяет проблему отношения социалистического хозяйства к крестьянскому не принципиально, а только количественно. Комбинированная социалистическая система промышленности, транспорта, денежного обращения и т. д. вступает в определенное отношение к крестьянству всего союза.

Обозначим высоту социалистической промышленности в России через $Р_с$ (за меру высоты можно взять ценность годовой продукции, в свою очередь представляющую некоторое отношение между постоянным и переменным капиталом), высоту социалистической промышленности в Германии—через $Г_с$. Ту же величину для крестьянского хозяйства (простого товарного производства) в России и Германии обозначим соответственно через $Р_п$ и $Г_п$.

Мы получим тогда после пролетарской революции в Германии не $\frac{Г_с}{Г_п} + \frac{Р_с}{Р_п}$, но $\frac{Г_с + Р_с}{Г_п + Р_п}$.

[1]) **От редакции.** Помещая статью т. Тальгеймера, редакция оговаривает, что она считает ряд выдвинутых автором теоретических положений дискуссионными.

Поясним это на числовом примере (числа означают миллионы золотых марок).

Пусть

$$Г_с = 20.000, \quad Г_с = 4.000.$$
$$Р_с = 1.500, \quad Р_с = 2.000.$$

Мы будем тогда иметь *не*

$$\frac{Г_с}{Г_п} = \frac{20.000}{4.000} = 5:1; \quad \frac{Р_с}{Р_п} = \frac{1.500}{2.000} = 3:4$$

но

$$\frac{Г_с + Р_с}{Г_п + Р_п} = \frac{20.000 + 1.500}{4.000 + 2.000} = \frac{21.000}{6.000} = 43:12,$$

или, в процентных отношениях,

$$\frac{Г_с}{Г_п} = 83,3:16,7; \quad \frac{Р_с}{Р_п} = 42,9:57,1. \quad \frac{П_с + Р_с}{Г_п + Р_п} = 76,3:23,7$$

т. е. отношение промышленности к сельскому хозяйству, ведущемуся на индивидуалистических началах, для территории всего союза будет выше, чем то же отношение в отсталой стране, и ниже, чем в более развитой. $Г_с$ относительно убывает, $Р_с$ относительно растет.

(Числа взяты произвольно).

2) Во всех капиталистических странах Запада большее или меньшее количество крестьянских хозяйств переходит к началам социалистического хозяйствования (из крупных государств сравнительно больше всего во Франции и Италии, сравнительно меньше всего в Англии).

3) Революции в ряде нынешних колониальных крестьянских стран приведут, раньше или позже, огромные массы крестьян к социалистическому строю (Индия, Китай, Персия, Турция и т. д.).

Если брать мировую революцию *в целом* и в момент ее *завершения*, то вопрос об отношении социалистического хозяйства к крестьянскому получает для этого целого *общее* значение.

I.

Принципиальная противоположность **между** *отношением социалистического хозяйства к* **простому** *товарному производству и отношением капиталистического хозяйства к нему же.*

1. Исходный пункт: *капиталистическое хозяйство.*

В понятие простого товарного производства входит не только крестьянское хозяйство (мелкое и среднее), но и мелкое промышленное производство.

Признаки мелкого товарного производства следующие:

а) товаропроизводитель владеет *средствами производства*, эти средства еще не отделены от рабочей силы;

б) общественное разделение труда: простой товаропроизводитель производит на *рынок*. Что касается до крестьянина, то его продукт частью выбрасывается на рынок, частью же идет на непосредственное удовлетворение его собственных потребностей.

в) деньги, как средство обращения.

Простое товарное производство является *исторически* (а также логически) исходным пунктом капиталистического производства. Но это процесс не однократный, раз навсегда завершившийся, а постоянно возобновляющийся. Превращение товара в деньги, а денег в капитал в руках товаропроизводителя совершается постоянно. Т-Д-Т: процесс простого товарооборота: Д-Т-Д′: процесс образования капитала.

Следующие процессы характерны повсюду:

1. Отделение простого товаропроизводителя от средств производства, его пролетаризация; на различных ступенях капиталистического развития происходит при помощи различных средств.

А. *На ранней стадии капитализма.*

Тут действуют прежде всего два средства:

α) сильное налоговое обложение, войны, разорение крестьян;

β) торговое и денежное (ростовщический капитал) закабаление крестьянина, с последующей его экспроприацией.

Б. *В классический период капитализма:*

α) еще раз налоговое обложение;

β) конкуренция ремесла и фабрики, уничтожающая ремесленника и превращающая его в наемного рабочего. *В деревне* она уничтожает крестьянское домашнее хозяйство, превращая его из *преимущественно* замкнутого в преимущественно рыночное и специализируя крестьянина на производстве жизненных средств в непереработанном виде (производство зерна, скотоводство и т. д.). Она ставит его, таким образом, во все большую *зависимость* от рынка и присваивает себе часть произведенной им прибавочной ценности. Номинально крестьянин сохраняет самостоятельность, но попадает в ипотечную кабалу, становится арендатором, или же, в конце концов, сельско-хозяйственным или промышленным наемным рабочим. Переходная ступень: «полупролетарий», мелкое сельско-хозяйственное имущество, дополняемое работой по найму.

В. *На высшей ступени капитализма:*

α) опять-таки налоговое обложение;

β) тресты и т. д. присваивают себе часть крестьянского прибавочного продукта

1) путем монополизирования *транспортных средств*, установления железнодорожных тарифов и т. д.;

2) монополизируя хлебную и т. д. торговлю, а также *переработку* сельско-хозяйственных продуктов;

3) посредством монопольных цен на *промышленные товары*, отнимающих у крестьянина часть его прибавочного продукта.

2. Превращение части крестьянского прибавочного продукта *в капитал*.

Здесь нужно различать две *полярно-противоположные* формы.

Лишь в исключительных случаях простой товаропроизводитель сам превращается в мелкого *капиталиста*. Обыкновенно, в области *обращения*, путем торговых или денежных прибылей (или тех и других). Появляется крестьянский *торговец*, являющийся в то же время деревенским *ростовщиком* (тип кулака), мясником, прасолом, мельником, торговцем землями, лесом и т. д. Разнообразные комбинации этих типов. Иногда переход к капиталистическому производству на этой почве (мельница, лесопильня, пивоварня, молочная, изготовление водки, колбасы, овощных консервов и т. д.).

Впрочем, и это возможно лишь так, что один крестьянин приводит в зависимость от себя *многих других*, пролетаризует и пожирает их. Но, как правило, прибавочный продукт крестьянина превращается в капитал лишь в руках уже существующих капиталистов.

а) Налоги концентрируются в государственной кассе, предоставляются в виде *кредитов* промышленным капиталистам (большей частью при посредстве *банков*) и становятся таким образом капиталом.

б) Крестьянский прибавочный продукт попадает путем обращения товаров, в *форме денег*, в руки торгового промышленного и банковского капитала, которым и обращается—посредственно или непосредственно—в капитал.

3. Артели при капиталистических условиях (производственная артель, закупочная и распределительная артель) превращают крестьянина в члена капиталистической организации, ставят его под контроль. Если он *деревенский богатей*, он таким путем непосредственно получает в свое распоряжение часть продукта труда бедного крестьянина. Если он бедный крестьянин или середняк, он фактически становится наемным рабочим артельного капитала (еще владеет средствами производства, по уже с ограниченными правами). Артель играет в отношении к нему роль посредника.

Общая тенденция, следовательно, такова: превращение простого товаропроизводителя в пролетария или полупролетария—на одном полюсе, превращение крестьянского прибавочного продукта в капитал в *руках другого, капиталистического*, класса—на противоположном. В результате—уничтожение простого товарного производства или его подчинение капиталистическому.

Есть четыре канала, по которым крестьянин втягивается в капиталистическую систему, подчиняется ей.

1) Товарный рынок, при чем здесь идут параллельно два процесса: во-первых, уничтожение крестьянского домашнего хозяйства конкуренцией дешевого фабричного продукта, и, во-вторых, истощение крестьянина *высокими* (монопольными) ценами на продукты промышленности, с одной стороны, и давлением на цены *его собственных товаров*—с другой.

2) Денежный рынок: кредиты и ссуды крестьянину ослабляют, разоряют и закабаляют его. Передача крестьянских сбережений (излишков), при посредстве банков, ссудных касс и т. д., в руки промышленного и торгового капитала.

3) Часть налоговых поступлений попадает через банки к торговым и промышленным капиталистам.

4) Транспортные средства, запасы, склады и т. д. сосредоточиваются в руках коллективного капиталиста (государства) или отдельных капиталистических монополистов.

II.

Изменение описанных процессов в условиях социалистического хозяйства.

В руках рабочего государства находятся:

Крупная промышленность,

Транспорт (железные дороги, судоходство и т. д.),

Денежный и банковский аппарат,

Монополия внешней торговли.

Что остается без изменений?

1) Прибавочный продукт крестьянина (и не только он, но и растущая доля его годового продукта вообще) выступает как товар, превращается в *деньги*, попадает *на рынок*.

2) Крестьянин приобретает все большую часть нужных ему предметов *на рынке*, в форме товаров.

3) Крестьянин превращается в коллективного производителя.

Что принципиально изменяется?

1) При капиталистических условиях вовлечение крестьянина в капиталистические хозяйственные отношения совершается в *антагонистической форме*. Его собственный прибавочный продукт превращается в капитал не для *него*, а для класса капиталистов; он сам превращается в коллективного работника через посредствующую стадию пролетаризации или полупролетаризации, через уничтожение его существования как простого товаропроизводителя.

В условиях социалистического хозяйства ему *формально* противостоит рабочее государство, как капиталистический монополист. Но количество и тут превращается в качество. Сущность отношения становится принципиально иной. Обобществленный капитал в руках рабочего класса теряет антагонистический классовый характер. Порядок эксплоатации прекращается. Простой товаропроизводитель превращается в *коллективного работника*. Но дело идет о создании не капиталистического, а социалистического производства в деревне, т.-е. о создании *непосредственных коллективных форм производства*.

Так как целью является теперь уже не антагонистический классовый порядок, то *и путь уже не может* быть антагонистическим. И, следовательно, не *пролетаризация* крестьянина, не присвоение его средств производства капиталом, но

1) непосредственная кооперация крестьян,

2) превращение крестьянского прибавочного продукта, через посредство денег, в *коллективное средство труда* рабочего государства (в государственной промышленности и т. д.).

Получается следующее положение:

Социалистическое хозяйство не может экспроприировать крестьянина путем высоких *монопольных цен* на продукты промышленности, высоких тарифов, высокого обложения и т. д., и не может этого делать по *экономическим* соображениям в такой же мере, как и по политическим.

В самом деле:

1) Социалистическое хозяйство не может создавать одни цены для крестьян, а другие для рабочих. Основной закон социалистического производства может заключаться только в повышении производительности, общественного прибавочного продукта, в росте как *индивидуального потребления рабочего*, так и общественного потребления всех видов.

Формально это должно выразиться в повышении заработной платы при одновременном падении товарных цен.

Рабочий класс не может сам стремиться к снижению своего жизненного уровня,—социалистическое производство, которое по своей *тенденции* было бы направлено к ухудшению положения рабочего,—есть нечто внутренне противоречивое и практически несостоятельное. (Разумеется, *временное* сокращение индиви-

дуального потребления ради социалистического накопления всегда возможно).

Но социалистическое хозяйство не может иметь две противоположные тенденции—одну для рабочего класса, другую—для крестьян. Впрочем, здесь достаточно указать, что с экономической точки зрения товарный рынок терпит только одну рыночную цену.

Итак, с тенденцией к удешевлению товарных цен, вытекающей из самой сущности социалистического производства, необходимо связана такая же тенденция и по отношению к крестьянству.

Для крестьян получаются следующие результаты:

1) Вытеснение примитивного натурального хозяйства (крестьянской домашней промышленности), специализация крестьян на производстве жизненных припасов в форме сырых продуктов.

2) Повышение крестьянского прибавочного продукта (путем удешевления средств производства и потребления, не им индивидуально произведенных).

Этот крестьянский прибавочный продукт принимает сначала форму товара, поступает на рынок и возвращается обратно к крестьянину.

Одна его часть идет на воспроизводство его инвентаря, или на (растущее) индивидуальное потребление.

В этом принципиальное отличие от капиталистического хозяйства. Последнее заключает в себе тенденцию к оскудевающему воспроизводству (и в конце-концов уничтожению) крестьянского хозяйства и к понижению его индивидуального потребления.

Растущее притязание русского крестьянина на улучшение условий своей жизни, на поднятие их до уровня жизни рабочего, есть вполне здоровое, нормальное, естественное явление в условиях социалистического хозяйства и находится не в противоречии, а в согласии с необходимой тенденцией труда.

Но не ждет-ли нас на этом пути постоянное воспроизводство индивидуального крестьянского хозяйства, его закрепление или даже превращение крестьян в мелких капиталистов и противников социалистического хозяйства? Не сохранится ли тенденция к превращению простого товарного производства в капиталистическое? Откуда возьмутся импульсы и каковы будут пути для перехода крестьян к коллективному производству?

Тут мы подошли ко второй части крестьянского прибавочного продукта.

Эта вторая часть и является основой для превращения простого товарного хозяйства в коллективное хозяйство. Другой основы нет и не может быть.

(Непосредственный переход сельско-хозяйственных рабочих или полупролетариев к коллективному хозяйству нас в данной связи не интересует. На Западе он будет, конечно, играть большую, но не единственную роль).

Вторая часть крестьянского прибавочного продукта попадает:

1) в форме налогов непосредственно в руки социалистического государства, где она служит расширению социалистической промышленности и т. д., но в то же время образует фонд для сельско-хозяйственных кредитов;

2) непосредственно же в руки государственной промышленности, и служит расширению социалистического хозяйства;

3) переходит в Государственный банк;

4) переходит в артельную кассу;

5) превращается в частно-торговый и частно-промышленный капитал;

6) от простого накопления в кубышке крестьянина, которое бесспорно тоже играет большую роль, мы здесь отвлекаемся.

Итак, вот в чем заключается принципиальное различие:

Крестьянский прибавочный продукт не становится исходным пунктом для образования капитала, не попадает в руки класса-антагониста, а притекает—частью прямо, частью косвенно—к социалистическому хозяйству, или же остается в руках крестьянства, которое может его использовать только артельным способом.

Тут намечаются следующие этапы: артельная закупка и продажа, приобретение орудий для коллективного труда, устройство общих складов, связь с различными отраслями обрабатывающей промышленности (сначала при сохранении индивидуальных начал в сельском хозяйстве), и, наконец,—коллективное ведение сельского хозяйства, связанное с коллективной промышленностью.

Потребительская артель создает фонды, которые делают возможным постепенный переход к коллективному производству (а также кредиты и т. д. для более бедных крестьян). В то же время государство приходит крестьянству на помощь кооперативными банками и т. п.

Это то, что физик называет «идеальным процессом»,—принципиальная сторона дела.

В действительности процесс гораздо сложнее.

Он включает в себя борьбу государственной промышленности, Государственного банка, государственной торговли, кооперативов с частной промышленностью—частной торговлей—ростовщичеством.

Он включает в себя, далее, государственную и кооперативную поддержку беднейших крестьян, т.-е. фонды для равномерного поднятия крестьянства.

Есть ли опасность, что частный капитал одержит верх над социалистическим хозяйством? Разумеется, да—именно в том случае, если социалистическое хозяйство будет отставать в производительности от частного; а для этого достаточно, чтобы его производительность возрастала менее быстро.

Но принципиально нет ничего невозможного в том, чтобы «изолированное» социалистическое государство привело крестьянство к коллективному производству.

При большой территории социалистического хозяйства (несколько государств) и благоприятном соотношении между социалистическим и индивидуальным крестьянским хозяйством, положение изменяется количественно, но не принципиально: ускоряется темп перехода от крестьянского к коллективному сельскому хозяйству, сокращаются отдельные переходные стадии.

Разумеется, для судьбы того или другого отдельного советского государства этот вопрос темпа может стать решающим.

К социалистическому государству крестьянина привязывает не только передача ему земли. Как только сохранение земли обеспечено за ним, что вполне совместимо с буржуазной реставрацией

(вспомним Францию после реставрации Бурбонов), так крестьянская собственность вполне может стать источником контр-революционных поползновений. Но при развивающемся социалистическом хозяйстве вместо этой связи—через передачу земли—появляется *новая*, революционная связь между крестьянством и пролетариатом, а именно: *принципиальная перемена* в отношении к промышленности и т. д. после ее перехода из рук частного капитала в руки рабочего класса,—замена *эксплоатации помощью* в развитии крестьянского хозяйства, сначала индивидуального, а затем и коллективного.

Но эта революционная связь по самой своей природе *длительна*.

Трения и конфликты возможны и даже неизбежны в *рамках* этих новых отношений, но они качественно отличаются от тех, которые имели место внутри капиталистического строя. Они действуют как импульсы к развитию социалистического хозяйства и должны поэтому в своем выявлении стремиться к сглаживанию противоречий.

Вообще не следует думать, что раз социалистическое хозяйство представляет собою гармоническую систему, то оно свободно от всякого противоречия, от реальных противоположностей. Если бы это было так, то *оно не было бы развивающейся системой*. Но тогда как противоречия капиталистического строя имеют тенденцию уничтожить самый строй, при социалистическом строе они имеют обратную тенденцию, стремясь к его развитию, укреплению, внешнему расширению и внутреннему усовершенствованию.

Ошибочные выводы (напр., у Преображенского, но также и у теоретиков социал-демократии и буржуазии) проистекают от того, что по своей *внешней форме* отношение между простым товарным производством и капиталистическим хозяйством *на первый взгляд* такое же, как между ним и социалистическим хозяйством (денежная форма, рыночные отношения). Но денежная форма прикрывает во втором случае социалистическое содержание; теперь, когда на другом полюсе находится социалистическое хозяйство, деньги служат диаметрально противоположной цели.

Это можно представить в следующем виде.

Формула простого товарного обращения, которую можно рассматривать как формулу постоянного воспроизводства, сохранения простого товарного хозяйства, такова:

(I) Т—D—Т.

Товар превращается в деньги, деньги в товар, или в виде периодического ряда:

Переход от простого товарного хозяйства к капиталистическому изображается следующей формулой:

(II) D—TD″.

Деньги, возникшие из первого акта обращения в (I), превращаются в товар (средства производства и рабочая сила), а затем (после завершения процесса производства) дают D + d (деньги + приращение) = D′.

или в развернутом виде:

$$\text{IIa } D - T\left(\frac{\text{Сп}}{\text{Р}}\right) \cdots \text{П} \cdots T' - D'$$

Сп=средства производства

Р=рабочая сила,

где П означает производственный процесс. Сп—средства производства, Р — рабочую силу.

Но из (I) можно и *прямо*, без перехода через (II), вывести процесс социалистического хозяйства.

Как и в (II), исходным пунктом является первый акт обращения из формулы (I), превращение товара в деньги. Но далее наступает различие. Деньги превращаются теперь в элементы не капиталистического, а социалистического хозяйства, в *непосредственно общественные* средства производства, сырые материалы и т. д., и из процесса производства продукт выходит не как товар, а как «благо» (Б).

Итак,

(III) D—П ..... Б.

или в развернутом виде:

$$\text{IIIa } D - \text{Сп} \cdots \text{П} \cdots \text{К}$$

К=потребительная стоимость.

(Сп—средства производства, сырье, П—производство).

Характерно тут следующее:

1) Первый акт обращения, D—П, не остается в пределах товарного рынка, но происходит между товарным рынком и социалистическим производством.

2) Отсутствует *купля рабочих сил* (в этом характерный экономический признак социалистического производства).

3) Продукт не превращается в товар, а остается непосредственно общественным «благом». Поскольку он остается *внутри сферы социалистического* производства, он хоть и входит в обращение при посредстве *расчетных знаков* или настоящих денег, но от этого все-таки не становится товаром в строгом смысле слова.

Действительным товаром он становится тогда, когда вступает в обмен с простым товарным производством (с крестьянским рынком), или с капиталистическими хозяйствами заграницы.

Здесь ясно обнаруживается, что денежная форма *внутри* социалистического хозяйства обусловлена *обменом веществ* между ним и простым товарным производством, с одной стороны, между ним и капиталистическим хозяйством—с другой. Отсюда следует, что она может исчезнуть лишь тогда, когда социалистическое хозяйство установится решительно *повсюду*, т.-е. на очень отдаленной от сегодняшнего дня ступени развития. Переходом к исчезновению денег могут служить расчетные знаки.

Денежная форма является таким образом неизбежным соединительным каналом между простым товарным, капиталистическим и социалистическим производством in statu nascendi или fiendi (в стадии его зарождения).

Денежная форма есть внутри социалистического хозяйства нечто внешнее, под чем скрывается существенно новое содержание. Эта внешняя надслойка и является источником всех буржуазных заблуждений относительно своеобразия этого социалистического хозяйства, развивающегося в окружении простого товарного и капиталистического хозяйства.

Теоретически денежная форма внутри социалистического хозяйства может, конечно, привести к двум противоположным результатам:

к поглощению простого товарного производства социалистическим хозяйством, или к разложению социалистического хозяйства простым товарным производством и его возврату к капиталистической хозяйственной форме.

Если теоретически (I) может перейти в (II) или (III), а (II) в (III), то и (III) в свою очередь может перейти обратно в (II).

Денежная форма, как то общее, что одинаково присутствует в (I), (II), (III), служа в них посредником обмена, теоретически допускает все названные переходы. Практически вопрос решается развитием производительных сил в каждой из этих форм, находящим свое экономическое выражение в борьбе конкурентов на товарном рынке, в которой соприкасаются различные формы хозяйства и которая выливается в самые разнообразные политические формы.

В исторической перспективе победа формы (III), как высшей, неизбежна.

В заключение отметим еще один пункт, имеющий значение во всемирном масштабе.

Соприкасаясь с различными формами натурального хозяйства, капиталистическая система имеет тенденцию превратить его в простое товарное хозяйство (и тем самым уничтожить).

Социалистическое хозяйство в этом не нуждается, оно может и при наличии простого натурального хозяйства выявить свой характер развернутого непосредственно общественного хозяйства и осуществлять обмен веществ в форме непосредственного обмена, без промежуточного звена в виде денег.

Это имеет большое значение для многочисленных народов, у которых до сих пор сохраняются различные формы натурального хозяйства и по отношению к которым политика социалистических государств означает принципиальный поворот не только в собственно политическом, но и в экономическом смысле.

Лишь приведя в связь зарождающееся социалистическое хозяйство не только с простым товарным производством и с капиталистическим хозяйством, но и с примитивным натуральным хозяйством, мы сумеем теоретически уразуметь до конца все его своеобразие.

Анишев.

О советской главе нашей истории [1]).

(Ответ М. Н. Покровскому).

В № 14 «Большевика» напечатана статья М. Н. Покровского о советской главе нашей истории. Несмотря на то, что Покровский предупреждает, что это есть просто припоминание фактов в их хронологической последовательности, мимо этой статьи нельзя пройти, во-первых, потому что это статья М. Н. Покровского, во-вторых, потому что Покровский намечает методы построения всей истории нашего семилетия, и, в-третьих, потому что он дает периоды, которые, несмотря на все замечания Покровского, имеют далеко не только педагогическое значение.

Покровский пишет: «Нельзя отрицать, что, будучи научно весьма слабым приемом, периодизация весьма полезна педагогически. Если не фетишизировать вех, нами самими расставленных на пути истории, а пользоваться ими,—как и полагается пользоваться вехами,—лишь для ориентировки, начинающему они помогут понять особенности важнейших этапов прошлого».

В другом месте («7 лет пролетарской диктатуры») Покровский раз'ясняет это положение: он опровергает ссылку на авторитет Ленина, который любил периодизацию тем, что Ленину легко было периодизировать, так как он периодизировал только историю партии.

О том, что Ленин всегда намечал периоды, из которых выводил определенные лозунги, это совершенно верно, но неверно то, что Ленин давал только периоды истории партии. Ленин писал: «каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения». Это достаточно ясно говорит, во-первых, о том, что значение схемы не только педагогическое, и, во-вторых, что Ленину для того, чтобы давать периоды партии, нужно было периодизировать всю совокупность особенностей определенного политического положения, т.-е. давать периоды истории.

Покровский считает, что попытка делить историю на определенные периоды—это особенность до-диалектического периода нашей исторической литературы, и всякую попытку периодизации считает «рожковщиной». Что схемы Рожкова вряд ли могут кем-нибудь признаваться диалектическими, в этом сомневаться не приходится, но отсюда далеко еще до вывода о том, что всякая схема нужна только как педагогический прием, при чем, очевидно, прием не вполне диалектический.

Редакция «Большевика» сделала примечание, оговаривающее несогласие с Покровским в этом пункте. Отмечены в примечании редакции и другие моменты, с которыми редакция несогласна. Мне кажется, над этой статьей и над основными моментами перио-

---

[1]) Вполне соглашаясь с **критической** частью статьи, редакция считает **положительную** часть дискуссионной.

дизации следует остановиться значительно больше, так как эта статья может оказать очень скверную помощь и начинающим историкам и пропагандистам.

Как т. Покровский предлагает строить схему?—Он говорит: Так как у схемы должен быть какой-нибудь основной принцип, то я беру лишь одну сторону исторического процесса, которая мне представляется важнейшей». В этом положении кроется по моему мнению, вся основа ошибок Покровского в его периодизации. Это положение противоречит основному принципу диалектики: «Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивание кусочка одного, кусочка другого» (Ленин).

Определение той стороны, которая предоставляется Покровскому важнейшей, не является как будто выдергиванием какого-нибудь случайного кусочка. Он предлагает положить в основу «положение пролетарской диктатуры в его отношении к непролетарским элементам как внутри, так и во внешнем мире, за границей». С этим, мне кажется, можно согласиться, если только понимать под этим взаимоотношения пролетарской диктатуры и непролетарских элементов, т.-е. соотношение и борьбу классов.

Но дело все в том, что Покровский берет в основу даже не односторонние отношения пролетариата к непролетарским элементам, а иллюзии (часто мнимые), не говоря даже о том, что это были иллюзии—Ленина и партии, или широких масс пролетариата. В период нэпа к пролетарским иллюзиям прибавляются иллюзии буржуазии и все это дает «напластование периодов».

Из этого вытекает, например, такое своеобразное положение, когда первый период Покровский называет периодом «пацифистских иллюзий», совершенно ничего не говоря о той обстановке, в которой эти «пацифистские иллюзии» процветали (я покажу потом, что их и не было).

Полная демобилизация армии, отвлеченно говоря, должна быть оценена как проявление пацифистских иллюзий. А между тем, мы переживали период, когда наиболее пацифистское явление—демобилизация армии была единственным методом создания вооруженных сил.

Не учитывать того противника, с которым нам приходилось иметь дело, и те силы, которые в нашем распоряжении в это время были, взять просто настроение руководящей партии и определить ее, как проявление пацифистских иллюзий, это и значит «выдергивание кусочка одного, кусочка другого».

Характерно далее, что Покровский период нэпа делит на две части опять-таки по признаку иллюзий, уже не только с нашей стороны, но и со стороны буржуазии, и только случайно и мельком устанавливает связь между изменением этих иллюзий и изменением экономического положения Советской России. Не твердый рубль является у него переломным моментом в развитии нэпа, а поездка американского профессора Гольдера, который в 1922 году «видел в России величайшее коммерческое оживление, в 1923 году перед ним расстилалась пустыня, на которую смотрели заколоченные окна магазинов и среди которой блуждали остатки голодающего населения».

Прежде чем рассматривать те выводы, к которым приходит Покровский, исследуя иллюзии наши и наших противников,

нельзя пройти мимо и другого методологического вопроса первостепенной важности, вопроса о взаимоотношениях экономики и политики в истории.

Намечая принцип своей схемы, Покровский отвечает на возможное возражение, «что исходной точкой тут является не экономика, не развитие производительных сил, но политика. Я думаю, однако, пишет Покровский, что для данного периода это совершенно правильно. Поскольку Россия 1914 года была уже определенно империалистической страной, экономика, определявшая ее судьбы, была не местная, а мировая: из этой мировой экономики можно об'яснить империалистическую войну (политический факт), разрушившую хозяйство царской России и тем вызвавшую революцию 1917 года; из туземных же экономических условий об'яснить участие России в империалистической войне нельзя».

Это положение вызывает недоумение с двух сторон. Во-первых, совершенно непонятно, каким образом сочетается у Покровского вся теория Ленина о смычке пролетариата с крестьянством и об особенностях нашей революции—пролетарской революции в крестьянской стране—с отрицанием местной экономики? Куда делись ленинские 5 элементов и его сравнение России с Германией? Если нужно и можно говорить о связи нашей экономики с экономикой мировой, то разве можно забывать значение и влияние нашей местной отсталой экономики крестьянской страны. Это первое.

Другое, что самая постановка вопроса «экономика и политика» дана совершенно неправильно. В конечном счете определяющим фактором всегда является экономика. От этого никогда и ни при каких условиях мы отказаться не можем. Историк должен учесть, в каждый данный момент в какой степени экономическое изменение является решающим, в какой степени политические изменения развиваются на основе экономического положения, соответствующего предыдущему периоду истории и т. д. Но не следовать за Каутским, держать схемы яко слепой стены, это совсем не значит, что нужно стать на голову. Особенно, если мы говорим не только о 1918, 1919 годах, но и о нэпе, когда основным политическим фактором стал рубль и рынок.

Одним словом, надо не определять раз навсегда, что для данного периода (а период этот не имеет еще конца, так как Покровский доходит до сегодня и до завтра) совершенно правильно, что исходной точкой является не экономика, но политика, но учитывать в каждый данный момент своеобразие влияния и взаимодействия между политикой и экономикой.

Мы должны помнить, что «революция это чисто стихийное явление, которое управляется больше физическими законами, чем правилами, определяющими в обычное время развитие общества» (Энгельс). Но мы должны помнить в то же время, что «чем длиннее изучаемый период, чем больше изучаемая область, тем больше приближается эта ось к оси экономического развития, тем параллельней ей она идет» (Энгельс). Мы должны помнить о том, что политическая диктатура есть факт, который не является бессильным экономически, что целый период нашей истории «нам ничего не оставалось и в области экономической, кроме как действовать по военному».

Но мы обязаны учесть изменения взаимодействий экономики и политики в 1923 году по сравнению с 1919—20 годом; если в 1919 году политическая диктатура пролетариата и ее перенесение в деревню являлась наиболее крупным и политическим, и экономическим фактором, то в 1923 году никакие политические действия пролетариата не могли иметь такого исторического значения, как установление твердой валюты.

После этих беглых замечаний можно перейти к рассмотрению тех периодов советской главы нашей истории, которые намечает Покровский.

Прежде всего приходится остановиться на «периоде пацифистских иллюзий». Положение о пацифизме Покровский обосновывает тем, что мы собирались разбазаривать военные склады, что мы отпускали комитет кадетской партии, что мы позволяли эсерам заключать договор с французской миссией и т. д.

Но, во-первых, если говорить о тех фактах, что целый ряд контр-революционных организаций спокойно продолжали работать в Советской России, то нельзя забывать о том, что немедленно после октября вооруженные отряды Красной гвардии понесли советскую власть в те районы, где местными силами советская власть установлена быть не могла, что мы имели вооруженную борьбу на Дону, на Кубани, на Урале; что мы, наконец, воевали в этот период не только с внутренней контрреволюцией, но и с Румынией, которая потерпела довольно серьезное поражение под Рыбницей именно в период, который Покровский называет периодом пацифистских иллюзий.

Нельзя же назвать периодом пацифистских иллюзий тот момент, когда мы вели победоносную вооруженную борьбу на всех окраинах, где советская власть встретила препятствие для своего распространения. Пролетариат не вел вооруженной борьбы в этот момент в более широком масштабе, потому, что «никаких масс, способных воевать и победить советы» (Ленин), в данный момент не было.

Октябрьское восстание пролетариата опиралось на сочувствие всего крестьянства. Этот союз пролетариата и крестьянства (в целом) совершенно разбил и дезорганизовал буржуазию, и все попытки оказать сопротивление распространению советской власти в этот период носят настолько жалкий характер (Комитет Спасения, 5 января и т. д.), что говорить о какой бы то ни было вооруженной борьбе более крупных размеров, чем это было в самом деле, совершенно не приходится.

Мы должны помнить, что ни одна попытка русской контрреволюции создать серьезное сопротивление советской власти без помощи иностранного капитала не давала никаких результатов в течение не только этого периода, но и всего семилетия советской истории. В этом же периоде и международный капитал занимал выжидательную позицию. Мы имеем факты предложения нам помощи со стороны антантовского империализма, и, даже, как пишет Набоков, обсуждение вопроса о признании советской власти.

Наиболее ярким пацифистским экспериментом можно было бы считать (и так и считает Покровский) Брестский мир. Он пишет: «это не был ни прочный, ни, главное, настоящий мир. И вот, это последнее обстоятельство, что мир был не настоящий, был худым миром, который лучше только доброй ссоры, это обстоятельство в 1917 году, несомненно, ускользало от внимания наших широких кругов».

Здесь неверно ни то, что этот мир не был миром настоящим, поскольку можно вообще говорить о настоящем мире между пролетарским и капиталистическими государствами, это—во-первых. А во-вторых, неверно и то, что мы этот мир считали настоящим.

Ленин говорил: «Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал и он прыгает еще раз. В этом нет ни тени сомнения. Поэтому надо быть готовым, надо уметь, не фанфаронить, а брать даже один день передышки». Дальше: «мир есть передышка для войны. Война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший мир». И, наконец: «Я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха, ружей и проч., которые нужны для меня, потому что я оборонец, потому что я стою за подготовку армии, пусть в самом дальнем тылу, где можно лечить демобилизовавшуюся больную армию».

Если это можно считать иллюзией настоящего мира, то, конечно, и весь Брестский мир представится в виде «колоссального пацифистского эксперимента», но эти выдержки из Ленина с достаточной ясностью показывают, что Ленин, а с ним и вся партия, не считали этот мир ни прочным, ни сколько-нибудь хорошим. В то же время нельзя не учесть того, что германский империализм, как это признает и Покровский, в этот момент был вполне реально заинтересован в мире с Советской Россией. Следовательно, основной момент, который давал нам возможность тогда этот мир принять, заинтересованность обеих сторон, была налицо, и поэтому этот мир рассматривать как худой мир и только, будет неверно.

Ленин неоднократно указывал, что первый год мы прожили и просуществовали благодаря тому, что мы были прикрыты противоречиями между империалистическими странами. Это было вполне реальной оценкой соотношений сил в данный момент и никаких иллюзий в этом отношении не было. От международного империализма нас прикрывали империалистические противоречия, внутренняя контр-революция была дезорганизована и направляла все свое внимание на окраины, куда и мы направляли достаточное количество вооруженных сил, чтобы сломить их сопротивление.

Ленин давал характеристику периоду от октября 1917 года до февраля 1918 года, как периоду триумфального шествия революции.

И это определение можно подтвердить целым рядом фактов и о развале всех контр-революционных организаций и о нашем победоносном распространении по всей стране.

Март месяц является переломным моментом в том отношении, что от задач убеждения народа и ликвидации сопротивления буржуазии мы переходим к организационным задачам, во-первых, и, во-вторых, изменяется наше международное положение с заключения Брестского мира и с оккупацией германскими войсками Украины.

Германская оккупация была первой помощью международного империализма русской контр-революции, что выразилось в под'еме новой волны казацкой и кулацкой контр-революции на Урале и на Дону. В то же время союзный империализм от тактики выжидания и от обсуждения признания советской власти переходит к организации кадров контр-революции и к подготовке интервенции.

Но и в этом периоде мы имеем, как основной факт, лишь сопротивление мелкобуржуазной стихии организационным мероприятиям пролетариата, которое не выливалось еще в формы политической и вооруженной борьбы.

Наша тактика в этот период—это тактика «лавирования, выжидания и отступления», это тактика Бреста и апрельских речей Ленина, намечающих основы той политики, которая в 1923 году получила название новой экономической политики. Нашей задачей здесь было «перепахивание почвы», чтобы на ней не могла расти новая буржуазия. И с точки зрения нашей подготовки к будущей вооруженной борьбе, это было единственным методом, который мог дать какие-нибудь результаты.

Во время Брестского мира Ленину говорили, что нужно было не демобилизовать армию, и Ленин отвечал на это, что эти товарищи не понимают, что демобилизация армия есть единственный метод строительства новой армии, что до тех пор, пока мы не возвратим крестьянина в деревню и не дадим ему возможность пощупать собственными руками полученную землю, ни о каком сопротивлении натиску союзного или германского империализма говорить не приходится.

Нужно отметить еще одно: Ленин говорил в апреле 1918 года, что гражданская война в основном и целом закончена, в июле 1918 года Ленин говорил: «Мы снова попали в войну». Это сопоставление апрельских и июльских речей Ленина может как-будто бы явиться подтверждением положения Покровского о пацифистских иллюзиях.

На самом деле это не так. В июле 1918 года Ленин говорил не о той войне, о которой он говорил в апреле. Он подчеркивал, что теперь перед нами уже не только русская буржуазия, но и английский, французский и американский капитал, и тот факт, что мы в июле попали в новую войну, нисколько не является отрицанием того, что гражданская война в апреле 1918 года была закончена вполне реально, а не только в умах партийных руководителей, в том числе и Ленина.

Переломным моментом от передышки к новой войне является не август 1918 года, как это выходит у Покровского, а чехословацкое восстание, которое происходит в конце мая 1918 года и совпадает с начинающимся кризисом в деревне, этим кризисом, т.-е. отходом от пролетариата части крестьянства поддерживается и этот кризис углубляет.

Август 1918 года не может быть указан как переломный момент даже с точки зрения иллюзии, хотя бы потому, что в августе наша Красная армия восточного фронта уже переходит в наступление и начинает ликвидацию чехо-словацкого восстания. Понятно, что от мнимого перелома от пацифистских иллюзий к пониманию необходимости вооруженной борьбы и до отражения этого перелома на фронте должно было пройти известное время.

Основные факты, которые должны быть учтены, как моменты, определившие перелом от мира к войне, это—продовольственная диктатура пролетариата (декрет 14 мая), ускорившая процесс расслоения деревни и внесшая в него новую струю и новые силы в виде продовольственных отрядов; это чехо-словацкое восстание которое дало возможность кулачеству перейти от пассивного сопротивления к активной вооруженной борьбе, что вылилось в целом ряде кулацких восстаний; и это, наконец, начало организации в деревне комбедов в противовес поднявшемуся кулаку. Все это Ленин назвал июльским кризисом.

Восстание левых эсеров было характерным моментом для оценки положения пролетарской диктатуры в этот период, так как оно чрезвычайно ярко показало, что крестьянства в целом больше не существует. Партия левых эсеров, появившаяся на основе отхода всего крестьянства от буржуазии, поднимая восстание, не шла еще на союз с буржуазией, и поэтому за ней не могло пойти кулачество; она отошла уже от пролетариата, и поэтому за ней не могла пойти деревенская беднота. Она пыталась опереться на все крестьянство, которого реально теперь уже не существовало—крестьянство раскололось, и первый акт выступления партии левых эсеров привел эту партию к полной ее ликвидации.

Покровский считает август 1918 года началом гражданской войны в тесном смысле этого слова. Концом гражданской войны он считает весну 1920 года, т.-е. в один период он относит и борьбу с 19-ю контр-революционными правительствами, существовавшими в августе, и борьбу с Колчаком, Деникиным, Юденичем, когда мы имели против нас ярко выраженную военную диктатуру буржуазно-помещичьего блока.

Уже самое количество контр-революционных организаций в августе говорит об их мелкобуржуазном характере, и, следовательно, за период гражданской войны мы имеем изменение противника, с которым приходилось иметь дело. Мелкобуржуазная эсеровская контр-революция, конечно, была ничем иным, как форпостом контр-революции буржуазно-помещичьего блока, но она опиралась на отход крестьянства и даже отсталых слоев рабочего класса от пролетариата, в то время как диктатура Колчака появилась на основе начинавшегося поворота среднего крестьянства к пролетариату.

Кроме изменения сущности контр-революционных организаций, с которыми нам приходилось иметь дело, изменилось и положение пролетарской диктатуры в ее отношении к крестьянству. Июль—август 1918 года мы имеем союз с бедняками—политика комбедов, в то время как в 1919—20 годы мы завоевываем середняка и отказываемся от политики комбедов.

Переломный момент здесь намечается совершенно определенно. Это ноябрь 1918 года, германская революция, которая изменила не только наше международное положение, но и наше внутреннее положение. Не учесть такого перелома, как германская революция, уничтожившая Брестский мир и германский империализм и освободившая антантовский империализм от основного, что мешало ему начать большую интервенцию, совершенно невозможно.

До германской революции мы имеем борьбу пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством против демократической контрреволюции. После ноября 1918 года и до весны 1920 года мы имеем борьбу пролетариата в союзе с средним крестьянством против буржуазно-помещичьей контр-революции. До ноября 1918 года мы находимся между двумя империализмами, занятыми войной. После ноября 1918 года мы стоим лицом к лицу с антантовским империализмом, и нас прикрывают уже только противоречия внутри Антанты.

В смысле изменения наших отношений с крестьянством у нас принято считать переломным моментом март 1919 года, реше-

ния VIII с'езда партии о ставке на середняка. На самом деле отказ от политики комбедов и союз с середняком ведет свое начало именно от ноября 1918 года, и первые речи Ленина о середняке относятся именно к этому периоду. Это его статья «О ценном признании Петирима Сорокина» и его речь о мелкобуржуазных партиях.

К ноябрю относится и ликвидация комбедов. К этому моменту относятся и такие факты, как организация, в значительном своем составе крестьянской, армии на Украине, и известное решение меньшевиков, почуявших перелом в настроении масс, чуть ли не о признании советской власти и Октябрьской революции.

Я думаю, что гражданскую войну нужно делить на три периода: первые два указаны выше, третий—война с Польшей и Врангелем.

Есть ли какие-нибудь основания для того, чтобы 1920 год выделить в особый период?

Покровский считает, что только 1920 год и является периодом военного коммунизма. Все экономические преобразования, произведенные нами до 1920 года, он считает совершенно нормальными и говорит, что ничего военного в этих мероприятиях не было.

С этим положением согласиться совершенно нельзя. Достаточно вспомнить слова Ленина, сказанные им 29 июля 1918 года о том, что «весь вопрос российской революции свелся к вопросу военному». На X с'езде партии Ленин еще отчетливее говорил об этом. Он говорил: «Ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической».

Ссылка Покровского на «Грозящую катастрофу», в которой намечалась экономическая программа пролетарской диктатуры, не выдерживает никакой критики, так как экономические мероприятия 1919 года далеко не сходятся с этой программой.

В «Грозящей катастрофе», говоря о национализации банков, Ленин писал: «Кто владел 15 руб. по сберегательной книжке, тот останется владельцем 15 руб. и после национализации банков, а кто имел 15 милл. руб., у того и после национализации банков останется 15 милл. рублей в виде акций, облигаций, вексельных товарных свидетельств и т. п.».

В мае 1919 года мы имеем слияние банка с казначейством, т.-е. уничтожение кредита. В резолюции VIII с'езда партии мы имеем такое место: «Налог переживает себя в силу широко проведенной экспроприации имущих классов».

Уже это говорит о том, что экономическая политика 1919 года далеко не совпадала с экономической программой, намеченной Лениным в «Грозящей катастрофе».

Но основным отличием военного коммунизма от мероприятий, намечаемых Лениным, в 1917 году, тех, о которых он говорил, что шагом к социализму они неизбежно являются,—была наша политика в отношении мелкой промышленности, и мелкого товарного хозяйства.

В «Грозящей катастрофе» Ленин писал о мероприятиях, не затрагивающих собственности мелкого хозяйчика, крестьянина и кустаря. Между тем, декрет 14 мая (о проддиктатуре) говорит уже об отобрании всех излишков хлеба независимо от того, сможет ли советское правительство дать крестьянину эквивалентное количество товаров.

В мае 1919 года на с'езде внешкольников Ленин уже говорит о том, что мы берем у крестьянина хлеб в ссуду, т.-е. отнимаем его собственность.

Покровский недостаточно полно останавливается на этом вопросе, но весьма интересно было бы знать, считает ли он, что в разверстке также ничего военного не было?

Отличие 1920 года от 1919 иное. К 1920 году мы имеем прорыв блокады, уничтожение буржуазно-помещичьего блока (в основном) и нивеллировку крестьянских хозяйств.

Постановление Верховного Совета о снятии блокады было принято в январе 1920 г. Это не было только резолюцией, так как мы действительно начинаем торговать с Англией. Заключение мира с Эстонией тоже нельзя рассматривать как случайный эпизод хотя бы потому, что переговоры с Эстонией были начаты через английского профессора Гуд'а.

Войну с Польшей Ленин называл обломками старого империалистического плана и она является скорей попыткой занять выгодную позицию при мирных отношениях с Советской Россией.

«Теперь, говорил Ленин в начале 1920 года, международный капитал идет с определенным намерением, с рассчитанным планом, чтобы при снятии блокады международное мешечничество, международную свободную торговлю соединить, сплотить с нашим внутренним мешечничеством, и приготовить на почве этого мешечничества нам новую войну».

В отношении с крестьянством 1920 год также является иным, чем 1919, так как, во-первых, данные 1920 года уже показывают почти завершенный процесс нивеллировки крестьянских хозяйств, и, во-вторых, от буржуазии и помещиков осталась только «дробь»—Врангель, т.-е. крестьянство в значительной мере осталось уже лицом к лицу с пролетариатом.

Мы имеем уже в 1920 году весной зарождение тамбовщины и оживление партии с.-р., выпустившей письмо об организации приговорного движения и крестьянского союза.

Т.-е. мы в 1920 году имеем почти полностью ту обстановку, которая в 1921 году привела к нэпу. И в этом отношении я совершенно согласен с Покровским, когда он выделяет экономическую политику 1920 года. Я только назвал бы ее не военным коммунизмом, а форсированным продолжением военной политики в условиях, отличных от тех, которым эта политика соответствовала. Здесь нужно только не забывать о войне с Польшей и Врангелем.

На фракции VIII с'езда Советов Ленин говорил: «анализируя текущий политический момент, мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде». Я думаю, что таким переходным периодом в переходном периоде нужно считать весь 1920 год. Это—переход от блокады к капиталистическому окружению и от военного союза пролетариата с крестьянством (возобновленному на время Польской войны) к смычке.

Подводя итоги намеченной выше периодизации мы получим следующую схему:

1. Октябрь 1917—февраль 1918 г. — Распространение октябрьского восстания. «Триумфальное шествие революции».
2. Март—май 1918 г.—Передышка.

3. Июнь—ноябрь 1918 г. Между двумя империализмами. Борьба пролетариата в союзе с бедняком против демократической контр-революции.

4. Ноябрь 1918—весна 1920 г.—Лицом к лицу с Антантой. Борьба пролетариата в союзе с середняком против буржуазно-помещичьей контр-революции.

5. 1920 год. — «Переходный период в переходном периоде» от войны к нэпу.

Я не претендую нисколько на правильность этой схемы. Эту схему я беру как ориентировочную для работы над материалами по Советской главе истории и легко допускаю, что в результате дальнейшей работы эта схема совершенно изменится.

Я считаю основным недостатком этой схемы то, что она охватывает только очень ограниченные стороны исторического процесса. Задачей историка является охват по возможности всех его сторон, что, однако, отнюдь не является отрицанием схемы вообще.

Эта задача является отрицанием только такой схемы, где «я беру один принцип» и где вместо реального соотношения классовых сил берутся «иллюзии».

Я думаю, что пришла пора взяться не только за намечение ориентировочных схем, вех для работы (а не для целей педагогических), но и за работу над Советской главой истории полностью.

И нужно всячески приветствовать статью Покровского как толчек к этой работе.

А. Горлов.

К проблеме партийного руководства комсомолом.

Разрешение и осуществление проблемы, которая стоит перед рабочим классом в России: укрепление диктатуры пролетариата в стране с крестьянским большинством, является возможным только потому, что во главе его стоит революционная, закаленная в боях ленинская РКП.

Без этой партии, без этого передового отряда, идущего во главе пролетариата и руководимого им крестьянства, и без целого ряда сложнейших каналов, которые связывают эту партию с массами рабочих и крестьян,—осуществление стоящих перед пролетариатом задач было бы немыслимо.

Только благодаря руководству партии и только благодаря ее связям с массами трудящихся, с массами рабочих и крестьян, пролетарская революция в России оказалась революцией победоносной.

Правильная ленинская политика нашей партии в деле осуществления и укрепления союза рабочих и крестьян; в деле осуществления дикатуры пролетариата, в стране с большинством крестьянства, имеет место только благодаря тому, что она, партия, осуществляет эту связь и это руководство, главным образом, через посредство целой системы массовых организаций, связывающих ее с массами трудящихся.

Профсоюзы связывают партию с массами рабочего класса; через советы партия связывается с крестьянством; через комсомол с молодежью; ряд других беспартийных и общественных организаций также связывают ее с массами рабочих и крестьян (рабкоры и селькоры, комитеты крестьянской взаимопомощи, кооперация и т. д., т. п.).

В зависимости от характера той или иной организации, в зависимости от состава организации, наша партия соответствующим образом осуществляет и свой подход к ним и свое руководство. В этом отношении ее главная задача состоит в том, чтобы все эти различные, и, на первый взгляд, не связанные друг с другом организации, ввести в общее русло, которое должно превратить ручейки этих различных организаций в могучий революционный поток, сметающий на своем пути все преграды делу освобождения рабочих и крестьян.

К числу этих «ручейков», слившихся в общий поток, относится и комсомол.

Комсомол является для партии, в особенности в данное время, весьма и весьма серьезным помощником. В условиях все более развертывающейся активности масс рабочих и крестьян, при условии, когда партия идет навстречу этому, когда партия пробуждает

эту активность, когда она способствует оживлению работы советов и кооперации—в этих условиях вопрос о связи партии с массами рабочих и крестьян приобретает наиболее серьезное значение. Но партия может осуществлять роль передового отряда рабочего класса только в том случае, если она будет монолитной, однородной по своему составу.

В силу этого партия вынуждена особенно сдержанно относиться к приему новых членов, в особенности же вышедших не из рядов рабочего класса. Но это же ставит ей преграды и уменьшает возможности ее тесных связей с массами, в особенности, с крестьянством, а также и влияния на них.

Комсомол должен оказаться как раз тем приводным ремнем, через посредство которого должна происходить связь с массами молодых рабочих и крестьян.

Именно поэтому комсомол должен расти. Его рост за счет рабочей, в особенности, за счет крестьянской молодежи должен вести и ведет к тому, что весь этот поток попадает в сферу непосредственного влияния нашей партии и в то же время уже не представляет из себя той «стихии», которая грозила бы снести своим напором устои партии.

Благодаря комсомолу, этот поток не остается без действия и используется, как определенная организованная сила.

Наряду с этой ролью шлюза, комсомол играет еще и другую, не менее, если не сказать более, важную роль.

Тот факт, что союз является массовой организацией, то, что он своими корнями сидит непосредственно в деревне и на заводе, все это превращает его в могущественное орудие ленинского воспитания молодого поколения,—с одной стороны, и орудие политического влияния на всю остальную массу молодых, а в определенной мере и взрослых рабочих и крестьян,—с другой.

Комсомольцы в деревне, на фабрике, в школе,—везде являются тем активом, теми дрожжами, которые способствуют еще большему брожению, еще большей активности масс рабочих и крестьян.

Но именно это-то и должно заставить партию с особенной тщательностью и особенной внимательностью относиться ко всему тому, что происходит в комсомоле.

Нужно сказать, что здесь в политике партии имеются еще значительные пробелы. Можно еще очень часто заметить отсутствие постоянного систематического, повседневного руководства работой комсомола со стороны партии. А, если таковое и имеется, то, за редкими исключениями, оно осуществляется в очень слабой мере и в весьма узком масштабе. У нас очень часто партийное руководство подменяется формальным представительством в органы комсомола, очень и очень часто руководство состоит в том, что партийцы являются стороной разрешающей те или иные споры и склоки, возникающие в комсомоле. Вопросы не экстра-важные, вопросы общие и повседневные, затрагиваются партией только в ее незначительной части, и то это относится, главным образом, к верхушке партии, к ее ЦК и некоторым местным организациям.

А потребность в таком повседневном руководстве, безусловно, имеется. То положение, что комсомол растет и должен расти за счет, в особенности, крестьянской молодежи, а также и то, что комсомольцы втянуты довольно сильно в общественно-политическую деятельность страны, наряду с положительными имеет

и отрицательные стороны. Этого никогда нельзя забывать, об этом нужно беспрерывно помнить и иметь это в виду.

Молодежь является наиболее хрупким и наиболее чувствительным материалом. Она раньше и скорее, чем взрослые может оказаться в плену у враждебной нам стихии, в плену различного рода сомнений и настроений, которые может ей навеять окружающая ее обстановка.

А что касается до обстановки, то она в настоящий момент столь противоречива, стоящие перед партией и союзом задачи столь сложны, что массе комсомола, при условиях преобладания в союзе не пролетарских элементов, а крестьянских, угрожают большие опасности.

Само собой разумеется, этих опасностей не надо преувеличивать, но нельзя на них и закрывать глаз, нельзя проходить мимо них.

Спрашивается, на чем же могут споткнуться отдельные, возможно, довольно значительные слои комсомола?

Необходимо прямо сказать, что вопросов, которые при неправильном их толковании могут явиться прямой угрозой единству партии и комсомолу по основным вопросам партийной политики, имеется довольно-таки изрядное количество.

В связи с некоторой затяжкой, с некоторой отсрочкой непосредственно-революционной развязки на Западе, вполне возможно и неизбежно возникновение в определенных слоях комсомола, в особенности, в его непролетарской части упадочных настроений, пессимизма, неверия в силы пролетариата и его партии, утеря революционной перспективы и неспособность, благодаря этому, понять политику нашей партии на данное время.

Такое отсутствие правильного подхода к основным, к общим вопросам, безусловно, может способствовать еще большей путанице и еще большим отклонениям от правильной ориентации и в современной обстановке, и в политике нашей партии.

Несомненно, что в таком щекотливом вопросе, как крестьянский, могут возникнуть уклоны, может оказаться налицо непонимание комсомольцами политики партии по этому вопросу и т. д., и т. п.

Вопросы работы комсомола в деревне в настоящий момент, само собой разумеется, приобретают огромнейшее значение, и для партии вовсе не безразлично—будет ли комсомол в деревне правильно проводить ее политику, или нет.

Нужно сказать, что значительная доля комсомольцев уже усвоила политику партии в деревне по этому вопросу и ведет весьма крупную работу по осуществлению современной партийной линии. Но и не менее значительная часть проводит ее весьма коряво и довольно «первобытными приемами».

В качестве иллюстрации того, как иногда комсомольцы могут и осуществляют политику партии в деревне, служит нижеследующий факт.

Подающий заявление о вступлении в комсомол — молодой крестьянин пишет:

«Прошу меня принять в ячейку — «наган имею». Этот факт показывает, как еще многими понимаются задачи комсомола в деревне. Отсюда ясно, что такой части комсомола весьма трудно переходить на «новый курс» работы в деревне.

Уже сейчас мы можем наблюдать случаи, когда, в виду того, что во время перевыборов крестьяне, по вполне понятным причинам, «проваливали» комсомольцев, у последних проявляется некоторый осадок, некоторое недовольство партийной линией, некоторая боязнь за свой «авторитет».

Все это создает угрозу возможных отклонений от правильной партийной позиции в этом вопросе.

Можно наблюдать ряд жалоб от комсомольцев о том, что РКП держит курс на кулака, что кулаку сдаются завоевания пролетариата и деревенской бедноты.

Эта же группа (а ей подобные есть и в партии) на практике дело сводит к тому, что срывает нашу политику в деревне, наклеивая на всякого более или менее культурного середняка ярлык кулака и т. п.

Правда, еще и теперь можно наблюдать, как некоторые комсомольцы впадают в другую крайность, когда действительного кулака не замечают, обходят, замалчивают. Но это—менее значительная часть. Более серьезное значение имеет первое, если можно сказать, «левое» направление.

Есть часть и городских комсомольцев, кои нет-нет, да и пожалуются на то, что, мол, рабочих отодвигают на задний план, что партия склоняет свои симпатии в сторону крестьянства.

По существу и то, и другое есть выражение «цеховой ограниченности» в этом вопросе. Здесь отсутствует перспектива, понимание вопроса во всей его широте и историческом развитии. И деревенская и городская «левизна» в этом вопросе одинаково опасна и вредна.

В особенности, она опасна для комсомола. Различное отношение партии и комсомола к вопросу о вовлечении и допущении в свои ряды крестьян и крестьянской молодежи обусловливается различием их задач.

Партия в этом отношении значительно отличается от комсомола, так как на ней лежит ответственность за осуществление правильного руководства.

Комсомол же призван сыграть совсем иную роль. Он не может претендовать на руководство рабочим классом и страной, он может только помогать партии осуществлять ее руководящую роль; но на него ложится новая, не менее значительная задача, которой не может взять на себя ни одна другая организация—это задача переделки нового поколения, задача подготовки этого нового поколения к вступлению в социалистическое общество.

Проблема переделки следующего поколения целиком ложится на комсомол. Отсюда вытекает и тот круг вопросов, из коих необходимо исходить в работе комсомола.

Нужно прямо сказать, что задача комсомола заключается чем дальше, тем больше не в том, чтобы «инициативно» разжигать классовые противоречия в нашей стране, а, наоборот, способствовать их смягчению, их отмиранию [1]).

---

[1]) Пока, что дело имеет другой оборот. Имеются случаи, когда в деревенской ячейке комсомола происходят споры—сколько человек *середняков* и сколько *бедняков вводить в бюро ячейки!*

Считать сие явление нормальным вряд ли приходится.

Очень может быть, что некоторыми это будет представляться, как попытка смешать «пролетарскую добродетель» с «мелко-буржуазной грязью». Но это и будет показывать, что такие товарищи не способны рассматривать явления диалектически, в их развитии.

Современный переплет классовых взаимоотношений значительно отличается от того, который мы имели до пролетарской революции в нашей стране. С момента пролетарской революции пролетариат меняет свое отношение к вопросу о классовых противоречиях в стране.

Поскольку пролетариат завоевал власть, поскольку перед ним выплывают новые задачи—задачи перестроить современное, полное классовых противоречий, общество, в общество коммунистическое, в общество бесклассовое,—постольку он заинтересован в том, чтобы эти противоречия сводить к минимуму, для того, чтобы затем свести их совершенно на нет.

Поэтому, если с точки зрения завоевания власти, с точки зрения руководства страной, с точки зрения состава нашей партии крестьянство неизбежно приходится рассматривать, как представителя мелко-буржуазной экономики и политики, то с точки зрения врастания в будущее общество, в общество бесклассовое, мы обязаны и пролетариат, и крестьянство рассматривать, как два смежных потока, кои в определенный момент должны слиться в один общий, смешав свои воды и превратившись во что-то новое, т.-е. в бесклассовое общество.

Если таким образом рассматривать вопрос, то становится вполне ясным, что перед комсомолом необходимо особо резко поставить задачу переделки поколения, задачу вовлечь в эту переделку не только рабочую, но и крестьянскую молодежь, главным образом. Эта миссия для комсомола обязательна и неизбежна, ибо он шире и глубже, чем современное партийное поколение, всей своей массой вклинивается в будущее бесклассовое общество.

Поэтому комсомол, в первую голову, из этого должен исходить в своем отношении к крестьянству и к вопросу о переделке молодого поколения крестьянства.

Для комсомольцев не понять этого, значит, не понять главного.

Здесь, кстати, уместно будет отметить, что необходимо особенно зорко следить за культурной и политической обработкой молодого поколения. И партия, и комсомол должны особенно зорко следить за тем, чтобы не позволить совлечь комсомольцев на путь буржуазного культурничания.

Тот факт, что наше учительство сейчас пришло под знамена компартии, и что оно хочет и будет работать совместно с комсомолом—это, безусловно, является отрадным фактом. Но при этом все же необходимо помнить, что современное учительство, прошло школу буржуазной культуры. Это имеет ту опасную сторону, что определенные группы учительства, вполне искренно перешедшие на нашу, пролетарскую точку зрения, все же могут нас тянуть по инерции к культуре буржуазной, а вернее говоря, к «культурке».

Учительство должно и будет итти в ногу с комсомолом по обработке нового поколения. Но комсомолу при этом необходимо держаться крепко и не позволять, если к этому будут тенденции со стороны учительства, совлечь себя с пути борьбы за новую, социалистическую культуру.

«Драм-муз-изо-хор»—кружок не должен являться целью, а только средством революционного воспитания и обработки нового поколения в коммунистическом духе. Партия обязана следить за тем, чтобы не позволить комсомолу и учительству свернуть на путь «культуры вообще». Нужно бороться за политическое, революционное воспитание—эту высшую форму культуры для современной эпохи.

Не менее значительным кажется нам и указываемое ниже отклонение от партийности, которое в дальнейшем может принять весьма опасные формы. Кратко его можно формулировать, как синдикалистский уклон, как «детскую болезнь левизны» в комсомоле.

Опасность заключается в том, что в рядах комсомола находят себе поддержку мысли о том, что молодежь, в силу ее возрастных особенностей, свойственно быть революционнее взрослых. Комсомол поэтому должен быть «революционнее» партии.

Следует кстати заметить, что подобные рассуждения нашли себе приют даже в нашей официальной комсомольской печати.

Так, например, в одном из комсомольских журналов, в рецензии на ряд книг о троцкизме мы можем встретить весьма характерное место

Разбирая ряд книг о троцкизме, автор рецензии заявляет:

«Результаты сказались—если еще в начале 1924 г. Троцкий сделал ставку на молодежь, считая ее «барометром политической погоды», т о о н б ы л п р а в лишь в том отношении, что т а к о в ы м «б а р о м е т р о м» о к а з а л а с ь н е в у з о в с к а я м о л о д е ж ь 1923 г.—надежда Троцкого, а к о м с о м о л, н а и б о л е е р е з к о и э н е р г и ч н о о т в е т и в ш и й на выступление его.

«Мы видим,—заявляет дальше рецензент,—что к о м с о м о л п о в с ю д у и в е з д е является н а и б о л е е большевистски-настроенной организацией» [1]). (Курсив наш. *А. Г.*).

Итак, «барометром политической погоды» является никто иной, как комсомол. О партии ни слова. Комсомол «п о в с ю д у и в е з д е» (стиль-то какой) является «н а и б о л е е» революционной организацией.

Интересно также и то, что подобные рассуждения можно услышать не только от молодых, но иногда и от вполне взрослых товарищей, которые столь далеко заходят в проявлении своих «симпатий» к комсомольцам, что скатываются иногда к обывательским приемам постановки и об'яснения комсомольских вопросов.

Несмотря на неоформленность подобных рассуждений, мы все же мимо них молча пройти не можем, а именно поэтому-то и должны разбить подобный, в корне неверный обывательский подход к вопросам о роли организации революционной молодежи.

По существу, подобные рассуждения необходимо рассматривать как специфическую, правда, еще не оформившуюся, но все же приспособленную к «российским» условиям, известную всем теорию об авангардной роли организаций молодежи.

И если на Западе была осуждена подобная тенденция, имевшая своей целью оттереть молодых партийцев от руководства, то тем более она должна быть осуждена у нас, где имеется наиболее сильная из всего Коминтерна партия. Поэтому ина-

---

[1]) Журнал „Юный Пролетарий“ № 1 1925 г. — орган Ленинградского губкома РЛКСМ.

че, кроме как антипартийными, подобные рассуждения расценивать нельзя.

При этом нужно отметить, что обстановка, в которой в данный момент приходится работать и соприкасаться комсомолу и партии, в особенности в деревне, такова, что благоприятствует развитию подобных антипартийных настроений.

Общие рассуждения о том, что комсомол должен быть революционнее партии, о которых мы говорили выше, подчас находят в процессе работы и свое практическое выражение. Неоднократно приходилось наблюдать такие факты, когда комсомольцы, главным образом деревенские, особо-подчеркнуто жаловались на то, что партячейки слабы, что они неспособны руководить не только ими, комсомольцами, но и деревней, что, мол, мы не хуже, если не лучше партийцев справились бы с руководством в деревне и т. д.

Все это, конечно, находит свое об'яснение в том, что многие партячейки в деревне, действительно, слабы, что комсомольцы очень часто, действительно, являются деловыми ребятами, но все это в то же время должно заставить партию понять, что если дело будет продолжаться и дальше так, то мы можем впоследствии столкнуться с очень нежелательными фактами.

Для того, чтобы иллюстрировать, как иногда комсомольцами преломляется на практике руководящая роль партячеек по отношению к комсомолу, мы приводим следующий случай. В одной из волостей ячейка комсомола, пребывая в особо почтительном настроении по отношению к руководству комсомолом со стороны партийной ячейки, на одном из своих очередных собраний вынесла весьма скромное постановление: «Секретаря ячейки РКП от работы отстранить» [1]).

Хотя и странно, но факт.

Комсомольцы, играя в деревне немаловажную роль, не всегда могут правильно понимать директивы и политику нашей партии, и очень часто (как это уже имело место) могут стараться подменять собой партию и ее местные органы.

Все это требует от партии серьезной работы в комсомоле.

Наконец, последний, четвертый, не менее важный вопрос об организационных принципах комсомола должен в данный момент также заинтересовать нашу партию, ибо он затрагивает весьма крупные и сложные проблемы взаимоотношений партии и комсомола.

Само собой разумеется, что партия резко отличается от комсомола и не только тем, что она «более взрослая организация», но и тем, что комсомол для партии является могучим инструментом, могучим рычагом, благодаря которому партия может приводить в движение миллионные массы молодых рабочих и крестьян.

Поэтому комсомол, как и всякая другая организация, должен иметь свои организационные принципы. Необходимо также, чтобы эти принципы являлись большевистскими принципами. Всякое отклонение от большевистского толкования организационных вопросов комсомола, всякое нарушение основ этих принципов союза, необходимо рассматривать именно как подрыв, как попытку осла-

---

[1]) „Работа Комсомола в деревне“—стенографич. отчет совещ. ячеек Изд. „Новой Москвы“ 1925 г.

бить комсомол, а тем самым и влияние партии на широкие беспартийные массы рабочей и крестьянской молодежи.

Но большевистский подход к организационным принципам в комсомоле вовсе не должен означать, что все то, что имеет партия, необходимо механически перенести и на комсомол. Как раз наоборот. Комсомол, как массовая беспартийная организация рабочей и крестьянской молодежи должен, безусловно, выработать свою систему и свои принципы организации. Но при этом должно быть учтено, что комсомол, в отличие от партии, является организацией не правящей, не руководящей всей общественно-политической жизнью страны, и потому вынужденной ограничивать себя рядом особо строгих правил, особо строгих рамок, за пределы коих выходить не допускается. Комсомол в первую голову является организацией воспитательной, организацией беспартийной, массовой, по своему составу менее однородной, с большим, относительно, удельным весом крестьянской массы, чем в партии, и т. д., и т. п.

Все это коренным образом должно отличать организационные принципы комсомола от принципов партии.

Это, конечно, не должно означать, что молодые партийцы, работающие в комсомоле, также освобождаются от более твердых организационных норм партии. Поскольку они являются членами партии, постольку на них, безусловно, распространяются все те нормы, кои существуют и для всех остальных членов партии, но это также не должно означать и того, что эти молодые партийцы, работающие в комсомоле, должны у партии перенимать и практиковать в комсомоле все методы ее организации.

Подобной «большевизации» в комсомоле—места не должно быть. В комсомоле должны существовать определенные нормы, правила и традиции, но они не обязательно должны быть во всем схожи с партийными. Не в этом заключается изюминка большевистского подхода к организационным вопросам в союзе.

Большевизация организационных принципов в комсомоле означает, что союз должен иметь такую систему отношений, при которой между партийным ядром комсомола и всей партией взаимоотношения регулируются имеющимися в партии нормами и методами. Иными словами, у этого парт'ядра не может быть каких-то особых, отличных от партии способов. поддерживать свою внутреннюю спаянность и единство с общей партийной линией. Но в то же время большевистскими принципами в комсомоле нужно считать только такие организационные принципы, которые позволяют с наибольшим эффектом проводить политическое образование и ленинское воспитание беспартийных масс молодых рабочих и крестьян.

Несмотря на ограниченность затронутого нами круга вопросов, несмотря на их односторонность (речь идет главным образом о недостатках и возможных опасностях), необходимо теперь же заметить, что вопрос о партийном руководстве комсомолом на данной стадии его развития приобретает для партии сугубо-важное значение.

В условиях, когда наша партия решительно встала на путь развязывания самодеятельности масс, наиболее важная и наиболее серьезная задача для партии заключается в том, чтобы суметь укрепить свое влияние как раз в тех узловых пунктах и в тех организациях, кои ее связывают с этими массами.

Сущность вопроса о партийном руководстве в комсомоле, вообще-то говоря, сводится к одному: партия должна суметь добиться того, чтобы у комсомола с ней было единство по основным политическим вопросам, по основной политической линии.

Поэтому различные виды партруководства имеют значение только в том случае, если они способствуют укреплению этого единства между партией и комсомолом.

Именно потому, что комсомол стал крупной силой, крупной единицей во всей той сложной системе классовых и политических организаций, которые в данное время имеют место, именно поэтому всякое отклонение комсомольцев (в особенности членов РКП) от основной политической линии партии—должно рассматриваться, как выступление против партии, как выступление, подрывающее партийную мощь и ее влияние на массы рабочих и крестьян.

Осуществлять постоянное повседневное руководство комсомолом партия в целом сумеет только в том случае, если все ее члены осознают важность работы в комсомоле.

Необходимо решительно бороться с попытками подменить партийное руководство суррогатами этого руководства. Надо об'явить решительную борьбу с нездоровыми видами этого руководства, когда непосредственное руководство подменяется руководством, специально созданными при комитетах и ячейках «комиссиями по молодежи».

Все те явления, о которых мы говорили выше, могут оказаться весьма большой угрозой партруководству в комсомоле, угрозой единству партии и комсомола по основным вопросам политики нашей партии.

Единственной гарантией, могущей задержать дальнейшее развитие этих пока еще потенциальных уклонов в комсомоле, является всемерное укрепление партруководства в союзе.

Нужно всей партии осознать, что комсомольский вопрос больше, чем когда бы то ни было, не является вопросом только молодежинским. Миллионная массовая организация с не менее, как стотысячным слоем актива, с громаднейшими связями в крестьянстве,—это не мелочь, это колоссальнейшее и могучее орудие в деле осуществления политики партии, в деле укрепления союза рабочих и крестьян.

Основным рычагом партийного руководства в комсомоле является та группа молодых партийцев, которая работает непосредственно в комсомоле. Это партядро в комсомоле является тем костяком, на котором, главным образом, и держится комсомол. И поэтому то партия и должна свое главное внимание обратить в первую очередь на эту группу комсомольцев-партийцев. Партии необходимо провести большую работу в смысле укрепления парт'ядра в комсомоле.

Той группы партийцев, которая работает в комсомоле в условиях, когда союз продолжает непрерывно расти, становится недостаточно, и поэтому нужно решительно приступить к увеличению парт'ядра в комсомоле.

Ведь нельзя же считать нормальным такое положение, когда на весь комсомол, насчитывающий свыше миллиона членов и кандидатов партии, приходится только 83.000 человек.

Не менее значительным является и вопрос о политическом воспитании актива комсомола.

Партия сумеет обеспечить правильное политическое руководство комсомолом только в том случае, если его актив в первую очередь будет политически грамотен. Пока что—у нас здесь есть довольно значительные пробелы. Массы нашего актива еще политически безграмотны. Очень значительный слой нашего актива занимается «прожектерством», «организаторством», ухитряясь при этом сочетать свою роль активистов с полнейшей политической неграмотностью.

Если это единица, это не страшно, но если это значительный слой, а это так и есть, то это опасно. Мы приводим интересный случай, который показывает, как некоторые наши активисты осуществляют ленинское образование и воспитание в союзе.

«Секретарь Судодишинского райкома, делая на заседании райпропколлектива доклад об основах ленинизма, сказал: «Отношение крестьянства и Октябрьской революции есть этап четырех дум, во время которого крестьяне повлияли на кадетов и проч., отчасти не понимали задач большевиков и пролетариат начинает группироваться, беря в свои руки производство». Дальше: «Национальный вопрос должен быть отстранен и должно быть образование нации в интернациональном духе». На вопрос, какое влияние интернационализма на колонии, секретарь райкомола отвечает: «Колонии—базис интернационала, значит, это есть тесные и враждебные гиганты». На вопрос: «Сколько раз рубль вращался в течение года» — ответил — «Рубль вращался весь оборотный год» [1]).

Надо полагать, подобный пример является достаточно ярким, чтобы показать, каково положение у нас с политической грамотностью актива.

Партия обязана, в первую голову, помочь комсомольскому активу вылезти из болота политической безграмотности. Без этого нет гарантии в том, что мы сумеем весь комсомол и все поколение молодежи переварить и перевоспитать.

Значительную роль в этом деле должна сыграть всесоюзная комсомольская газета, через посредство которой партия получает возможность проводить колоссальнейшую работу по политическому воспитанию не только актива комсомола, но и передовых слоев масс молодежи вообще. Добиться того, чтобы эта газета была действительно передовым органом молодежи, органом, ставящим и выдвигающим комсомольские проблемы,—добиться хотя бы одного этого, и то много значит.

К числу необходимых организационных форм партруководства в комсомоле необходимо также отнести следующие.

Необходимо добиться того, чтобы партруководство ячейками комсомола со стороны партячеек осуществлялось нормально и всесторонне, чтобы представители партии в комсомоле были действительно способными осуществлять партруководство, а не подрывать его, как это часто имеет место.

Нужно приблизить ячейки комсомола к партии. Партячейки должны всемерно стремиться к тому, чтобы вовлечь лучших комсомольцев в более широкий, чем в комсомоле, круг партийных и политических вопросов, и т. д., и т. п.

[1]) Из инф. сводки ЦК РЛКСМ.

Не менее важным является вопрос о включении в систему непосредственного партруководства тех ячеек комсомола в деревне, рядом с коими нет партячеек и которые поэтому превращаются в единственных проводников партийной политики в деревне.

Необходимо наладить связь комитетов партии с подобными ячейками союза, осуществляя ее, главным образом, через комитеты комсомола и совместно с ними. Ни в коем случае нельзя недооценивать роли подобных ячеек комсомола в деревне. На них нужно обратить сугубое внимание парторганизации.

Наконец, последнее, на чем необходимо остановиться — это вопрос о политическом воспитании всего комсомола. Необходимо (через печать, через посредство системы политобразования и т. п.) всячески раз'яснять комсомольцам политику нашей партии, основную ее линию в крестьянском вопросе.

Нужно особенно ясно и четко поставить раз'яснение комсомольцам сущности и значения пролетарской диктатуры в стране с крестьянским большинством; раз'яснять методы, коими действует наша партия в этих вопросах. Особо серьезно нужно поставить раз'яснение руководящей роли партии по отношению, как ко всему рабочему классу и крестьянству, так и к молодежи и комсомолу в частности.

Комсомольцы должны твердо усвоить, что диктатура пролетариата и союз рабочих и большинства крестьян — являются основными звеньями политики нашей партии.

Каждый комсомолец должен понять, что пролетарское руководство в союзе осуществляется не только его рабочим составом, а, в первую голову, и главным образом, руководством партии. Необходимо также раз'яснить всей массе комсомольцев, в особенности, городской ее части, что комсомол по существу своему—организация не преимущественно пролетарская, как наша партия, а организация в массе своей крестьянская и должна таковой являться. Не плохой, а хорошей стороной комсомола нужно считать то, что в нем большинство крестьянской молодежи. В условиях нашей страны это единственно правильное положение.

Являясь суб'ективно, по своему составу, в массе своей организацией непролетарской, комсомол об'ективно, по своему значению является организацией, рост и укрепление которой обеспечивает успешное продвижение пролетариата вперед к социализму.

Тем, что так резко подчеркивается значение и необходимость вовлечения в комсомол крестьянской молодежи и работы с ней — вовсе не говорится, что рабочая молодежь играет в комсомоле меньше значение, чем в партии. Наоборот, она в этих условиях приобретает особенно важное значение. Рабочая молодежь в комсомоле должна оказаться наиболее активной, наиболее политически грамотной и устойчивой, способной занять первое место в борьбе за осуществление стоящих перед комсомолом задач.

Но при этом опять-таки необходимо помнить, что свою роль резерва и инструмента для партии комсомол сумеет выполнить только при условии укрепления партруководства в комсомоле, только при условии максимального внимания к вопросам комсомола.

Партия должна гарантировать свое руководство комсомолу. В этом ее прямая и непосредственная обязанность.

Не менее значительным является и вопрос о политическом воспитании актива комсомола.

Партия сумеет обеспечить правильное политическое руководство комсомолом только в том случае, если его актив в первую очередь будет политически грамотен. Пока что—у нас здесь есть довольно значительные пробелы. Массы нашего актива еще политически безграмотны. Очень значительный слой нашего актива занимается «прожектерством», «организаторством», ухитряясь при этом сочетать свою роль активистов с полнейшей политической неграмотностью.

Если это единица, это не страшно, но если это значительный слой, а это так и есть, то это опасно. Мы приводим интересный случай, который показывает, как некоторые наши активисты осуществляют ленинское образование и воспитание в союзе.

«Секретарь Судодишинского райкома, делая на заседании райпропколлектива доклад об основах ленинизма, сказал: «Отношение крестьянства и Октябрьской революции есть этап четырех дум, во время которого крестьяне повлияли на кадетов и проч., отчасти не понимали задач большевиков и пролетариат начинает группироваться, беря в свои руки производство». Дальше: «Национальный вопрос должен быть отстранен и должно быть образование нации в интернациональном духе». На вопрос, какое влияние интернационализма на колонии, секретарь райкомола отвечает: «Колонии—базис интернационала, значит, это есть тесные и враждебные гиганты». На вопрос: «Сколько раз рубль вращался в течение года» — ответил — «Рубль вращался весь оборотный год»[1]).

Надо полагать, подобный пример является достаточно ярким, чтобы показать, каково положение у нас с политической грамотностью актива.

Партия обязана, в первую голову, помочь комсомольскому активу вылезти из болота политической безграмотности. Без этого нет гарантии в том, что мы сумеем весь комсомол и все поколение молодежи переварить и перевоспитать.

Значительную роль в этом деле должна сыграть всесоюзная комсомольская газета, через посредство которой партия получает возможность проводить колоссальнейшую работу по политическому воспитанию не только актива комсомола, но и передовых слоев масс молодежи вообще. Добиться того, чтобы эта газета была действительно передовым органом молодежи, органом, ставящим и выдвигающим комсомольские проблемы,—добиться хотя бы одного этого, и то много значит.

К числу необходимых организационных форм партруководства в комсомоле необходимо также отнести следующие.

Необходимо добиться того, чтобы партруководство ячейками комсомола со стороны партячеек осуществлялось нормально и всесторонне, чтобы представители партии в комсомоле были действительно способными осуществлять партруководство, а не подрывать его, как это часто имеет место.

Нужно приблизить ячейки комсомола к партии. Партячейки должны всемерно стремиться к тому, чтобы вовлечь лучших комсомольцев в более широкий, чем в комсомоле, круг партийных и политических вопросов, и т. д., и т. п.

[1]) Из инф. сводки ЦК РЛКСМ.

Не менее важным является вопрос о включении в систему непосредственного партруководства тех ячеек комсомола в деревне, рядом с коими нет партячеек и которые поэтому превращаются в единственных проводников партийной политики в деревне.

Необходимо наладить связь комитетов партии с подобными ячейками союза, осуществляя ее, главным образом, через комитеты комсомола и совместно с ними. Ни в коем случае нельзя недооценивать роли подобных ячеек комсомола в деревне. На них нужно обратить сугубое внимание парторганизации.

Наконец, последнее, на чем необходимо остановиться — это вопрос о политическом воспитании всего комсомола. Необходимо (через печать, через посредство системы политобразования и т. п.) всячески раз'яснять комсомольцам политику нашей партии, основную ее линию в крестьянском вопросе.

Нужно особенно ясно и четко поставить раз'яснение комсомольцам сущности и значения пролетарской диктатуры в стране с крестьянским большинством; раз'яснять методы, коими действует наша партия в этих вопросах. Особо серьезно нужно поставить раз'яснение руководящей роли партии по отношению, как ко всему рабочему классу и крестьянству, так и к молодежи и комсомолу в частности.

Комсомольцы должны твердо усвоить, что диктатура пролетариата и союз рабочих и большинства крестьян — являются основными звеньями политики нашей партии.

Каждый комсомолец должен понять, что пролетарское руководство в союзе осуществляется не только его рабочим составом, а, в первую голову, и главным образом, руководством партии. Необходимо также раз'яснить всей массе комсомольцев, в особенности, городской ее части, что комсомол по существу своему— организация не преимущественно пролетарская, как наша партия, а организация в массе своей крестьянская и должна таковой являться. Не плохой, а хорошей стороной комсомола нужно считать то, что в нем большинство крестьянской молодежи. В условиях нашей страны это единственно правильное положение.

Являясь суб'ективно, по своему составу, в массе своей организацией непролетарской, комсомол об'ективно, по своему значению является организацией, рост и укрепление которой обеспечивает успешное продвижение пролетариата вперед к социализму.

Тем, что так резко подчеркивается значение и необходимость вовлечения в комсомол крестьянской молодежи и работы с ней — вовсе не говорится, что рабочая молодежь играет в комсомоле меньше значение, чем в партии. Наоборот, она в этих условиях приобретает особенно важное значение. Рабочая молодежь в комсомоле должна оказаться наиболее активной, наиболее политически грамотной и устойчивой, способной занять первое место в борьбе за осуществление стоящих перед комсомолом задач.

Но при этом опять-таки необходимо помнить, что свою роль резерва и инструмента для партии комсомол сумеет выполнить только при условии укрепления партруководства в комсомоле, только при условии максимального внимания к вопросам комсомола.

Партия должна гарантировать свое руководство комсомолу. В этом ее прямая и непосредственная обязанность.

М. Иоэльсон.

Итоги и задачи нашей концессионной политики.

„Все, что можно сделать для улучшения крестьянского хозяйства, для развития местного аппарата, в то же время рассчитывая общегосударственное хозяйство так, чтобы крупная социалистическая промышленность восстанавливалась быстрее, чем до сих пор, все это, при помощи концессий, мы сделаем раньше, чем без концессий". (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 199).

До самого последнего времени вопросам концессионной политики в нашей печати уделялось наименьшее внимание из всех проблем, возникших в связи с переходом к НЭП'у.

Между тем, декрет о концессиях, опубликованный 23 ноября 1920 года, явился первым предвестником изменения нашей политики военного коммунизма. Издание декрета было вызвано теми же причинами, которые повели, затем, к замене продразверстки продналогом, реорганизации государственной промышленности, разрешению частного рынка и свободы торговли, словом, к установлению новой экономической политики.

В новой экономической системе, по мысли тов. Ленина, концессиям отводилась очень значительная роль. «Вопрос о концессиях является одним из крупнейших в нашей экономической политике», так писал Ленин в конце 1920 года (т. XVII, стр. 408). И далее, ставя вопрос: «Что такое концессия с точки зрения экономических отношений», тов. Ленин отвечает: «Это есть—государственный капитализм» (т. XVIII, ч. I, стр. 198).

Основная мысль тов. Ленина сводилась к тому, что концессии явятся одним из средств скорейшего восстановления народного хозяйства, разрушенного за период империалистической и гражданской войн. «Прежде всего,—говорил Ленин на VIII С'езде Советов,—надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать его скоро нельзя. Не жалко при этом лишней прибыли для капиталистов, лишь бы добиться этого восстановления» (Ленин, «О концессиях», изд. Уралкниги, 1924 г., стр. 30).

Огромное значение, которое придавалось тогда нашей концессионной политике—вполне понятно. В 1920—21 г. падение производительных сил достигло у нас наивысшей глубины. Нужен был колоссальный приток новых средств даже для того, чтобы остановить процесс регресса.

Необходимо признать, что первые шаги нашей концессионной практики не оправдали возложенных на нее надежд. В силу вполне понятных причин иностранный капитал не про-

явил особого желания прийти на помощь нашему хозяйству на приемлемых для нас условиях. Начавшийся с конца 1921 года под'ем народного хозяйства, рост и укрепление промышленности и сельского хозяйства показали, что мы сами справимся с развитием производительных сил в стране.

Вместе с тем, отсутствие ощутительных результатов в нашей концессионной практике привело к чрезвычайно сдержанному отношению к концессиям вплоть до полного отрицания отдельными товарищами, какого-либо значения концессий для развития народного хозяйства. Распространению такого взгляда способствовала и скудная информация, как о результатах нашей концессионной практики, так и о работе существующих концессионных предприятий. Определение правильной политики предполагает учет почти пятилетнего опыта концессионной политики СССР.

Декрет от 23/XI—20 г. вызвал к себе крупный интерес со стороны иностранных капиталистов. Количество поступивших предложений по отдельным годам видно из следующей таблицы:

Годы.	1922	1923	1924	1925 (первые 3 мес.).	Итого.
Число предложений	338	607	311	30	1.286

Бросается в глаза резкое уменьшение числа предложений в 1924 году, а также в первые месяцы 1925 года. Причины этого лежат в политических и экономических моментах. С одной стороны, германско-советский конфликт вызвал полное прекращение поступлений предложений из Германии летом 1924 г., с другой—полоса признаний породила у бывших собственников национализованных предприятий надежду на получение возмещения за понесенные убытки, что вело к воздержанию от попыток заключить индивидуальные соглашения с правительством СССР путем концессионных договоров.

Но более существенным является то обстоятельство, что в последние полтора года изменилось качество концессионных предложений: они сделались более реальными.

Чем более крепла и росла политическая и хозяйственная мощь Союза, чем больше иностранцы убеждались, что спекулятивные и несовместимые с основными законами СССР предложения встречают твердый отказ, тем реальнее делались концессионные предложения, и тем скорее концессионеры шли на принятие основных условий наших концессионных договоров. Сказанное вполне подтверждается при сравнении числа поступивших предложений с числом заключенных договоров.

Годы.	1921—1922	1923	1924	1925 по 1/IV.	Итого.
Число поступивших предложений	338	607	311	30	1.286
Число заключенных договоров	18	44	26	3	91
в %%	5,4	7,3	8,3	10,0	7,1

Интересно остановиться еще на вопросе о том, капиталисты **каких** стран выступали соискателями концессий. Последнее видно из нижеследующей таблицы на I/IV 1925 г.

Страны, капиталисты коих выступали соискателями.	Поступило предложен	В %% к итогу.	Заключено конц. догов.	В %% к итогу.
Германия	445	34.60	22	24,2
Англия	153	11,9)	16	17,5
С-А. С. Ш.	128	9,95	11	12,1
Франция	104	8.10	1	1.1
Италия	37	2,99	4	4,3
Норвегия	30	2,32	5	5,4
Голландия	34	2,65	1	1,1
Австрия	31	2,40	2	2,1
Польша	27	2,09	3	3,2
Остальные	297	23,99	26	29,0
Итого...	1.286	100	91	100

Первое место все время занимает Германия. С одной стороны, германские капиталисты лучше других знакомы с условиями работы в СССР, с другой—Рапальский договор, заключенный уже в 1922 году, положил начало более тесным хозяйственным связям между обоими государствами.

В общем, на 4 государства (Германию, Англию, США и Францию) падает 64,55% всех поступивших предложений и 54,9% всех заключенных концессионных договоров.

До сих пор речь шла исключительно о суммарных данных итогов концессионной практики. Между тем, концессионная политика предоставляла возможность участия иностранного капитала в различных отраслях народного хозяйства; промышленность, сельское хозяйство, транспорт, внешняя торговля и т. п. Не все эти отрасли в одинаковой степени привлекают к себе внимание. Распределение числа поступивших предложений по отдельным отраслям народного хозяйства, а также числа заключенных концессий на 1-е апреля 1925 года—видно из следующей таблицы:

Об'екты концессий.	Число поступ. предл.	В %% к итогу.	Число заключ. догов.	В %% к итогу.
Промышлен.				
а) обрабат.	268	20.7	16	17,5
б) горная	192	14,8	12	13,2
в) лесная	79	6.5	6	6,6
Итого...	539	42,0	34	37,3
Торговля	324	25,1	29	31,9
Сельск.-хоз.	195	14,1	14	15,4
Транспорт и связь	115	9,0	11	12,1
Прочие	113	8.8	3	3,3
Общий итог..	1.281	100	91	100

Таким образом, по числу поступивших предложений первое место занимает промышленность, но, с другой стороны, число заключенных концессий в процентном отношении к числу поступавших предложений выше всего у концессий в области внешней торговли. Здесь, концессионер готов итти на большие уступки, чем в других отраслях, т. к. внешняя торговля с его точки зрения более прибыльна, и, кроме того, требует меньшей увязки капитала на долгий срок в СССР, чего особенно опасались иностранные капиталисты.

Нужно отметить, что из 91 заключенных в разное время концессионных договоров, 13 в настоящее время прекратили свое действие, с одной стороны—в виду истечения срока концессии, с другой—вследствие неисполнения концессионером взятых на себя обязательств (например, концессия Синклера). Прекращенные 13 концессионных договоров разделяются на 7 торговых, 4 промышленных, 2 сельско-хозяйственных. По принадлежности к странам суб'ектов концессионных договоров прекращенные концессии относятся к 5-ти английским, 3-м САСШ, 2-м германским и 2-м итальянским.

После ознакомления с общими итогами концессионной практики необходимо остановиться более подробно на результатах деятельности работающих концессионных предприятий в СССР.

Вообще, в формальном смысле, концессиями называются все договора, утверждаемые Главным Концессионным Комитетом. Таким образом, в число концессий часто попадают и общества с исключительно государственным капиталом, уставы которых, как имеющие из'ятие из действующих законов, должны проходить через Главный Концессионный Комитет.

Приведенные выше данные о числе заключенных концессий составлены были исходя из формального признака понятия концессионного договора.

Поскольку в концессиях нас интересует исключительно выяснение роли иностранного капитала в народном хозяйстве СССР, мы в дальнейшем к концессионным договорам причисляем только те, в которых в той или иной мере носителем прав на концессию выступает иностранный капиталист.

Таких утвержденных и действующих на 1 апреля 1925 года концессионных договоров числится 70, которые по отдельным отраслям распределяются следующим образом:

Распределение действующих концессий по об'ектам:

Промышленность	31
Внешняя торговля	23
Транспорт и связь	8
Сельское хозяйство	7
Строительн. концес.	1
Итого...	70

Сам термин концессионного договора, поскольку он обозначает лишь предоставление права иностранцу заниматься хозяйственной деятельностью, ничего не говорит о форме участия иностранного капитала в хозяйственном строительстве в СССР.

Концессионная практика выработала до настоящего времени следующие формы:

а) чистые концессии,

б) смешанные общества,

в) вхождение иностран. капитала пайщиком в госпредприятия,

г) техническое содействие.

Первоначальная форма участия иностранного капитала сводилась исключительно к чистой концессии, под которой подразумевается, что иностранная фирма является единственным суб'ектом концессии. И в настоящее время наиболее распространенными являются чистые концессии, поскольку иностранные капиталы питают некоторый скептицизм в отношении возможности совместной работы с нашими госорганами.

Только во внешней торговле широкое применение получили смешанные общества, в которых на-ряду с иностранными фирмами принимает участие и наш капитал.

Организация смешанных обществ стала возможной после издания постановления ВЦИК'а от 13/III—22 г., гласящего: «Наркомвнешторг организует с утверждения СТО смешанные акционерные предприятия, имеющие целью привлечения иностранных капиталов для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их заграницей и для ввоза в страну предметов, необходимых для восстановления народного хозяйства и внутреннего товарообмена. Подобные акционерные общества могут быть утверждаемы и другими хозяйственными государственными органами».

В других отраслях народного хозяйства смешанные общества, как мы увидим ниже, привились еще очень слабо.

Структура смешанных обществ чрезвычайно разнообразна. В большинстве случаев правительство сохраняет за собой 51% акций смешанного общества и имеет большинство в составе правления, или смешанное общество организуется на паритетных началах.

В смешанных обществах по внешней торговле иностранная группа почти всегда обязуется оплатить половину акций, причитающихся на долю правительства, а остальную часть своих акций правительство покрывает постепенно из прибылей общества.

При участии иностранного капитала пайщиком госпредприятий ему гарантируется определенный процент прибыли и право истребовать свой вклад обратно, но зато предоставляется меньше прав в управлении предприятием, чем это имеет место в смешанных обществах.

Техническое содействие—сравнительно новая форма соглашения с иностранными промышленниками, сводящаяся к предоставлению последними нашим предприятиям патентов, чертежей, постановки новых производств и т. д. Фактически инвестирование иностранного капитала при договоре технического содействия не происходит, но зато увеличивается производительность предприятия.

По отдельным формам концессионные договора распределяются:

Об'екты концессий.	Чистые концессии.	Смешан. о-ва.	Вхожд. п.	Технич. содейств.	Итого.
Промышленность:					
а) лесная	2	4	—	—	6
б) горная	7	1	—	—	8
в) обрабатывающая	9	2	1	2	14
г) зверобойная	3	—	—	—	3
Итого	21	7	1	2	30
Внешняя торговля	2	21	—	—	23
Транспорт и связь	8	—	—	—	8
Сельское хозяйство	7	—	—	—	7
Строительство	1	—	—	—	1
Всего	39	28	1	2	70

Наиболее многочисленными являются промышленные концессии. Хотя наибольшее число промышленных концессий падает на горные и обрабатывающие, по удельному весу и размерам, самыми значительными являются лесопромышленные концессии. Лесная промышленность является единственной отраслью промышленности, в которой иностранный капитал в настоящее время играет видную роль. Причины интенсивного участия иностранного капитала в лесной промышленности лежат в экономическом, а отчасти и политическом моменте.

Лесная промышленность в России всегда была крупнейшей отраслью промышленности, работавшей на экспорт. В то время как организация другого какого-либо промышленого предприятия, могущего работать на экспорт, представляла бы в первые годы НЭП'а огромные затруднения, в лесной промышленности вопрос этот разрешался чрезвычайно легко. Для иностранного капиталиста, который в годы падающего совзнака питал известное недоверие к возможности выгодной реализации продукции концессионного предприятия на внутреннем рынке, лесная промышленность являлась наиболее заманчивой сферой приложения капитала. Особенно в связи с благоприятной кон'юнктурой, имевшей в свое время место на мировом лесном рынке.

С своей стороны, русская лесная промышленность была более, чем другая отрасль нашей промышленности, заинтересована в привлечении иностранного капитала. Лес был основным экспортным товаром, с которым мы выступили после окончания блокады на мировой рынок. При существовавших тогда экономических и политических взаимоотношениях с Западной Европой— наши лесоэкспортные организации стояли перед угрозой не только бойкота русского леса, состоявшего вначале большей частью из национализированных запасов частных лесопромышленников, но и даже наложения на него ареста. Вследствие этого, когда мы

в 1921 году впервые начали экспортировать лес, нам необходимо было добиться соглашения с крупными иностранными лесопромышленными фирмами. Этим мы, с одной стороны, разбивали единый фронт заграничных импортеров, с другой—обеспечивали беспрепятственную реализацию наших лесных материалов.

Формой соглашения явились смешанные лесопромышленные общества, при организации которых нам пришлось отступить от общих положений нашей концессионной политики. Основная уступка заключалась в том, что акционерный капитал обществ покрывался не новыми взносами со стороны иностранных групп, а суммами, полученными от реализации национализированных в свое время лесных запасов. Здесь имела место, следовательно, скрытая реституция, правда, только в половинном размере. Таким образом, были организованы три смешанных акционерных общества: Руссанглолес, Руссголландолес и Русснорвеголес, в акционерных капиталах которых в размере 50% участвует Северолес. Из остальных трех лесных концессий, две заключены в форме чистых, а одна представляет собой смешанное общество.

Работу всех лесных концессионных предприятий необходимо признать вполне удачной. В их распоряжении находится лесная площадь в 5.500.000 десятин. Заготовки с каждым годом увеличивались, превышая в настоящее время обязательный минимум, обусловленный в концессионных договорах. Концессионными предприятиями инвестировано более 3.000.000 рублей в деревообрабатывающей промышленности. Экспортные операции с каждым годом расширяются. В 1923—24 году на долю концессионных предприятий падало до 19,5 милл. пуд. экспортного леса, что, принимая во внимание общий вывоз из СССР в 1923—24 г. в 112.000.000 пуд., дает участие концессионных предприятий в 18% общего вывоза. Для отдельных районов удельный вес концессионных предприятий еще выше, составляя, например, для Северо-Беломорского—24%.

Для производства таких широких операций собственный капитал концессионных предприятий, конечно, был мал. Недостающие суммы были пополнены путем получения заграничных кредитов и авансов. В 1923—24 г. общая сумма полученного кредита составляла не менее 700.000 фун. стерл., что по сравнению с кредитами (заграничными), полученными нашими государственными лесоэкспортными организациями — представляет весьма крупную сумму. На 1924—25 г. концессионные предприятия обеспечены уже кредитом еще в больших размерах.

Доходы государства от лесных концессий сравнительно значительны, составив в 1923—24 г. не менее 3,5 милл. руб., из которых 3 милл. руб. падает на попенную плату.

Из 14-ти концессий в области обрабатывающей промышленности—8 являются мелкими предприятиями, действующими на основе чистой концессии в различных отраслях промышленности.

Работу развернули только 6. В виду того, что они принадлежат к числу мелких предприятий, даже в случае полной их деятельности—общая сумма инвестированного капитала вряд ли достигнет свыше 1—2 милл. руб.

Два смешанных общества представляют собой сравнительно крупные организации, имеющие для нас весьма важное значение. Вхождение пайщиком иностранного капитала имеет место

в Швейном Синдикате, в котором в размере 2 милл. руб., из коих пока внесено 500.000 руб., участвует американский капитал.

Из двух договоров технического содействия пока приступлено к исполнению только в договоре с Французской Генеральной Компанией Беспроволочного Телеграфа. Результаты соглашения имеют весьма положительное значение для нашей молодой радиопромышленности.

В горной промышленности из 8 концессий—1 смешанное общество для разработки угольных копей на Шпицбергене. Общество имеет акционерный капитал в 150.000 фунт. стерл.

7 чистых концессий распадаются на 2 нефтяных, 1—серебряно-свинцовую, 3—золотопромышленных и 1—асбестовую. Деятельность этих предприятий, в большинстве случаев, в стадии разведок или подготовительных работ. В будущем, при развертывании предприятий полностью, они потребуют сложения сравнительно крупных капиталов.

Наконец, в области зверобойной и рыболовной промышленности мы имеем три концессии, которые являются предоставлением права иностранным фирмам заниматься вышеуказанным промыслом в водах Белого моря и Северного Ледовитого Океана.

Уплачиваемое за это долевое отчисление достигло в 1923—24 г. около 500.000 руб.

Таким образом, общая сумма инвестированных в промышленность капиталов достигает в настоящее время не более 5.000.000 руб., а при выполнении договоров полностью—достигнет 20—22.000.000 руб. Сумма акционерных капиталов смешанных обществ составляет не менее 9.000.000 рублей, и, кроме того, 2 милл. руб.—паевой взнос в Швейный Синдикат.

Число рабочих и служащих, занятых в концессионных промышленных предприятиях, достигает 14—15 тысяч человек (считая сезонных рабочих на лесных разработках).

Доходы правительства в 1923—24 г. от промышленных концессий составляли около 4—5 милл. руб.

В области внешней торговли—из 23 концессионных предприятий 5 представляют собой смешанные общества по торговле с Персией, которые в виду своеобразного характера их деятельности, будут рассмотрены нами отдельно.

Деятельность большинства торговых концессионных предприятий сводится к ввозу и вывозу различных товаров из СССР и заграницу. Только 3 смешанных общества специализировались на вывозе отдельных товаров из СССР.

Обороты концессионных предприятий в 1923—24 г. достигли крупных размеров, что видно из следующей таблицы:

Обороты 12 действовавших в 1923/24 г. концессионных предприятий.

Экспорт	20.784.886 р.
Импорт	19.905.103 »
Общий оборот	40.689.989 р.

Таким образом, в целом, торговая деятельность концессионных предприятий показывает активный баланс в 789.783 руб. Однако, превышение вывоза над ввозом обязано исключительно деятельности специальных экспортных концессионных предприятий: те же общества, которым разрешается, на-ряду с вывозом

импортировать в СССР заграничные товары, имеют ясно выраженный пассивный баланс.

Но нужно отметить, что по сравнению с 1922—23 г., характер операций концессионных предприятий по внешней торговле улучшился, при чем, одновременно с этим, концессионные предприятия сильно расширили свои операции. Так, в 1922—23 г. 5 самых крупных концессионных предприятий имели оборот в 12,6 милл. руб., а в 1923—24 году—25 милл. руб., при чем, пассивность по операциям представляла в 1922—23 году 29,5%, а в 1923—24 г.—21,6%.

Проводимая в настоящее время жесткая политика по отношению к концессионным предприятиям в области внешней торговли—имела своим последствием изменение характера деятельности этих предприятий в сторону увеличения экспорта наших продуктов, и уменьшения импорта. Так, за первые пять месяцев 1924—25 г. мы имеем для главнейших концессионных предприятий экспорт в 8.729.000 руб., а импорт—всего 5.138.000 руб., следовательно, активный баланс в 3.691.000 руб.

Что же ввозили и вывозили смешанные общества и концессионные предприятия?

В области экспорта их деятельность носила чрезвычайно универсальный характер, охватывая 33 номенклатуры товаров. В 1923—24 г. на первом месте стоит пушнина, занимая 62% всего экспорта. Затем, следует масло, яйца, хлеб и фураж. В меньших размерах вывозилось—щетина, кишки, жмыхи, рыбья чешуя, лесные материалы, железная руда, железный лом и т. д.

В отношении импорта—на первом месте стоит ввоз промышленного оборудования и сельско-хозяйственных машин, занимая более 25% всего ввоза, затем, следует промышленное сырье и фабрикаты, анилиновые краски, медицинские зубоврачебные инструменты и т. д.

По отношению к общему обороту внешней торговли СССР роль торговых смешанных обществ и концессионных предприятий пока незначительна. В 1922—23 г. обороты их составляли 3,8%, и в 1923—24 г.—4,2% общего оборота внешней торговли СССР. По экспорту и импорту значение смешанных обществ и торговых концессионных предприятий может быть иллюстрировано следующими данными:

Годы.	Общий экспорт СССР.	Экспорт смеш. обществ.	Общий импорт СССР.	Импорт смеш. обществ.
1922/23 г.	100%	3,3%	100%	4,6%
1923/24 г.	100%	4,0%	100%	4,5%

Для отдельных видов экспорта доля концессионных предприятий, однако, гораздо выше.

Положительная роль концессионных предприятий в области внешней торговли заключается, главным образом, в привлечении кредитов. В 1923—24 г. ими было получено оборотного кредита не менее 15 милл. руб. Кроме того, для государства торговые концессионные предприятия являются крупной статьей дохода. В 1923—24 г. общий доход исчисляется от них в 9—10 милл. руб., не считая дивидендов по акциям.

Для развития нашей торговли с Персией были организованы в 1923—24 г. 5 смешанных акционерных обществ с общей суммой капиталов в 4.380.000 руб. Этим обществам, без сомнения, принадлежит огромное будущее в деле усиления экономической связи с Персией. В 1924—25 г. ими предполагается экспортировать на сумму не менее 13 милл. руб., а импортировать—на 7 милл. руб., таким образом, обороты их достигнут крупной суммы в 20 милл. руб.

В области сельского хозяйства 7-ми концессионным предприятиям отведено до 145.000 десятин, однако, в обработке находится лишь пока около 50.000 десятин. Деятельность предприятий только начинает развиваться, так что инвестированные суммы и доходы пока незначительны.

Наши транспортные концессии сводятся почти исключительно к предоставлению заграничным предприятиям права эксплоатации воздушных и морских путей сообщения, а также телеграфных линий.

Отчисления от существующих концессий невелики, но положительная роль их сводится к развитию и улучшению наших сношений с заграницей. Имеющаяся одна железнодорожная концессия связана с лесной концессией, составляя с ней одно целое.

Доход правительства от транспортных концессий составил в 1923—24 году, в общей сложности, не более 1 милл. рублей.

Подводя итоги нашей концессионной практики, мы должны констатировать, что несмотря на короткий срок деятельности концессионных предприятий, их положительная роль в народном хозяйстве СССР выступает довольно четко.

Основное значение концессионных предприятий сводится к тому, что они способствуют развитию производительных сил нашего народного хозяйства.

Это достигается следующим:

1. Существующие концессии привлекли крайне нужные нам, правда, еще не очень значительные капиталы в наше народное хозяйство. При осуществлении полностью всех концессионных договоров, инвестированный капитал превысит 50.000.000 руб., но кроме того, иностранные капиталы участвуют в смешанных обществах, усиливая оборотные средства промышленности и торговли. Общая сумма акционерных капиталов смешанных обществ составляет не менее 17.000.000 руб. Одновременно с тем, концессионные предприятия способствуют приливу новых капиталов в виде кредитов. В 1923—24 году общая сумма кредитов составила, примерно, 23.000.000 руб., в 1924—25 г. кредиты, без сомнения, будут расширены. При этом, концессионные предприятия имеют возможность привлечь иностранные кредиты на более выгодных условиях, чем наши государственные организации. Смешанные лесные общества, например, в 1924 году получили заграничный кредит, обошедшийся им в 3—4 раза дешевле, чем нашим экспортным трестам.

2. Организация новых предприятий повела к увеличению количества товаров, выбрасываемых на рынок. Обороты концессионных предприятий достигают, в общей сложности, десятков миллионов рублей. Увеличение товарооборота ведет к укреплению

нашей денежной системы, поскольку расширяется спрос на деньги.

3. Концессионные предприятия, благодаря более рациональной технической и коммерческой постановке дела, продают зачастую дешевле наших госпредприятий, что оказывает подтягивающее влияние на наши госорганизации.

4. Концессионные предприятия способствуют улучшению баланса нашей внешней торговли: с одной стороны—увеличением экспорта, с другой—уменьшением импорта.

В отношении вывоза организация концессионных предприятий повела не только к количественному увеличению экспортных товаров, но и к повышению их ценности. В общей сложности все концессионные предприятия (торговые, лесные и др.) вывезли на сумму не менее 31 милл. руб., но не нужно забывать, что ряд экспортных товаров подвергся переработке на концессионных предприятиях, чего мы не могли бы сделать собственными силами. Так, смешанные лесопромышленные общества распилили и вывезли на своих заводах более 50.000 стандартов, которые, в лучшем случае, наши госпредприятия могли бы экспортировать лишь в необработанном виде.

Дальнейшее привлечение иностранного капитала для развития экспорта СССР открывает для последнего широкие перспективы. Наши экспортные возможности огромны. Недостаток собственных капиталов не даст нам в ближайшие годы возможность, хотя бы в минимальной доле, использовать наши естественные богатства. Областью, в которую особенно желательно привлечение иностранного капитала, является переработка сельско-хозяйственных продуктов, с целью скорейшей индустриализации нашего сельско-хозяйственного экспорта.

В отношении уменьшения импорта мы своей концессионной политикой уже теперь достигли возможности отказа от ввоза ряда товаров из-за границы, поскольку налажено производство этих изделий в СССР. Конечно, пока речь идет лишь о незначительном количестве товаров, в виду небольшого числа концессионных предприятий в обрабатывающей промышленности.

Положение с нашим импортом еще далеко не нормально. Мы ввозим огромное количество заграничных товаров, производство которых с небольшими затратами мы могли бы поставить у нас. Классическим примером в этом отношении является импорт буковой клепки для экспорта масла, которую мы ввозим из-за границы, несмотря на наличие пропадающих у нас буковых насаждений.

Но кроме легального ввоза, к нам проникают товары контрабандным путем. Контрабандный ввоз составляет в среднем ежегодно 60.000.000 руб., из которых более 50% падает на галантерею и мануфактуру, 12%—на кожевенные изделия и т. д. Все это можно было бы свободно изготовлять в СССР.

Наша концессионная политика должна в дальнейшем стремиться к совершенному исключению необходимости ввоза тех изделий, производство которых можно наладить в СССР.

5. Концессии улучшают наш расчетный баланс, кроме активизации нашей внешней торговли еще тем, что ежегодный приток иностранных капиталов, в виде сумм, подлежащих инвестированию, усиления оборотных капиталов концессионных предприятий, кредитов создает повышение наших требований в отношении заграницы, что, в свою очередь, вызывает усиленный спрос на наш червонец за границей.

6. Концессии способствуют уменьшению безработицы. В существующих предприятиях, по приблизительным подсчетам, занято до 18.000 человек, но, кроме того, благодаря кредитам, предоставляемым, например, экспортными смешанными обществами нашим госорганам, последние получают возможность расширить свои заготовки и, таким образом, пред'являют добавочный спрос на рабочие руки.

Поскольку в ближайшем будущем мы не можем рассчитывать полностью изжить имеющуюся у нас явную и скрытую безработицу—концессии должны явиться одним из путей изживания безработицы. Это обстоятельство должно иметь важное значение для суждения о положительной стороне концессий, и с этой точки зрения мы должны подходить к каждой новой заключаемой концессии.

7. Концессии дают сравнительно крупный доход государственной казне. В 1923—24 году, по приблизительным подсчетам, минимальная сумма, полученная государством от концессионных предприятий по различным статьям, составила 14.000.000 руб., не считая дивидендов по акциям, которые причитаются нашим госорганам—участникам смешанных обществ.

Мы далеко не исчерпали всех сторон положительной деятельности концессионных предприятий, но сказанного достаточно чтобы утверждать, что заключение новых концессий в дальнейшем желательно.

Однако, концессии мы будем заключать только в том случае, если иностранные капиталисты пойдут к нам на приемлемых для нас условиях. Возникает вопрос—согласится ли на это иностранный капитал.

Чем характеризуется современное положение мирового хозяйства?

Во-первых: увеличением экспорта капитала,
во-вторых: усилением спроса на сырье,
в-третьих: обострением борьбы за рынки сбыта.

1. Экспорт капиталов увеличился, в первую очередь, из Соединенных Штатов Северной Америки. Капитал, ищущий применения заграницей, согласен пойти на более низкий процент прибыли лишь бы последний превышал уровень прибыли экспортирующей страны. Если капитал будет уверен в получении у нас 15—20% прибыли, прибыль, которая в наших условиях не является высокой,—это будет, при прочих равных условиях, достаточным стимулом для его притока в СССР.

2. Спрос на сырье, с расширением промышленности в капиталистических государствах, возрастает. СССР обладает неисчерпаемыми запасами всех видов сырья, из которых многие занимают монопольное положение в мировом хозяйстве (марганец, целлюлозный лес и т. д.). Необходимое дешевое высококачественное сырье капиталисты, скорее всего, могут получить из СССР только путем инвестирования, в той или другой форме, крупных капиталов в наше народное хозяйство. Если в 1920—23 гг. капиталистическая промышленность, находясь в периоде упадка, сокращения производства могла покрывать уменьшившуюся потребность в сырье получением такового в странах, заменивших Россию на мировом рынке, и поэтому не проявляла особого инте-

реса к нашим источникам сырья,—то теперь, с достижением хотя бы производства, отсутствие нашего сырья довоенного уровня ставит промышленность капиталистических государств под угрозу возможности дальнейшего развития. Волей-неволей, даже, если прибыль от работы в СССР для капиталистов будет невелика, они пойдут на концессии в СССР с целью обеспечить себя сырьем и топливом.

3. Индустриализация колоний, падение покупательной способности широких масс населения во всех странах и наряду с тем, чрезвычайно увеличившийся за время войны производственный аппарат промышленности, делают для последней открытие новых рынков наиболее актуальнейшей проблемой. СССР с ее 132 милл. населением является рынком с огромными потенциальными возможностями. Капиталисты всех стран безусловно приложат все усилия, чтобы проникнуть со своими товарами в СССР. Для восстановления основного капитала промышленности и транспорта, для усиления нашего строительства, нам необходимо будет в течение ближайших лет ввести значительное количество машин и орудий производства и т. д. из-за границы.

Учитывая ограниченность наших средств, мы не сумеем, однако, удовлетворить наши потребности полностью. Концессии в этом случае явятся обоюдно выгодными, для нас: поскольку откроется возможность дальнейшего восстановления основного и оборотного капитала страны; для капиталистов: поскольку таким образом явится возможным сбыть в СССР добавочное количество оборудования и материалы со своих фабрик и заводов.

К вышеотмеченным факторам заинтересованности иностранных капиталистов в наших концессиях нужно добавить еще ряд изменившихся моментов уже на стороне СССР.

Это, во-первых, твердая валюта, которая всегда способствует увеличению импорта капиталов, во-вторых, усиление покупательной способности населения, что обеспечивает концессионным предприятиям сбыт их изделий. В-третьих, рост политического могущества СССР, всеобщее признание его капиталистическими державами, вследствие чего концессионеры соглашаются безоговорочно на подчинение нашему законодательству и не выставляют уже требований о предоставлении им исключительных прав и привилегий, причина, которая часто вела к разрыву концессионных переговоров.

На основе всего сказанного, перед нами ясно вырисовываются конкретные задачи, стоящие перед нами в области концессионной политики.

В ближайшее время соискателями концессий выступят три группы капиталистов:

1. Крупные финансовые и промышленные организации.
2. Мелкие промышленные и торговые фирмы.
3. Бывшие собственники национализированных предприятий.

К первой группе относятся те финансовые и промышленные концерны, которые ищут в СССР рынков приложения капиталов, сбыта изделий и источников сырья. Эти соискатели не останавливаются перед необходимостью инвестирования крупнейших капиталов на продолжительный срок в СССР. С экономической стороны подобные концессии являются наиболее выгодными. Но, вместе с тем, указанные концессионеры требовали для себя раньше ряд неприемлемых привилегий: монопольных прав, освобождения от налогов, послабления рабочего законодательства и т. д. До сих пор мы имеем только одну концессию подобного вида, заключенную, однако, на основе нашего типового обычного концессионного договора.

Как мы указывали выше, в ближайшее время мы должны ожидать усиления внимания к нашим концессионным об'ектам именно со стороны этих групп.

Учитывая выгоды, получаемые от заключения каждой такой концессии, мы можем по отношению к таким соискателям итти на ряд льгот, как, например, разрешение на беспошлинный ввоз нового оборудования, приравнение концессионера в отношении уплаты налогов к государственным предприятиям, даже лимитирование налогов, удлинение срока концессии и т. д., сохраняя, конечно, незыблемо наши основные декреты.

2. Мелкий промышленный и торговый капитал, переживая в настоящее время в Западной Европе кризис, стремится найти применение в СССР, поскольку условия здесь для него гораздо благоприятнее. Крупных выгод от него ждать нельзя, но, как мы уже отмечали выше, нам приходится еще ежегодно ввозить целый ряд изделий, которые могли бы быть свободно производимы в СССР. Каждый в отдельности такой концессионер не имеет значения для нашего народного хозяйства, но в совокупности мелкая концессионная промышленность принесет нам большую пользу.

Опыт показывает, что мелкие соискатели не требуют для себя особых льгот, соглашаются на полное приравнение к нашим частным промышленникам,—сговориться с ними вообще легче.

Единственно, что отпугивает мелкого соискателя—это сравнительно долгий срок ведений концессионных переговоров. Для такого концессионера само пребывание в СССР в течение многих месяцев, вынужденное бездействие—является уже чрезвычайно обременительным. Поэтому, в отношении к таким концессионерам нам необходимо максимально упростить порядок сдачи концессий вплоть до предоставления права заниматься промышленной деятельностью не на основе концессионного договора, а простой аренды.

3. Соискатели третьей группы, на которую в первый период нашей концессионной практики падало наибольшее число предложений, обычно заинтересованы лишь в получении, в той или иной форме, своих бывших предприятий. Заключая концессии, они обычно стремятся не к вложению новых капиталов, а к скорейшей амортизации полученного предприятия, с целью покрытия понесенных ими убытков. Сговориться с ними бывает сравнительно легко, но реальной пользы от них для развития производительных сил нашего хозяйства немного. В ближайшем будущем, пока не разрешен еще вопрос о ликвидации взаимных расчетов с Англией и Францией, на которых падает наибольший процент участия своими капиталами в довоенной промышленности, можно ожидать некоторой пассивности со стороны этих групп.

Для нас бывшие собственники, как соискатели концессий, интересны, главным образом, постольку, поскольку они имеют опыт прежней работы в России. В отношении к ним, однако, необходимо ставить жесткие требования инвестировать новые капиталы, расширить и улучшить передаваемые им их бывшие предприятия.

реса к нашим источникам сырья,—то теперь, с достижением хотя бы производства, отсутствие нашего сырья довоенного уровня ставит промышленность капиталистических государств под угрозу возможности дальнейшего развития. Волей-неволей, даже, если прибыль от работы в СССР для капиталистов будет невелика, они пойдут на концессии в СССР с целью обеспечить себя сырьем и топливом.

3. Индустриализация колоний, падение покупательной способности широких масс населения во всех странах и наряду с тем, чрезвычайно увеличившийся за время войны производственный аппарат промышленности, делают для последней открытие новых рынков наиболее актуальнейшей проблемой. СССР с ее 132 милл. населением является рынком с огромными потенциальными возможностями. Капиталисты всех стран безусловно приложат все усилия, чтобы проникнуть со своими товарами в СССР. Для восстановления основного капитала промышленности и транспорта, для усиления нашего строительства, нам необходимо будет в течение ближайших лет ввести значительное количество машин и орудий производства и т. д. из-за границы.

Учитывая ограниченность наших средств, мы не сумеем, однако, удовлетворить наши потребности полностью. Концессии в этом случае явятся обоюдно выгодными, для нас: поскольку откроется возможность дальнейшего восстановления основного и оборотного капитала страны; для капиталистов: поскольку таким образом явится возможным сбыть в СССР добавочное количество оборудования и материалы со своих фабрик и заводов.

К вышеотмеченным факторам заинтересованности иностранных капиталистов в наших концессиях нужно добавить еще ряд изменившихся моментов уже на стороне СССР.

Это, во-первых, твердая валюта, которая всегда способствует увеличению импорта капиталов, во-вторых, усиление покупательной способности населения, что обеспечивает концессионным предприятиям сбыт их изделий. В-третьих, рост политического могущества СССР, всеобщее признание его капиталистическими державами, вследствие чего концессионеры соглашаются безоговорочно на подчинение нашему законодательству и не выставляют уже требований о предоставлении им исключительных прав и привилегий, причина, которая часто вела к разрыву концессионных переговоров.

На основе всего сказанного, перед нами ясно вырисовываются конкретные задачи, стоящие перед нами в области концессионной политики.

В ближайшее время соискателями концессий выступят три группы капиталистов:

1. Крупные финансовые и промышленные организации.
2. Мелкие промышленные и торговые фирмы.
3. Бывшие собственники национализированных предприятий.

К первой группе относятся те финансовые и промышленные концерны, которые ищут в СССР рынков приложения капиталов, сбыта изделий и источников сырья. Эти соискатели не останавливаются перед необходимостью инвестирования крупнейших капиталов на продолжительный срок в СССР. С экономической стороны подобные концессии являются наиболее выгодными. Но, вместе с тем, указанные концессионеры требовали для себя раньше ряд неприемлемых привилегий: монопольных прав, освобождения от налогов, послабления рабочего законодательства и т. д. До сих пор мы имеем только одну концессию подобного вида, заключенную, однако, на основе нашего типового обычного концессионного договора.

Как мы указывали выше, в ближайшее время мы должны ожидать усиления внимания к нашим концессионным об'ектам именно со стороны этих групп.

Учитывая выгоды, получаемые от заключения каждой такой концессии, мы можем по отношению к таким соискателям итти на ряд льгот, как, например, разрешение на беспошлинный ввоз нового оборудования, приравнение концессионера в отношении уплаты налогов к государственным предприятиям, даже лимитирование налогов, удлинение срока концессии и т. д., сохраняя, конечно, незыблемо наши основные декреты.

2. Мелкий промышленный и торговый капитал, переживая в настоящее время в Западной Европе кризис, стремится найти применение в СССР, поскольку условия здесь для него гораздо благоприятнее. Крупных выгод от него ждать нельзя, но, как мы уже отмечали выше, нам приходится еще ежегодно ввозить целый ряд изделий, которые могли бы быть свободно производимы в СССР. Каждый в отдельности такой концессионер не имеет значения для нашего народного хозяйства, но в совокупности мелкая концессионная промышленность принесет нам большую пользу.

Опыт показывает, что мелкие соискатели не требуют для себя особых льгот, соглашаются на полное приравнение к нашим частным промышленникам,—сговориться с ними вообще легче.

Единственно, что отпугивает мелкого соискателя—это сравнительно долгий срок ведений концессионных переговоров. Для такого концессионера само пребывание в СССР в течение многих месяцев, вынужденное бездействие—является уже чрезвычайно обременительным. Поэтому, в отношении к таким концессионерам нам необходимо максимально упростить порядок сдачи концессий вплоть до предоставления права заниматься промышленной деятельностью не на основе концессионного договора, а простой аренды.

3. Соискатели третьей группы, на которую в первый период нашей концессионной практики падало наибольшее число предложений, обычно заинтересованы лишь в получении, в той или иной форме, своих бывших предприятий. Заключая концессии, они обычно стремятся не к вложению новых капиталов, а к скорейшей амортизации полученного предприятия, с целью покрытия понесенных ими убытков. Сговориться с ними бывает сравнительно легко, но реальной пользы от них для развития производительных сил нашего хозяйства немного. В ближайшем будущем, пока не разрешен еще вопрос о ликвидации взаимных расчетов с Англией и Францией, на которых падает наибольший процент участия своими капиталами в довоенной промышленности, можно ожидать некоторой пассивности со стороны этих групп.

Для нас бывшие собственники, как соискатели концессий, интересны, главным образом, постольку, поскольку они имеют опыт прежней работы в России. В отношении к ним, однако, необходимо ставить жесткие требования инвестировать новые капиталы, расширить и улучшить передаваемые им их бывшие предприятия.

Основываясь на всем вышесказанном, мы в настоящее время можем считать, что перед нами открывается полоса оживления в нашей концессионной практике. Невольно может возникнуть вопрос—не составит ли большое число заключенных концессий угрозы нашему государственному хозяйственному строительству.

Уже в 1921 году Владимир Ильич, слыша подобные опасения, неоднократно подчеркивал:

«Концессии не страшны, пока мы держим в руках все государственные предприятия и взвешиваем точно и строго какие и на каких условиях мы можем отдать в концессии и в каких размерах. Капитализм, который растет, находится под контролем, учетом, а государственная власть остается в руках рабочего класса и рабочего государства» (т. XVIII, ч. I, стр. 199).

Теперь, когда наши «командные высоты» значительно окрепли, занимая действительно командное положение в народном хозяйстве, когда мы не боимся посвободней развязать мелкого товаропроизводителя,—опасаться концессий, за которыми, по меткому выражению тов. Ленина,—«уследить» гораздо легче, чем за мелким товаропроизводителем, еще меньше оснований, чем несколько лет тому назад.

Нашим лозунгом дня становится развитие хозяйственного оборота, нашей задачей попрежнему остается упрочение союза рабочих и крестьян, для этого мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности: правильная концессионная политика явится не последним фактором проведения этих задач в жизнь.

С. Калантаров.

Работа производственных ячеек среди беспартийных.

Нередко производственные ячейки всю задачу свою по отношению к беспартийным крайне упрощают, сводя ее непосредственно к вербовке возможно большего количества беспартийных в партию и считая единственным критерием успеха своей работы с беспартийными цифру вступивших.

Задача ячейки значительно сложнее. Заключается она не только в вовлечении рабочих в партию (это—часть задачи, игравшая и кое-где продолжающая играть первостепенное значение в связи с необходимостью укрепить рабочее ядро партии), но и—что не менее важно—в завоевании ячейкой полного доверия к себе со стороны всей массы беспартийных рабочих, и, больше того, в абсолютном политическом, идейном овладении всею беспартийной массой. Добиться же этого не так просто. Между тем именно это доверие, именно тяга беспартийных к тесному сотрудничеству с партией, к помощи ей, именно широкий беспартийный рабочий актив вокруг партии, как продукт этой тяги, этого доверия, и должны служить критерием успешности.

Возрастающий приток рабочих в партию есть беспорный показатель усиления партии, роста ее влияния на рабочие массы, роста доверия рабочих к партии, но—партии в целом, а отнюдь не обязательно данной ячейки. Факты вступления в партию рабочих несмотря, подчас, на неумелую, неправильную линию той или иной ячейки в отношении беспартийных или на отсутствие какой бы то ни было линии, отнюдь не единичны.

Работу производственных ячеек среди беспартийных, с точки зрения подхода, методов и форм работы, мы и разберем в настоящей статье. Но предварительно несколько слов о состоянии рабочих масс.

1. Процессы в рабочем классе.

Развертывание промышленности сопровождается увеличением и сплачиванием рабочего класса. В Ленинграде, напр., в октябре 1923 года насчитывалось 106.000 рабочих, а в декабре 1924 года свыше 156.000; в Москве, в октябре 1923 года, в 335 предприятиях работало 213.057 рабочих, а в октябре 1924 года—в 330 предприятиях — 267.945 рабочих, при чем среднее количество рабочих на одном предприятии в октябре 1923 года было 307 человек, а в октябре 1924 г. около 400 человек. Аналогично положение и в других промышленных районах.

Отражаясь положительно на уровне материальной обеспеченности рабочего, восстановление промышленности сопутствуется производственным под'емом в рабочем классе. Производительность индивидуального труда рабочего значительно возросла, иногда перевалив за довоенную.

С производственным под'емом связана и наблюдающаяся широкая тяга рабочих к поднятию своей квалификации (на Тульском оружейном заводе, напр., «работает 12 кружков по поднятию квалификации», то же в Баку и в др. промышленных центрах).

Подымая свою производительность, рабочий сильнее заинтересовывается в хозяйственном ведении промышленности, в технической рационализации ее. Производственные совещания в этом смысле явились практическим выражением сознательного участия рабочих в производстве. Было бы преждевременно заключать о большом развитии в рядовых рабочих массах «чувства хозяина» промышленности, но проходить мимо этого процесса, еще зачаточного, но неуклонно развивающегося в рабочем классе нельзя.

Одновременно с производственным под'емом на базе роста производительной обеспеченности рабочих идет культурный под'ем рабочего класса. О нем говорят материалы с мест. В «Спутнике Партработника» Донбасса мы читаем о «повышенном стремлении к знанию не только среди членов партии, но и среди беспартийных». Бакинский Комитет констатирует то же в отношении окраин: «Спрос, который сейчас имеется на книгу среди тюркских рабочих,—пишет, он,—говорит о возросшей культурной потребности рабочих-тюрок». Вот несколько цифр, иллюстрирующих культурный рост: в 1923 г. по Республике насчитывалось до 2.000 клубов; 1/XI г. 1924 г. их уже имелось 2500, при чем закрыто много слабых клубов. Если полтора-два года тому назад членами клуба состояло 5—6% проф. организованных рабочих, то теперь имеем 10—12%. Число читателей библиотек (по данным ВЦСПС) после чистки таковых возросло за короткий срок в три раза. На одном только Тульском оружейном заводе при клубе организовано «19 разных кружков (культпросветительного характера) с числом участников в них 1.047 чел. По мастерской имеется 17 библиотек-передвижек и 18 красных уголков». «Клубы перегружены »,—пишет информотдел екатеринославского губкома; и т. д. и т. п.

Культурный рост неизменно сопровождается ростом политической сознательности и общественной активности рабочих. Это видно хотя бы на росте роли газеты в жизни рабочего. Об этом говорят сами рабочие в беседах при обследовании («раньше газеты месяцами не видел, а теперь как день не почитаю газету, чего-то не хватает». Ярославль, Ковров).

О том же говорят цифры растущего тиража рабочих газет и растущая подписка на них. «За год «Ниж. Коммуна» увеличила свой тираж с 20.000 до 28.000, т.-е. на 40%. Газета сумела связаться с самой гущей рабочего класса. Есть цеха, где почти каждым рабочим выписывается «Ниж. Коммуна». (Отчет Нижегородского губкома за 1924—январь—25 г.). То же сообщают Сталинградский и др. губкомы.

Вокруг газеты растет широкое рабкоровское движение. Сталинградская «Борьба» имеет свыше 250 рабкоров. Донбасс говорит о «росте рабкоровского движения». В Нижнем с сентября 1924 г. по январь 1925 г. количество рабкоров увеличилось с 250 до 1000. В московских районах «организовано 134 рабкоровских кружка и 8 курсов для квалифицированных рабкоров». «Буквально нет газеты и массового журнала,—пишет ленинградский губком,—которые не имели бы рабкоров». В Баку «рабкоров имеется в декабре 250 чел., тогда как имели в мае только 80 чел.». Всего по Республике уже насчитывается до 70 тысяч рабкоров.

Крупным общественным фактором на предприятиях становится стенная газета. В Донбассе чуть ли не каждое предприятие, каждая школа, каждый клуб имеют свою стенную газету, а иногда даже и две и несколько различных типов. «Стенная газета на предприятиях безусловно играет огромную роль», — пишет Донбасс.

Газета, обычно завоевывая интерес рабочих к себе освещением рабочего быта, экономических и производственных вопросов рабочей жизни, постепенно расширяет кругозор и завоевывает внимание рабочего к вопросам общегосударственным, международным и партийным. Тому же способствует партия. Беспартийный рабочий, даже мало активный, будучи меньше загружен общественной работой, чем партиец, бывает нередко полнее в курсе событий, действий власти и проч., чем загруженный партиец. «Беспартийные,—пишет Курский губком, лучше партийных осведомлены о международном и внутреннем положении Республики, так как все читают газеты, а партийцы нет, в силу занятости в школах и другими работами». Крупнейшим стимулом к повышенном интересу беспартийных рабочих к государственной и партийной жизни является тесная связь рабочих с деревней. Для краткости приведем одно лишь наиболее характерное сообщение, взятое из сводки Тульского губкома: «Среди рабочих наблюдаются следующие явления: рабочие, имеющие связь с деревней, в момент работы в мастерских чувствуют себя крестьянами, они расспрашивают ячейку о налогах, об обложении земли, скота. Но когда они бывают в деревне, там они себя чувствуют рабочими. Когда говорят о налогах, то эти рабочие возражают, защищают политику сов. власти теми раз'яснениями, кои говорились против них на собраниях в мастерских. Приведенное, сплошь и рядом затруднительное положение такого рабочего подымает его в общем на уровень классовой сознательности, а с ним вместе и окружающих его рабочих, хотя бы и не связанных непосредственно с деревней. Известен, наконец, тот повышенный интерес беспартийных рабочих к партийной жизни (особенно к дискуссиям), который неизменно проявлялся беспартийными рабочими и который в немалой степени уходит корнями в ту же деревню.

Бесспорным достижением являются рабочие «общества»— свидетели растущей самодеятельности рабочих. Конечно, астрономические цифры о количестве членов этих обществ отнюдь не показательны. Интересно другое, о чем говорят материалы с мест, именно—непрерывный рост рабочего актива в «обществах». Так в Москве, на заводе «Серп и Молот» в практическую работу по добровольным обществам втянуто 40 беспартийных рабочих. На другом предприятии из членов общества «Долой неграмотность» выделяется активная группа рабочих и работниц—ликвидаторов неграмотности. Не следует, конечно, переоценивать и этих фактов. Это только начатки. Но они имеют свою, и притом большую, будущность.

Наконец, крупнейшим показателем роста общественно-политической активности беспартийных рабочих является их сильная тяга к политучебе и тяга в партию. Сведения из ленин-

градских ячеек говорят о «возросшем посещении беспартийными занятий в школах и кружках». На заводе «Большевик» «из числа 225 посещающих партшколы—70 человек беспартийных и приходилось отказывать многим». В Туле «в цехах на групповых беседах участвует свыше 40% беспартийных цеха». Уже в прошлом году,—пишет Самарский губком в январе 1925 года—сказывалось в широкой беспартийной массе стремление к общественно-политическому знанию. К началу текущего учебного года оно сказалось еще с большей силой».

Приток в партию после ленинского призыва не только не уменьшился по сравнению с предыдущими годами, но значительно превышает их. Наиболее красочным фактом является второй массовый приток в ленинские дни (I/25 г.) по Москве, когда за три недели в партию вступило около 20.000 рабочих, т.-е. немногим менее числа вошедших в партию по Москве за три месяца 1924 года.

Через газету, через партийную организацию и пропаганду на будничных вопросах строительства, рабочие массы систематически впитывают в себя основы классовых задач, основы большевистской политики. Процесс консолидации рабочего класса дополняется и бетонируется ростом классовой сознательности рабочих. Основы ленинизма проникают в глубины рабочего класса.

Общественный классовый рост сопровождается ломкой быта. «С богом давно покончили»,—говорят рабочие. Иконостасы либо пошли в печь, либо совмещаются пока с портретами вождей революции и с «Безбожником». Старухи упорствуют и даже Октябрьскую годовщину ходят праздновать в церковь. Пионеры и комсомольцы беспощадно добивают в семье остатки предрассудков. Октябрины стали массовым явлением. Клуб и газета становятся необходимостью не только для рабочего, но и для работницы. Впрочем последняя, будучи семейной, сильно связана семьей. Характерно, что рост материальной обеспеченности рабочей семьи, отзываясь благоприятно на росте общественной активности рабочего, ложится пока в большинстве своем еще большей тяжестью на семейную работницу, ибо появляются лишние «припасы, которые нужно спечь и сварить», увеличиваются материальные запросы семьи. Общественное питание, воспитание и проч. еще недостаточно сильны, чтобы помочь ощутительно работнице-матери.

На фоне этих основных процессов развития рабочего класса имеют место и временные явления и настроения отрицательного порядка. Питаются они разными источниками—трудностями восстановления промышленности, трудностями в деревне, неумелым подходом к беспартийным местных парторганизаций и хозяйственников, выражающемся, подчас, в чрезмерной партопеке, в администрировании, в нечутком подходе. Эти явления и настроения захватывают обычно неустойчивые, подверженные классово-чуждым влияниям, прослойки рабочих. Анти-советские элементы всеми силами использовывают малейшие заминки, ошибки или кажущиеся ошибки местных работников для раздувания взаимного непонимания между партией и рабочими, путем скрытой агитации, индивидуальной «обработки». В результате, на фоне общего классового роста рабочих масс, время от времени, кое-где, имеют место классово-чуждые настроения в отдельных группах рабочих.

Трэд'юнионистские настроения. Их обычное выражение—непонимание политики рабочего класса, руководимого большевистской партией, как политики государственного класса; «ревность» к деревне, упреки в крестьянском уклоне партии и т. п. Такие настроения захватывают легче всего квалифицированную рабочую верхушку, порвавшую давно с деревней и подверженную меньшевистским шатаниям, а также самую отсталую часть рабочих.

В противоположность тред'юнионистским наблюдаются им обратные—крестьянские настроения. Тесные связи с деревней, слабая выварка в «фабричном котле», политическая отсталость части рабочего класса создают предпосылки для зарождения в сознании отдельных рабочих и групп рабочих классово-чуждых крестьянских настроений, питающихся обычно вестями из дому (из деревни) о недовольстве теми или иными мероприятиями власти, о слабости и недостатках низовых деревенских звеньев партии, комсомола, соваппарата и других организаций. Эти элементы рабочего класса с трудом усваивают общую линию партии, вместо положительной роли в деле укрепления смычки играют роль отрицательную, являясь проводниками мелкобуржуазных шатаний и влияний в рабочую среду, труднее поддаются организаторской работе партии и друг. рабочих организаций, труднее поддаются дисциплине организованного класса.

В тесной связи с этими настроениями находится явление, не сильно распространенное, но тем не менее встречающееся подчас в среде беспартийных рабочих, это—непонимание роли партии, как вождя беспартийных масс рабочих, недооценка роли партии в строительстве, в государственной жизни, в борьбе рабочих за улучшение своего материального положения и проч. В Ярославле, например, на «Красном Перекопе» довольно распространенным было мнение в беспартийной рабочей среде, что партия есть «накладной расход» на шее рабочего класса; «сами говорите—подымай производительность, сокращай расходы, а наплодили теперь цехячеек—вот вам и накладной расход». Неправильному пониманию роли партии способствуют нередко и сами партийцы, руководители парт'организаций (ячеек) своим явным непониманием того же основного вопроса—взаимоотношений партии и класса.

В значительной мере вопрос о работе среди беспартийных есть вопрос о подходе партии к беспартийным, о таком подходе, который обеспечивал бы ей основанное на полном доверии класса руководство последними. Этого-то подхода подчас нет на местах. Наоборот, отдельные факты говорят о близоруком, нетактичном, неумелом обхождении отдельных руководящих работников производства (ячейки хозяйственников) с беспартийными рабочими массами. Тут следует оттенить два обычных момента недоговоренности: 1) между рабочими и ячейкой и 2) между рабочими и хозяйственниками. Первый момент имеет место отчасти в силу указанного выше непонимания некоторыми рабочими роли партии, но отчасти и в силу неправильной линии ячейки в отношении беспартийных, недоверия к беспартийным, «боязни масс», вытекающей отсюда опеки над беспартийными, излишнего нажима тогда, когда это вовсе не требуется ника-

кими соображениями. Практически это сказывается обычно на собраниях рабочих во время обсуждения тех или иных вопросов, во время принятия резолюций по ним («протаскивание», «навязывание»), во время тех или иных выборов в деле выдвижения работников и проч. и т. п. При этом настроение беспартийного рядовика-рабочего вполне характеризуется такого рода фразами: «без нас там коммунисты выберут, список уже готов», «выборы в Горсовет проводятся лишь для видимости». «Не выбирают, а назначают», «нам партия не доверяет».

Иногда даже некоторые члены и кандидаты партии подпадали под эти настроения и плелись в хвосте. Один из товарищей в докладе о поездке по некоторым губерниям приводит случай, когда молчавшие по докладу его рабочие, обступили его после собрания с распросами. На вопрос—почему же они не выступали на собрании, ответ был—боимся, сократят. Сокращение «за бузотерство» имело однажды место на деле. Результатом этаких головотяпств является страшное падение общественной активности рабочих. На-ряду с этим созревает недовольство ячейкой, недоверие, взаимная недоговоренность. Ясно, что на такой основе всякие разговоры о втягивании беспартийных рабочих в практическое строительство, о партийном влиянии и руководстве беспартийной массой лишь пустые фразы.

Второй момент—трения между рабочими и хозяйственниками—имеет место чаще первого и является продуктом с одной стороны непонимания отдельными рабочими и группами рабочих хозяйственных задач рабочего класса в целом, но с другой—нередко—продуктом ошибок хозяйственников и, подчас, необдуманных мероприятий. Бывали случаи, когда повышение норм выработки, изменение расценок и проч. проводились хозяйственниками без какой бы то ни было попытки подготовить рабочих к намеченному мероприятию, дотолковаться с ними до конца, добиться полного взаимного понимания и т. д. В отдельных случаях имело место игнорирование хозяйственниками даже проф. органов. Ясно, что подобные методы администрирования отнюдь не способствуют сближению рабочих с хозяйственниками, а на этой почве, подчас,—рабочих с партией. С подобного рода явлениями необходимо решительно бороться.

К числу отрицательных настроений среди рабочих следует отнести и настроения недовольства «по мелочам». Недовольство этого типа отнюдь само по себе не является мелочью. Нередко именно «мелочи», «пустяковые недостатки» в производстве создают весьма напряженную атмосферу в цехах на предприятии. Об этих-то «мелочах» и говорят в большинстве своем рабочие на производственных совещаниях. Известно, что устранение этих «мелких недочетов» приводило предприятие к большим материальным эффектам (экономия сырья и проч.), а в рабочей среде разряжало атмосферу раздраженности.

Нельзя пройти и мимо так называемого спецеедства. Партийная линия в отношении специалистов усвоена в основном всею партией, а с нею и широкими рабочими массами. Однако, в отдельных промышленных районах (Донбасс, Урал), в силу отрицательных черт спецовского состава данного района (нерадение к производству, высокомерие к рабочим и т. п.), а подчас в силу злоупотреблений спецов материальными привилегиями (высокие ставки, жилищные излишества и проч.) выросли настроения антиспецовские, спецеедство среди рабочих. Впрочем, явление это, благодаря принимаемым партией и хозяйственниками мерам, в настоящее время идет на убыль.

Ощутительным явлением в быту становится пьянство (Самара и др.). Однако, пьянство столкнулось с сильным процессом культурного роста рабочего класса. Инициативой самих рабочих в ряде городов (Ярославль, например, и др.), в районах фабрик и заводов закрываются пивные и проч.

Совокупность основных—положительных—процессов и частных—отрицательных—в рабочем классе, определяет собой оценку тех методов и форм работы среди беспартийных, которые практикуются местами и которые наилучшим образом обеспечивали бы партии ее связь с рабочими массами и руководство ими.

II. Задача создания слоя беспартийного актива и как она решается местами.

Ленинский набор и задача его переварки заняли на протяжении ряда месяцев все внимание производственных ячеек. Работа среди беспартийных, казалось, отошла далеко на задний план. Однако, возросшая активность в рабочем классе не позволила партии, там где она «забыла» о работе в массах, долго проходить мимо этой задачи. «Сдвиг в беспартийной массе,—пишет один из работников Донбасса,—в сторону массового обольшевичивания ее, получивший определенное свое выражение и живой размах в ленинском наборе, есть момент перерождения беспартийной клеточки в партийную. Следует его всемерно развивать, что, помимо других условий, требует перехода и усиления плановой работы среди беспартийной массы, ее лучшего обслуживания, чем мы делали это до сих пор». «Значительное пополнение партии за счет беспартийных,—говорится в резолюции Украины,—вызвало неизбежное уменьшение актива беспартийных рабочих, вовлеченных в профессиональную, советскую и др. работу». В результате большинство организаций занялось вплотную работой в массах. Этот практический сдвиг зафиксирован и в резолюции внутреннего совещания Орграспреда МК, констатирующей, что «в последнее время (1924 г. XII.) работа ячеек значительно оживилась по линии развертывания работы среди беспартийных».

Однако, подход к вопросу, методы создания беспартийного актива из рабочих не одинаковы у местных парторганизаций, у производственных ячеек. Обследование нескольких организаций дало нам примеры, значительно друг от друга разнящиеся. В основном вырисовываются два подхода: первый—сознательный курс на максимум взаимного политического понимания, взаимного доверия ячейки и беспартийной рабочей массы. Практически он выражается во втягивании беспартийных рабочих на деловое сотрудничество с партией, в настойчивом оживлении всех видов и форм общественной самодеятельности масс, в обеспечении рабочим организациям и массам на деле возможности активной самодеятельности под партийным руководством; второй—механическое сколачивание, учет «слоя беспартийного актива», недооценка политического значения приобщения беспартийного к практической работе, к строительству, вдохновляемому партией, подчас беззаботность в отношении остальных широких слоев рабочей массы. Практически он (подход) выражается в бумажном уче-

те «сочувствующих и содействующих» партии, как одиночками, так и группами, в слабом привлечении беспартийных рабочих к содействию партии на деле в рабочих организациях. Моменты администрирования ячеек над беспартийными при этом фигурируют тем чаще, чем развитее этот подход, этот метод работы. Конечно, эти два подхода для краткости и четкости взяты здесь в их наиболее чистом виде. На деле имеют место отклонения в ту и другую сторону. Чаще эти отклонения наблюдаются во втором случае, ибо партийные директивы не раз отвергали упомянутый метод работы в массах и указывали на его политическую невыдержанность, вредность для партии. В виду живучести этого метода остановимся на нем подробнее.

Так называемые сочувствующие, будучи отвергнуты партией, не возрождались вновь формально. По существу же, только под иным соусом, институт этот возрождался и доныне фактически не изжит полностью. Сочувствующих заменили «содействующие», в начале в форме «ячеек и групп», а после циркуляра ЦК (XI—1922 г) в форме содействующих—одиночек. Разница между группами и одиночками лишь формальная. По сути дела это—одно и то же. Опыт Москвы, Коломны и ряда др. организаций показал, что одиночки неизбежно соскальзывают на путь группового оформления. О группе «содействующих», в защиту ее, еще недавно (март 1925) помещена статья партработника «Красной Пресни», тов. Гурды в «Правде». О «содействующих» издавались специальные «положения» (Владимирский губком). «Содействующие» вербовались, подчас исключались и проч. Работа с «содействующими» в силу количественного роста этого института (в одной Москве их насчитывалось свыше 15.000), ограничивалась в преобладающей части, а подчас и полностью, одним лишь бумажным учетом. Создалась категория «кандидатов второго порядка» около партии, чего не отрицает и что оправдывает тот же практик тов. Гурда (см. «Правду» № 60). Для иллюстрации работы с содействующими приведем одно об'явление ячейки на московском заводе, характеризующее до некоторой степени обычную постановку этой работы. Перед той или иной кампанией ячейка об'являет: «Все товарищи, записавшиеся (!) в группу (!) содействующих РКП(б), должны (!) прибыть на собрание (день, час, место). Явка для всех содействующих обязательна (!). Секретарь ячейки РКП(б) (подпись)». Можно было бы привести десятки фактов более ярких, но достаточно и этого, наиболее распространенного факта.

Родственной «содействующим» формой являются так назыв. «политкружки», практикуемые кутаисской организацией Грузии. Вот что пишет сам уком: «до сих пор прием в политкружок был трудный, вступающему в политкружок пред'являлись те же условия, что и вступающему в партию, хотя с 1922 года нами в политкружок было принято незначительно количество. В политкружках нами велись систематические занятия. В будущем следует увеличить число политкружков, вовлечь в них возможно большее количество рабочих и крестьян и ввести чисто-пропагандистскую работу. Родственное тут то, что члены «политкружка», как и «содействующие», находятся в известных формальных отношениях к партии, они принимаются и исключаются партией, они оформлены определенными нормами. Преимуществом перед «содействующими» является то, что количество членов «политкружков» ограничено и партия целиком справляется с задачей их индивидуальной обработки. Существенным своеобразием этой формы является то, что с беспартийными этого типа ведется чисто пропагандистская работа, без попытки вовлечения в практическую работу. Общей характерной чертой всех перечисленных родственных друг другу форм является то, что они практически становятся универсальной формой «работы» ячеек по созданию слоя беспартийного актива, отвлекая тем самым внимание партии от упорного оживления рабочих организаций, профсоюзов, советов и др. Не требует особых доказательств тот факт, что сколачиваемый такими путями слой беспартийного актива ни в малейшей мере не связывает партию с беспартийными рабочими массами тою связью сотрудничества, договоренности и взаимного доверия, которые должны быть достигнуты в первую очередь через беспартийный актив.

Большинство организаций на путь «содействующих и т. п. не стало. Сведения о вовлечении беспартийных рабочих в практическую работу тем не менее крайне скудны: ряд крупных отчетов губкомов, пестря всевозможными цифрами, не дают, однако, цифры о беспартийном активе, ограничиваясь лишь общей оценкой по этому вопросу. Это говорит о недостаточных пока достижениях мест в этой области. Имеющиеся данные таковы:

ЛЕНИНГРАД.	Членов и кандид. РКП (б).	Членов РЛКСМ.	Беспартийных.	Всего.
Советская работа	3.442	406	6.121	14.969
Професс. „	10.789	1.996	14.303	27.088
Кооперат. „	2.355	179	968	3.502
Хозяйств. „	241	—	34	275
В разных организациях . .	15.151	4.484	10.108	29.743
Всего . . .	36.978	7.065	31.534	75.577

Тула. Средний процент вовлеченных в работу беспартийных рабочих по отношению к общему числу беспартийных на предприятиях равен около 8%.

По отдельным видам работ имеем такие цифры:

Профработа: состав фабзавместкомов. По Москве всего, включая профуполномоченных,—беспартийных 51%; отдельно в Замоскворецком районе, в 58 ячейках—34,5%. В Твери до перевыборов—53% беспартийных, после—46%. В Ленинграде в 5-ти индустриальных союзах 26%. В Баку—до перевыборов 59%, после 35,9%, там же профуполномоченных—до перевыборов 89,4%, после—68%.

Состав комиссий при фабзавкомах (РКК, Охрана Труда, культкомиссия, ревизионная комиссия). В Москве по разным заводам колеблется от 20 до 70%. В Баку—до перевыборов

колебалось от 60 до 72%, после перевыборов—от 44 до 61% беспартийных.

Состав профделегатов, членов профколлектива, сборщиков взносов. В Москве, в Зам. районе—76% беспартийных, в Ленинграде—64%, в Баку до перевыборов—78,5%, после—60%, в Туле—членов профколлективов на разных заводах (Оруж. завод, патрон. завод и др.) колеблется от 15 до 85%, сборщиков взносов—колеблется от 33 до 53% беспартийных, в Ярославле (в одной из ячеек—на 44 профделегата лишь 4 беспартийных, т.-е. около 9%).

«Спутник» Донбасса пишет: «Партией и профсоюзами втянут новый кадр беспартийных рабочих в активную низовую профработу».

Первое, что следует отметить по поводу приведенных цифр—это чрезмерная пестрота картины, свидетельствующая о неодинаковом подходе и размахе в деле вовлечения беспартийных в низовую профработу. Второе—довольно распространенное снижение процента (и абсолютного числа) вовлеченных в низовую профработу беспартийных. При этом—что наиболее характерно—некоторые парторганизации ставят это себе в заслугу (один из губкомов, пишет, например: «Надлежит отметить, что процент коммунистов в профорганизациях (речь идет о низовых руководящих профорганах. С. К.) почти в два раза превышает процент их в профорганизациях Москвы»), другие же рассматривают низкий процент беспартийных вполне правильно, как крупный пробел в работе ячейки (Тула, например, и др.).

Интерес рабочих к выборам в низовые профорганы небывало возрос. «Из всех выборов,—говорили в один голос рабочие и партийцы Коврова, Ярославля и др.,—рабочий больше всего интересуется профессиональными выборами, потому что профсоюзы ему близкая и понятная организация». Но тут следует остановиться на процессе выборов. Самое выделение беспартийного актива в низовые профорганы в подавляющем большинстве случаев производится партией и ставится лишь на утверждение общего собрания рабочих. Такой массовый институт, как профделегаты, сборщики взносов, подбирается обычно ячейками через коммунистов, работающих в цехах, в первую очередь через цехоргов. На вопрос—хорош ли бывает подбор, удовлетворяет ли он беспартийную массу—партработники отвечают: «Список принимается обычно без существенных изменений». Однако, беседа с беспартийными рабочими выявляет оборотную сторону этого благополучия. Так, в Твери, на «Пролетарке» ряд беспартийных рабочих заявлял, что «мы не знаем, кого выбираем; по две недели ищем по залу—кто же у нас делегат, и не находим, потому что списком было принято на огромном собрании. Зачитали—всех не запомнили». Ясно, что так выделенный беспартийный актив отнюдь не служит связующим звеном между партией и широкой беспартийной массой. Доверием рабочих обычно пользуется тот, кто «покрепче»—сумеет отстоять интересы рабочих перед заводоуправлением без различия партийности. В Коврове был случай, когда согласованный профессионально-партийный список в 30, примерно, человек с 9-ю коммунистами, был раскромсан собранием рабочих, при чем выбранными оказались, в результате персонального подбора на собрании, 21 коммунист, в число которых вошла

и значительная часть (но не все) первоначальных 9-ти коммунистов. Отведены были многие беспартийные кандидатуры.

Беспартийный актив должен выделяться активным участием беспартийной рабочей массы под руководством партии в деле создания рабочих организаций, критики их работы. И только тогда он ценен для партии, иначе он—пустое место.

Производственная работа. В производственную работу, интерес к которой в рабочей массе чрезвычайно велик и неуклонно возрастает, втягивается все большее количество беспартийных. Состав производственных комиссий (коллективов, бюро), примерно, таков: Москва, Хамовнический район—из 194 членов комиссий, 83 беспартийных, т.-е. около 43%. Ленинград—из 1969 членов комиссий—1468 беспартийных, т.-е. около 70%. Тула на двух предприятиях—29% и 42% беспартийных. Состав самих совещаний обычно таков: цеховые совещания посещаются подавляющим большинством рабочих цеха, а иногда и рабочими других цехов. Общие совещания посещаются слабее, в тесной зависимости от вопросов и докладчиков на совещании. Некоторые цифры по Москве таковы: завод «АМО»—из 50 присутствующих—34 беспартийных, завод «ДИНАМО»—из 133 присутств.—102 беспарт., завод «РУСКАБЕЛЬ»—из 103 присут.—63 беспарт. Главные вагонные мастерские—из 95 присут.—80 беспарт., т.-е. в среднем 60—70% беспартийных (и более) из общего числа участников совещания.

Кроме производственных совещаний на предприятиях работают различные кружки НОТ и т. п., насчитывающие в своем составе значительное, подчас преобладающее, количество беспартийных активных рабочих.

Многие местные организации не сумели еще достаточно правильно поставить работу производственных совещаний с точки зрения выявления и воспитания слоя беспартийного актива. Так, при обследовании Ярославского «Красного Перекопа» (текстиль) в конце XII—24 г. было установлено, что идея производ. совещания недостаточно популяризирована партией в рабочей среде, задача совещания не ясна большинству рабочих. Во многих организациях не научились еще ставить на обсуждение такие вопросы и в такой постановке, чтобы наибольшим образом заинтересовать рабочих. Существенный момент, играющий решающую роль в создании авторитета совещанию—проведение в жизнь результатов совещания (исправление отмеч. дефектов и проч.)—не занимает сплошь и рядом должного внимания руководящих органов, что расхолаживает рабочих к совещаниям.

Опасным симптомом является также стремление некоторых низовых проф. и парторганов замкнуть производственные совещания в узком кругу технического персонала и небольшого актива. Тут сказывается, безусловно, влияние спецов, а отчасти—непонимание общественно-воспитательной (помимо производственной) роли совещаний самими парт. и профработниками, или же сознательное нежелание их «разводить демократию по всякому поводу». Этот уклон, ведущий к захирению производственных совещаний, а с ним и к потере их, как школы массовой самодеятельности рабочих, необходимо пресечь в самом зародыше.

Кооперативная работа. Кооперация завоевывает все решительнее бюджет рабочего и тем самым все сильнее заинтересовывает в себе широкие рабочие массы. Вслед за профсоюзными

выборами, рабочих больше всего интересуют выборы кооперативные (анкетные данные ковровских предприятий и др.). Таким путем кооперация становится школой самодеятельности и общественной инициативы. Цифровые данные о вовлеченных в общественно-кооперативную работу беспартийных рабочих таковы: Ленинград—в правления кооперативов входят 11,1% беспарт.: в лавочные наблюд. комиссии, в тройки содействия и в уполномоченные входят 60% беспартийных. Москва—на 1/I—24 г. в правл. кооперат. входило 55,9% беспарт., на 1/X—24 г. в правл. входило 30,8% беспартийных (снижение). Тула—Патронный завод—уполномоченных ЦРК—20% беспарт.. Тверь, «ПРОЛЕТАРКА», механический цех—уполномоченных ЦРК, ни одного беспартийного, все 12—коммунисты. Все органы общественного надзора, содействия и проч. кооперации переживают еще стадию оформления и нащупывания почвы, накопление первичного опыта. Поэтому наблюдаются неизбежные ошибки в работе этих органов (чрезмерная опека, администрирование, выполнение технических подсобных функций в коопер. магазинах и проч.), а также некоторая организационная нагроможденность и параллелизм (лавочные комиссии, тройки содействия, кооператив. комиссии, уполномоченные, ревизион. комисс. и проч.). Делать определенные организационные выводы пока преждевременно, в виду недостатка опыта. Цифры по вовлечению беспартийных, а также не цифровые сведения с мест говорят о недостаточном еще вовлечении рабочих в активную работу в кооперации. С другой стороны, здесь, так же, как и в профсоюзных выборах моменты партийной опеки в деле выделения кооперативного беспартийного актива (в выборах, в выдвижении) чрезвычайно часты.

Работа в Советах. Кампания по оживлению деятельности советов вскрыла почти повсеместное захирение советов, как органов масс, как школы массовой самодеятельности. Большая пассивность, безразличие рабочих во время выборов в советы, резко бросаются в глаза на фоне растущей активности масс. Этому имеется ряд причин, изучение которых—дело особое. Здесь отметим лишь несколько моментов, относящихся к теме.

Процент избираемых в советы беспартийных крайне низок. Так, в Туле (инструментальная мастерская) на 10 коммунистов избрано 2 беспарт., в Твери («Прол.», механический цех) на 10 коммунистов—1 беспарт., в Коврове—на 67 депутатов—13 беспартийных (19,5%). Общеизвестны случаи, когда местные работники козыряют тем, что у них в совет избрано чуть ли не 100% коммунистов. Характерно и по линии советов явление снижения количества беспартийных по сравнению с предыдущими годами. (Ковров, например: 1923—1924 г. на 68 депутатов избрано 25 беспарт., в 1924—25 г. на 67 депутатов—13 беспартийных), об'ясняемое местными работниками общей причиной—втягиванием ленинцев. Очень часто и этот низкий процент беспартийных вербуется из тех рабочих-активистов, которые и так загружены другой общественной работой на предприятии. Обычная, до настоящего времени бездеятельность пленумов и секций советов делает их весьма скверной школой, где рос бы беспартийный рабочий актив. Крайне слабо привлечение в работу секций недепутатов совета, рабочих и работниц. Опыт Москвы дает все основания рекомендовать эту систему обрастания советов рабочим активом и другим городам в соответственных размерах.

Другие виды общественной самодеятельности масс. Добровольные общества начинают выращивать внутри себя свой актив, в который, однако, далеко не всегда втянут достаточный процент беспартийных рабочих. Так, в Твери на 25 членов президиумов обществ («Пролетарка»—механический цех) нет ни одного беспартийного. Такая же картина имеет место в механических мастерских тульского патронного завода. Есть и случаи широкого вовлечения беспартийных рабочих в действительную работу в «Обществе» (завод «Серп и Молот»—40 беспарт. рабочих, активных работников обществ).

Культработа, шефство и т. п. страдают общим недостатком—слабостью втягивания беспартийных рабочих-активистов в практическое участие в руководящих органах. Сплошь и рядом встречаются правления клубов, шефские комиссии и проч., где нет ни одного беспартийного рабочего. Вот что констатировал расширенный пленум фабрайкома РКП(б) (Тверь) по отчету районной шефкомиссии: «мы вовлекли партийцев, но не беспартийных. И если спросить беспартийного рабочего над кем и как он шефствует, он вам на это не ответит. Выходит, что ячейка шефствует над ячейкой».

Институт нарзаседателей, являясь отличной общественной школой для рабочих, крайне слабо обслуживается беспартийными. Есть случаи, когда процент беспартийных равен нулю или не превышает 5—10%; в г. Твери («Пролетарка») процент этот доходит до 17%. В Туле процент беспартийных нарзаседателей относительно высок (43%).

Таковы основные рабочие организации и институты с точки зрения вовлечения беспартийных. Следует отметить 3 существенных момента в деле создания вокруг партии слоя беспартийного рабочего актива: 1) слой беспартийного рабочего актива должен расти на основе сотрудничества рабочих масс с партией (с ячейкой) во всех отраслях строительства, на основе вовлечения беспартийных рабочих в практич. работу. 2) Процент втягиваемых в практическую работу беспартийных рабочих, имеющий тенденцию кое-где сокращаться, должен быть наоборот всемерно расширяем. 3) Существеннейшей стороной выделения слоя беспартийного актива является участие в этом выделении, под руководством партии, самих широких рабочих масс. В этом смысле процесс выборов, тактичное руководство ими без администрирования и нажима, когда в этом нет особо острой необходимости, играет первостепенную роль.

Особо стоит вопрос о взаимоотношениях партии (ячеек) с беспартийными рабочими организациями. Этот вопрос здесь нас интересует с точки зрения обеспечения нормального роста беспартийного актива на работе при сохранении партийного руководства всеми организациями рабочей самодеятельности. Мы имеем под рукой десятки случаев фактической замены беспартийных рабочих организаций партийными ячейками. Особенно резко это наблюдается в профсоюзах, в «Обществах», в шефской работе. Случаи эти констатированы обследованием отдельных ячеек Твери, Ярославля, Москвы и др. Ячейки в большинстве своем не научились еще руководить, не затирая и не опекая. Местными руководящими парторганами уже поставлен вопрос перед ячейками о внесении большей ясности и четкости во взаимоотношения ячеек с беспарт. организациями. В Москве стоит практический

вопрос об окончательном оформлении и оживлении фракций фабзавкомов. Директива ЦК говорит об организации фракций в «Обществах». Местные работники подчас рассматривают эти намечания как игру в формальность. В этом «возражении» корень всех ненормальностей во взаимоотношениях ячеек с беспарт. организациями. В практике низовой работы особенно сильно распространено также затирание низовыми партработниками (членами бюро ячейки цехорганизаторами) низовых партработников (профделегатов). Эти явления следует упорно изживать на местах, квалифицируя работу ячейки как слабую в том случае, когда ячейка и партработники заменяют собой беспарт. организации и беспарт. актив.

III. Идеологическая обработка беспартийных рабочих.

Идеологическая обработка беспартийных, борьба с классово-чуждыми влияниями, все еще проникающими в рабочий класс из окружающей среды, в переживаемый период играет важнейшую роль в системе отношений партии с беспартийными. Обычным является комбинирование массовой формы обработки с индивидуальной, выборочной.

Массовая обработка имеет целью приобщить широкие рабочие массы к пониманию основ большевистской политики. В условиях общего под'ема в рабочем классе (культурного и общественно-политического) массовая обработка приобретает исключительное значение. Осуществляется она обычно через стенгазеты, культработу (клубы, уголки, библиотеки-читальни, лекции и проч.), через широкие собрания и конференции рабочих, через открытые партийные собрания (общие и цеховые) и т. п.

Общим дефектом в постановке перечисленных форм массовой работы является погоня за количеством в ущерб качеству проводимой работы. Это в наибольшей степени справедливо в отношении собраний—общих и открытых партийных. Как правило, отсутствует какая бы то ни было подготовка собрания (порядка дня, подходящих докладчиков и проч.). Злоупотребление частыми собраниями лишь расхолаживает рабочих. В результате, посещаемость падает, за исключением тех случаев, когда стоит животрепещущий производственный, материальный вопрос. Особенно заметен в некоторых организациях низкий процент посещения беспартийными открытых партсобраний, что наводит некоторых партработников на мысль о пассивности рабочих. Дело же здесь—в неумении заинтересовать рабочего собранием. В Твери, например, в одной из ячеек «Пролетарки» за год было устроено лишь одно закрытое собрание, все же остальные—открытые—проводились без какой-либо специальной подготовки под углом зрения привлечения внимания беспартийных рабочих. Естественно, что в этой ячейке, на 4—5 тысяч рабочих и работниц на партсобрание приходило 10—15 человек, иногда и меньше. В некоторых организациях, в результате большего внимания к подготовке собраний, получается обратный, весьма положительный результат (Нижний, Самара). В смысле приближения партячеек к широким массам рабочих большим шагом вперед являются цехячейки, привлекающие на свои заседания, подчас, 70—80% беспартийных рабочих цеха.

Крупное воспитательное значение приобретают стенгазеты. Однако, и тут имеют место нередко серьезные промахи, недосмотры, сильно вредящие делу воспитания масс. В «Спутнике» Донбасса приводятся факты, когда стенные газеты играли явно отрицательную роль в производстве, разжигая спецеедство, махаевщину и проч., вводя рабочих в заблуждение искажением политических и исторических фактов, и проч.

Укоренившиеся в партийной практике старые навыки массовой работы, ориентировавшиеся, главным образом, на большое количество примитивной идеологической пищи, отвечавшей младенческому политическому возрасту рабочих масс, в нынешних условиях относительной их зрелости — неподходящи. Необходимо всемерно повышать качество преподносимой пищи.

Работа среди беспартийных выборочным путем имеет целью пополнение рядов партии за счет наиболее подходящего элемента (главным образом, из беспартийного актива), а также пополнение слоя беспартийного актива за счет свежих сил из рядовых рабочих. Такого рода обработка применяется через индивидуальную связь партийцев с беспартийными, в работе среди женщин (институт делегаток), в профработе (профделегатские собрания), через втягивание беспартийных рабочих в кружки политграмоты, в школы и проч. Правильность этого метода осуществления партийного влияния на передовой беспартийный рабочий слой подтверждается результатами этой работы. Практика ленинского призыва показывает, что наименьший процент отсеявшихся падает на тех ленинцев, которые до вступления в партию, работая на практической работе, находились в систематическом общении с членами партии. Опыт Ярославля, напр., где на метод индивидуальной обработки было обращено достаточное внимание, таков: по 3-му району в партию, в результате индивидуальной обработки вошло 123 товарища, при чем процент отсеявшихся из них оказался равным 5%, в то время, как средний процент всех отсеявшихся равен был 10—12%. Данные о ленпризыве говорят также, что большой процент вступивших ленинцев падает на беспартийных профделегатов и сборщиков. Общеизвестны также данные о подчас 100%-ном вступлении женщин—делегаток в партию. И т. д. и т. п.

Результаты выборочной обработки сказываются не только в тяге в партию, но также в расширении самого слоя беспартийного актива.

Практика показывает, что индивидуальный метод наиболее успешен тогда, когда он связан с работой в казармах, общежитиях и проч., с работой в быту. Красные уголки в рабочих общежитиях являются отличной базой, на которую успешно опирается работа индивидуальным методом. Необходимость такой увязки усугубляется тем, что в связи с курсом на поднятие производительности труда, на производстве, как говорят партийцы, нет времени вести беседу с беспартийными. «А как работа кончается,—говорила в Твери работница, старый член партии тов. Гончарова,—бегут все домой, особенно семейные работницы. В казармах же и самая многосемейная работница находит время для беседы. Нужно, конечно, суметь подойти соответственно, а этого мы не делаем, не умеем. Вместо нас приходят какие-то подозрительные личности и часами ведут разговоры в темных углах коридоров».

Спорным в постановке индивидуальной связи и обработки является вопрос о специальном кадре индивидуалов. В Ярославле, в Твери, во Владимире и т. д. существует такой институт. Однако, некоторые работники считают этот институт ненужным, мотивируя тем, что все члены партии должны вести индивидуальную обработку беспартийных. Эта точка зрения была бы абсолютно приемлема, если бы не то своеобразие обстановки, которое характеризует данный период партработы: с одной стороны—партийная незрелость еще весьма широких слоев партмолодняка (все пополняющихся неослабным притоком в партию), с другой стороны—возросшая требовательность беспартийной массы к члену партии при росте антисоветских влияний. В этой обстановке не всякому члену партии под силу дело индивидуальной обработки беспартийного. (Общеизвестны случаи так называемого «хвостизма» среди новых кадров партии, а также индивидуальной «обработки»—наизнанку). Индивидуальную обработку беспартийных следует возлагать на опытных, выдержанных партийцев. Однако, это не значит в то же время, что допустимо то формальное персональное прикрепление партийца к беспартийному, которое подчас практикуется и дает обратные результаты—раздражение беспартийного, противодействие обработке. В одном из предприятий был случай, когда доведенный до белого каления слишком добросовестным индивидуалом беспартийный рабочий пришел в бюро ячейки и стал просить освободить его от этакого испытания, «даже в уборной покоя не дает». Естественно, что не так должна вестись обработка. Индивидуальная обработка нужна, вести ее должны по поручению ячейки выдержанные опытные партийцы, но установление связи с беспартийными должно быть делом личным партийца и беспартийного и отнюдь не должно осуществляться путем формального прикрепления.

IV. Работа среди беспартийных и дальнейший количественный рост партии.

Быстрый количественный рост партии за счет рабочих от станка, имевший место за последний год, отодвинув на первое время задачу работы среди беспартийных, одновременно ослабил ту связь между задачей количественного роста партии и работой партии в беспартийной массе, которая (связь) является условием нормального роста партии. Многие работники мест при этом забывают, что тот массовый приток в партию рабочих от станка, который мы имели, является бесспорным продуктом всей предшествовавшей работы партии среди беспартийных. Все возрастающая тяга рабочих в партию, отмеченная выше, ставит со всею серьезностью вопрос о большем регулировании притока самою партией, при чем регулирование это должно итти не по пути цифровых разверсток, а по пути качественного отбора. Последний же возможен только на основе вовлечения беспартийных рабочих в практическую работу при одновременной идеологической обработке их партией.

Соотношение количества коммунистов и беспартийных в производствах в настоящее время таково, что оно дает партии все основания не форсировать далее количественного роста, а поставить эту задачу в тесную связь с работой в массах, с успехами этой работы. Средний процент коммунистов в промышленности по республике на 1-е января 1925 г. выражается в 10,3%, в Ленинграде он доходит до 23,0%, в Туле до 21,0%, то же примерно и по Москве. Цифры говорят сами за себя.

Основные выводы из всего сказанного можно сформулировать так:

вопросы работы партии среди беспартийных рабочих не только не потеряли своей остроты, но, наоборот, приобрели более актуальное значение, чем когда бы то ни было, в виду все возрастающей общественно-политической активности рабочих масс;

обеспечить себе полное идейно-политическое господство в беспартийной рабочей среде—такова основная задача парт'ячеек в производстве;

добиться этого ячейка может как широкой, систематической массовой и индивидуальной обработкой беспартийных партией, так и—что не менее важно—созданием вокруг себя непрерывно растущего широкого слоя беспартийного рабочего актива;

непрерывный рост слоя беспартийного рабочего актива возможен лишь на базе вовлечения рабочих в практическое строительство в сотрудничестве с партией и отнюдь не должен осуществляться формально-механическими путями («содействующие» и им подобные);

беспартийный рабочий актив должен пользоваться одинаковым доверием партии и широких слоев рабочих,—только при этом условии он будет прочно связывать партию с рабочей массой. Это в свою очередь обязывает партийные организации максимально чутко касаться моментов самодеятельности рабочей массы и в первую очередь—выборов. Администрирование и нажимы в выборах, на собраниях и проч., кроме случаев явного уклонения групп рабочих от обще-классовой линии, должны быть решительно изжиты;

количество вовлекаемых в практическую работу беспартийных рабочих необходимо поднять, обеспечив в то же время полностью партруководство всеми видами рабочих организаций;

в деле руководства непартийными организациями необходимо бороться с тенденциями замены их ячейкой, бюро ячейки, необходимо всемерно обеспечивать беспартийным членам этих органов и организаций развитие полной самодеятельности под руководством ячейки; необходимо окончательно оформить фракции непартийных органов, борясь в то же время как с опасностью их формального существования, так и с другой опасностью—их монопольной работы, замены ими самого непартийного органа (организации);

в деле идеологической обработки беспартийных необходимо всемерно подымать качество работы, не злоупотребляя количеством (собраний, докладов, лекций и пр.);

особое внимание необходимо уделить всестороннему освещению перед рабочими вопросов деревни, политики партии в отношении крестьянства, дабы не только парализовать возможность отрицательных влияний деревни на рабочих, но усилить, наоборот, классовое влияние рабочих на крестьянство.

И. Лобов.

Выдвижение рабочих на руководящую работу.

(*Итоги и выводы*).

Наша партия за последние годы неоднократно подчеркивала важность вопроса привлечения к делу управления государственным аппаратом широких слоев рабочих масс и выдвижения более активных и преданных товарищей на работу руководящего характера.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о работе местных парторганизаций по выдвижению рабочих на руководящую работу, позволяют нам уже подвести некоторые итоги тому, насколько успешно подошли места к разрешению этой задачи, какой опыт наметился в этом отношении, а также какие пробелы и отрицательные явления имели место до сих пор в этой работе на местах.

Прежде всего необходимо отметить, что за последний период в ряде организаций имеются уже числовые итоги проделанной работы по выдвижению. Так, Уралобком выдвинул в общей сложности на различную работу 334 работника, Донецкий—около 200, Бакинский—228, Москва—не меньше 350 и т. д. Определенно чувствуется уже, что в ряде организаций, наблюдавшаяся ранее некоторая боязнь, а иногда и сопротивление выдвижению рабочих со стороны отдельных товарищей и учреждений, за последний период окончательно изжита. Во многих организациях вопросы выдвижения были поставлены во всей полноте и уделялось им весьма большое внимание.

Однако, нужно все же здесь отметить, что в ряде организаций пока еще имеется много пробелов во всей работе по выдвижению. Отсутствует необходимая четкость в работе, вся работа по выдвижению недостаточно полно увязывается со всей партийной работой и не приобрела систематического планомерного характера, недостаточно связывается с задачей наибольшего втягивания в руководящую государственную работу рабочих от станка. Лишь в некоторых организациях (Ярославская, Киевская, Московская и др.) вопросу выдвижения новых работников на ответственную работу из числа рабочих от станка уделялось большое внимание, в большинстве же случаев (не говоря уже о выдвижении беспартийных рабочих) выдвижение партийцев—рабочих от станка проводилось в весьма незначительных размерах. Как видно, большинство парторганизаций заостряло свое внимание на выдвижении по линии повышения работников разных учреждений с меньшей работой на более ответственную работу. Так, например, среди выдвинутых Уралобкомом 334 человек имеется рабочих

от станка—74 чел. Среди выдвинутых Нижегородским ГК—95 чел. имеется рабочих от станка лишь 7 чел.

В тех губерниях, где парторганы сосредоточивали свое внимание на выдвижении рабочих от станка, мы видим, общая цифра выдвинутых значительно меньше по сравнению с теми губерниями, где это выдвижение идет преимущественно по линии повышения работников с одной работы на другую. Очевидно, и в этих организациях, где выдвижение рабочих от станка проводилось, косность и боязнь перед выдвижением рабочих от станка окончательно не изжиты.

Еще меньше уделялось внимания местами вопросу выдвижения беспартийных рабочих. Так, по Бакинской, Донецкой и др. организациям, среди общего числа выдвиженцев беспартийных не имеется совершенно, а в тех организациях, где это выдвижение беспартийных рабочих проводилось, эти цифры весьма незначительны. В Харькове из общего числа 138 выдвиженцев беспартийных рабочих имеется всего лишь 4 человека и т. п.

В самой работе по выдвижению товарищей на руководящую работу на местах, как правило, практиковались два основных метода: метод выдвижения в плановом порядке, носящий массовый ударный характер в виде особых кампаний, и метод выдвижения планомерного, систематического—точнее, в порядке текущей работы. Так, Харьковский Губком говорит, что у них выдвижение было, главным образом, массовое, на которое падает около 104 чел. В остальных случаях проводилось выдвижение индивидуальное. Донецкий Губком сообщает, что проводимое ими прежде и в данное время выдвижение работников приняло также вид массового выдвижения. Такой же массовый характер носило и выдвижение «300» в московской организации. Из числа провинциальных организаций, например, Полтавский ГК также сообщает, что планового систематического выдвижения в их организации не проводится. Лишь за последнее время приступлено к разработке плана и установлены методы этой работы.

О переходе на плановый метод выдвижения сообщает и Донецкий Губком. «В своем плане постановки выдвижения работников Губком дал определенный ориентировочный наряд к выдвижению работников на определенные должности по разным отраслям работы, партийную, советскую, хозяйственную, профессиональную» и т. д.

Как правило, в большинстве организаций выдвижение проводится по инициативе руководящих парторганов (Нижний, Баку и др.). Весьма характерно, что вся предварительная работа по выявлению и учету выдвиженцев в некоторых организациях также носила характер кампании (Баку и др.). «В первой стадии этой работы принимали участие партийные и профессиональные ячейки и хозяйственники-коммунисты, возглавляющие отдельные предприятия. Во второй стадии—райкомы, районные об'единения профсоюзов и хозяйственники-коммунисты районного масштаба». (Баку).

Кандидаты для выдвижения обычно, как правило, намечались ячейками совместно с представителями райкома, фракцией завкома и хозяйственником-коммунистом данного предприятия. Список намечаемых к выдвижению товарищей затем ставился на обсуждение ячейки и уже после этого все материалы направля-

лись в райком, где они затем рассматривались на особом совещании из секретарей, зав. орг. отдел. и др. (Баку).

Можно установить, что ячейки в большинстве парторганизаций принимали весьма активное участие в работе по выдвижению, оказывая тем самым значительную помощь парторганам. Большинство парторганизаций отмечает, что отношение всех ячеек к этому вопросу и ко всей кампании носило весьма серьезный и деловой характер. В отдельных ячейках (Курск, Смоленск и др.) для проведения работы по выдвижению иногда создавались специальные комиссии на предмет пересмотра состава ячейки, предварительного намечания кандидатур для выдвижения и определения возможности выдвижения товарищей из данной ячейки в целом.

Такие выдвиженческие комиссии иногда создавались и при парткомах (Киев, Баку и др.).

Одновременно с подготовкой кандидатур для выдвижения парторганами проводился более или менее планомерный учет должностей, подлежащих замещению выдвиженцами, через созыв специальных совещаний хозяйственников и профессионалистов при парткомах. Бакинский комитет в связи с выдвижением поставил перед хозяйственниками задачу создания необходимых для работы выдвиженцев условий, создания для выдвиженцев товарищеской обстановки и устранения бюрократического к ним отношения; задачу всемерного содействия выдвиженцам для преодоления трудностей на первых шагах их работы в новой области и т. д.

Партийные комитеты должны поставить во главу угла всей работы по выдвижению вопрос о большей плановости и систематичности этой работы, увязывая ее со всей остальной партработой, добиваясь при этом наибольшей четкости.

Во многих организациях весьма охотно взялись за организацию подготовки рабочих от станка для их выдвижения, путем создания специальных курсов и практиканства, и надо думать, что это дело в дальнейшем будет расширяться. Заккрайком указывает, что им проведено выделение кадра практикантов из ленинского призыва, с тем, чтобы в течение шести месяцев подготовить и выдвинуть их на ответственную работу. Харьковский губком также отмечает, что им весьма широко применяется форма практиканства и стажерства в учреждениях. Из общего количества выдвиженцев в качестве практикантов им было направлено 48 товарищей. Последних в учреждениях обучали технической грамоте и другим знаниям, как бухгалтерия и др. Наряду с обучением они практически изучали работу учреждения. По Тульской организации имеется указание на то, что в целях большего вовлечения в работу женщин-работниц и крестьянок и выдвижения их на руководящую работу, весьма широко применяется практиканство. Донецким Губкомом за последнее время также выделено 20 товарищей в качестве практикантов в сельхозбанк, которые в настоящий момент стажируются.

Наряду с применением института практиканства, в ряде организаций проводится подготовка к выдвижению через организацию специальных курсов. Так, Харьковский Губком указывает, что им практикуется организация ведомственных краткосрочных курсов. Такие курсы у них созданы при госбанке и при наркомфине. Такие же данные имеются и по другим организациям. Смоленский Губком говорит, что этот метод дает положительные результаты. Так, с июня 1924 г. ими было организовано и проведено 4 курса. В Баку обучается на кооперативных курсах 98 человек и подлежит обучению на таковых 100 человек (из них не менее 50% членов партии и 40 человек рабочих от станка). В общем и целом, надо думать, что этот опыт в дальнейшем на местах будет практиковаться весьма широко.

Необходимо будет здесь лишь больше обратить внимания на тщательную подготовку самого состава практикантов с тем, чтобы не пришлось тех товарищей, которые окажутся недостаточно способными и активными, возвращать снова на работу в свое предприятие. С другой стороны, очевидно, необходимо будет больше уделить внимания этим практикантам со стороны руководящих работников тех учреждений, в которые они направляются в качестве практикантов.

Самое выдвижение рабочих на руководящую работу происходит по двум направлениям: выдвижение рабочих на руководящую работу внутри предприятия и выдвижение на работу за пределы предприятия.

Что касается выдвижения рабочих внутри предприятия, то таковое наиболее широко проводится по профессиональной линии. Вот некоторые данные, свидетельствующие о том, что выдвижение по профессиональной линии проводилось на местах в значительной мере еще до XIII партс'езда. Так по данным на 1-е июля 1924 года по 19-ти губерниям в составе 713 фабзавкомов было членов, вновь выдвинутых до 61,9%, а в составе постоянных руководящих работников (освобожденных от участия в производстве) до 41,5% (см. «Вестник Труда» № 2 за 1925 год).

Во многих организациях проводится достаточное выдвижение рабочих на административно-хозяйственную работу внутри предприятия, как-то: в качестве заведующих хозяйством, заведующими цехами, мастерами и т. п.

О том, на какую работу направляются выдвиженцы за пределы предприятия можно судить по следующим данным.

В харьковской организации (краснозаводский райпартком) из общего числа выдвинутых товарищей до октября 1924 года на руководящую работу за пределы предприятия было послано:

На хозработу	27 чел.
» профработу	5 »
» администр.	9 »
» финансовую	5 »
» кооперативную	5 »
» партработу	5 »
Всего	56 чел.

В тверской организации всего было выдвинуто на руководящую работу—212 человек, из них рабочих от станка—77 чел. Посланные на руководящую работу выдвиженцы от станка распределяются следующим образом:

На партработу	 19	чел.
» совработу	 19	»
» профработу	 20	»
» хозпромработу	 11	»
» торговую раб.	 1	»
» кооперативную	 7	»
Всего	. . 77	чел.

А вот данные по смоленской организации. Всего в Смоленской губернии, помимо намеченной плановой работы по выдвижению, в процессе текущей работы было выдвинуто—96 человек, из коих на уездную работу—39 чел. и на волостную—57 человек. По отдельным отраслям выдвижение рисуется в следующем виде:

На совработу	послано	. . 42	чел.
» партработу	»	. . 24	»
» профработу	»	. . 15	»
» кооперативную	»	. . 9	»
» промыш. произв.	»	. . 6	»
» финансовокред.	»	. . 2	»
» торговую	»	. . 1	»
Всего		. . . 96	чел.

Из приведенных данных видно, что выдвижение рабочих на руководящую работу за пределы предприятия проводится главным образом по партийной, хозяйственной, профессиональной и советско-административной линиям работы. Надо полагать, что, в отношении выдвижения по партийной линии, наибольшее число падает на тех товарищей, которые передвигаются с менее ответственной на более ответственную работу. Выдвижение по линии советской работы (в особенности в непромышленных организациях) проходит, главным образом, под знаком посылки выдвиженцев на волостную советскую работу в деревню для укрепления местных советов.

Обращает на себя внимание факт недостаточного выдвижения работ по кооперативной, финансово-кредитной и торговой отраслям работы, в то время, как, казалось бы, задача укрепления и орабочения торгово-кооперативного аппарата необходимо было бы уделить наибольшее внимание.

В своей массе выдвиженцы чаще всего являются квалифицированными рабочими, вполне грамотными и пользующимися авторитетом среди рабочих и его предприятия.

«За исключением единичных случаев, все выдвиженцы,—сообщает бакинский комитет,—шли на новую работу с полным сознанием цели их выдвижения. На совещание выдвиженцев, созываемых парторганами, выдвиженцы выявляли большую активность и инициативу, выражая полное удовлетворение и своей новой работой, и лишь отдельные товарищи указывали на свою перегруженность работой».

«В первое время,—говорит один из выдвиженцев (краснопресненская трехгорная мануфактура—Москва),—выдвиженцам, рабочим от станка бывает трудно, бывают ошибки, но в дальнейшем, когда входят в курс дела, тогда работа протекает нормально».

По данным видно, что в результате пополнения советских ячеек выдвиженцами (а эти цифры, надо заметить, весьма мизерны) наметилось значительное их оживление.

Что касается самого использования выдвиженцев учреждениями, в которые они посылались, то в этом отношении по всем данным можно установить, что это использование в общем и целом проходит вполне нормально.

В основном взаимоотношения выдвиженцев с руководящим составом учреждений создаются вполне нормальные, резких явлений недовольства со стороны выдвиженцев не наблюдается. Лишь в редких случаях проявляются факты недостаточного внимания к выдвиженцам и неправильного их использования. Так один из выдвиженцев краснопресненской мануфактуры (Москва) говорит, что иногда столкновение на новой работе бывает с некоторыми спецами. Последние, игнорируя выдвиженцев, не желают иногда давать своих знаний выдвиженцам, рабочим от станка.

Большую помощь,—говорит бакинский комитет,—в выяснении нецелесообразного использования выдвиженцев, оказывают сами выдвиженцы, сообщающие в Уч. п/отделы парткомов о их неправильном использовании.

В некоторых организациях (Харьков) целесообразность использования выдвиженцев проверялось специальной комиссией парткома.

В своей массе, выдвиженцы на новой работе вполне справляются со своими обязанностями. Правда, техническая неграмотность, непривычная обстановка, отсутствие перспектив в работе на первых порах порождали у некоторых выдвиженцев стремление к немедленному возвращению обратно на производства (Харьков). Но по мере вхождения в курс работы такие настроения изживались. Смоленский губком указывает, что, по проделанному им подсчету результатов выдвижения, до настоящего времени было выявлено лишь 7 случаев неудачного выдвижения.

Харьковский Губком сообщает, что 30% всех выдвиженцев вполне справились с порученной им работой и дали успешные результаты, 30%—средние, и остальные выдвиженцы нуждаются в более длительной подготовке.

В подавляющем большинстве парторганизаций выдвиженцы в продолжении определенного периода поддерживали связь с ячейками, их выдвинувшими, и отчитывались перед ними. Как правило, выдвиженцы информировали свою ячейку, главным образом секретаря, о ходе и успехах своей работы и своего использования.

Кроме того, во многих организациях проводилась достаточно полная работа с выдвиженцами, руководящими парторганами. Выдвиженцы периодически созывались парткомами на особые совещания выдвиженцев, на которых выяснялись недочеты работы по выдвижению, факты неправильного использования выдвиженцев учреждениями и т. п. В то же время, некоторые парторганы проводили даже обследование выдвиженцев непосредственно на местах работы (Харьков) и др.

В заключение нельзя не остановиться на некоторых отрицательных явлениях, имевших место до сих пор во всей работе «по выдвижению» на местах.

В ряде организаций имели место все же факты некоторого формально бюрократического отношения к выдвиженцам. Со стороны некоторых хозяйственников не уделялось выдвиженцам должного внимания, в частности не было достаточно полного руководства работой выдвиженцев. Имели место случаи, создавания для выдвиженцев фиктивных должностей, лишенных реального содержания, наблюдалась частая смена работ для выдвиженцев, не вызываемая об'ективной необходимостью, а иногда имели место даже случаи подведения выдвиженцев под сокращение штатов без предварительного согласования с парткомами.

Соответствующие советские ячейки, куда посылались выдвиженцы, не всегда активно реагировали на эти явления и не всегда оказывали выдвиженцам необходимый товарищеский прием. С другой стороны имели место факты нездоровых явлений и среди самих выдвиженцев, как-то: попытка противопоставления себя, как выдвиженца, советской ячейке в целом и т. п. Некоторые выдвиженцы переоценивали иногда свои силы и знания, считая, что они должны быть использованы на более ответственной руководящей работе, нежели на той, куда они посланы.

Из остальных недостатков в работе по выдвижению необходимо отметить слабое участие профсоюзов в работе по выдвижению, хотя профессиональная работа может и должна являться одной из наиболее легких работ для начинающих рабочих. Недостаточно также до сих пор обращалось внимание на выдвижение женщин-работниц.

Не менее существенным пробелом в работе по выдвижению является также недостаточно полный учет и выявление товарищей, подлежащих выдвижению, как равно и самой работы, на которую они должны посылаться.

Все эти, имевшие до сих пор место, пробелы в работе по выдвижению в дальнейшем должны быть решительно изжиты. Необходимо неуклонно в дальнейшем добиваться еще большей увязки всей работы по выдвижению со всей работой партии по укреплению государственного аппарата. «Ближайшие перспективы нашей партийной работы несомненно благоприятны для развертывания всей работы по привлечению широких рабочих кадров к активной работе и укреплению командных высот свежими пролетарскими силами. Необходимо только, чтобы все парторганизации на местах, начиная от вышестоящих руководящих парторганов (Губкомов, Райкомов) до низовых парт'ячеек, учли всю обстановку работы, важность задачи выдвижения на руководящую работу свежих сил и расширения за этот счет имеющегося основного партийного актива, и тогда эта вся работа на местах приобретет вполне нормальный, планомерный и систематический характер, став одной из основных отраслей во всей системе организационно-партийной работы.

Д. Марецкий.

Как т. Теодорович сеял драконов, а пожал блох[1]).

(Памяти злосчастных „Перспектив“).

Да не посетует на меня т. Теодорович за мое продолжительное молчание по поводу его статьи в № 1 (17) «Большевика»!

Читатели помнят, конечно, новогоднюю статью тов. Теодоровича под заголовком: «Тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса», в которой автор с энергией, достойной поистине лучшего применения, вновь обосновывал «марксистскую» и «ленинскую» непорочность авторов «Перспектив развития сельского хозяйства СССР Вып. I», профессоров Кондратьева и Огановского. Читатели помнят конечно и героические, дюжим перцем посыпанные, потуги т. Теодоровича изобразить тов. Кондратьева чуть ли не борцом за «рабоче-крестьянский блок» и даже выставить его спасительным тараном против... троцкизма. Я порешил уже оставить эту новогоднюю шутку т. Теодоровича без ответа, как вдруг произошли события, пролившие новый и притом необычайно ослепительный свет на «Труды Земплана». Об этих событиях должны узнать между прочим и читатели «Большевика».

Habeant sua fata libelli, книги имеют свою судьбу. И «Трудам Земплана» была уготована своя особая и притом незавидная участь. Оказалось, что «труды» эти представляют собой не больше, не меньше, как огромную, мало слыханную в истории официальных изданий, статистическую и арифметическую п а н а м у. Оказалось, что читателям «Трудов» в самых безобразных, совершенно недопустимых дозах подсовывались непроверенные, фальшивые данные и грубо ошибочные процентные и прочие вычисления. Оказалось, что земплановские профессора не сочли нужным проявить со своей стороны самых элементарных правил научно-исследовательской добропорядочности при выполнении возложенной на них такой высокоответственной работы, как официальные «Перспективы развития сельского хозяйства СССР». Мы настоятельно рекомендуем всем интересующимся вопросом товарищам обратиться к новому журналу «На аграрном фронте» (№№ 1, 2, 3), где т. Крицман, к заслугам которого принадлежит раскрытие вышеупомянутой земплановской панамы, подробно разделывается со «статистикой» и «арифметикой» «Перспектив» и с тем тощим лепетом, который могли из себя выжать профессора Кондратьев и Огановский в качестве «оправдания». Мы гарантируем, что чтение статей т. Крицмана и обоих профессоров в интересном журнале «На аграрном фронте» доставит немало веселых минут, каким бы возмутительным ни было самое «событие».

[1]) **От редакции.** Статьей тов. Марецкого редакция считает дискуссию законченной.

Тов. Теодорович, будучи «редактором» «Перспектив» во всей этой «необыкновенной истории», конечно, только печальная жертва. Его не вина, а скорее беда, в том, что он не был достаточно на-чеку, что он слишком доверился «статистической» и «арифметической» добросовестности земплановских ученых. И ему можно, конечно, только по-человечески посочувствовать. Однако, вместо того, чтобы принять предметный урок т. Крицмана целиком к сведению, т. Теодорович разразился прелюбопытным «письмом в редакцию» журнала «На аграрном фронте», письмом, которое главным образом и побудило нас написать настоящую заметку. В этом «письме» т. Теодоровича одно место особенно обратило на себя наше внимание. «Правда» в рецензии т. Ив. К—ва на журнал «На аграрном фронте» отметила, что «Земплан и т. Теодорович, конечно, могут не брать на себя ответственности за все мировоззрение профессоров Кондратьева и Огановского, но использовать их как спецов, т. е. заставить их проверять свои цифры и внимательнее относиться к вычислениям—непосредственная задача и того, и другого». «По вопросу об «ответственности за мировоззрение» проф. Кондратьева и Огановского т. Теодорович в «письме» пишет: «Разумеется, за индивидуальное мировоззрение—чье бы то ни было, никто не возьмет на себя ответственности, но я полностью и целиком считаю своей обязанностью следить, чтобы работы Земплана не расходились с директивами Коллегии, ответственной за проведение в жизнь нашей сельско-хозяйственной политики. Смею думать, что в этом отношении я не сделал каких-либо крупных упущений». («На аграрном фронте», № 3, стр. 199). По поводу этих слов. т. Теодоровича, мы должны заметить следующее:

В рецензии «Правды» речь шла, конечно, не вообще о «мировоззрении профессоров» Кондратьева и Огановского, а о «мировоззрении» их, как оно было ими представлено в «Перспективах». Должен ли быть ответственным т. Теодорович за «мировоззрение» проф. Кондратьева и проф. Огановского, развитое ими в «Перспективах»—или не должен? Мы, с своей стороны считали, что не должен—такая стопроцентная ответственность за «мировоззрение» спецов обстоятельствами дела вовсе не вызывается. Но дело все в том, что сам т. Теодорович в добровольном порядке, обоими руками «полностью и целиком» в двух статьях в «Большевике» (№№ 14 и 17) расписался в своей ответственности за взгляды Огановского и Кондратьева, изложенные в «Трудах Земплана», вып. I [1]). Более того, тов. Теодорович в № 17 «Большевика» (стр. 101) сообщает буквально следующее: «Когда появился первый выпуск с именами Кондратьева и Огановского, до меня дошли нарекания сотрудников Земплана насчет того, что коллективная работа подписана индивидуальными именами. Эти нарекания были совершенно справедливы и я тогда же распорядился впредь выпускать книги за коллективной подписью». («Большевик, № 1 (17), стр. 101). Если эти слова тов. Теодоровича были написаны им всерьез, а не так себе, для «блезиру», то они черным по белому означают, что «Перспективы»—коллективная работа Земплана, что наличность индивидуальных подписей Кондратьева и Огановского сам т. Теодорович считал ошибкой, а что поэтому не только за все принципиальные положения, «мировоззрение» «Перспектив», но и за все содержимое последних—вплоть до статистических данных и числовых вычислений—ответственность должен нести сам Земплан и его председатель в первую голову. «Смеем думать», что т. Теодорович теперь сам предает анафеме свои неосторожные слова. И поистине легендарное счастье висевшего на волоске т. Теодоровича, что «справедливые нарекания» на профессорские подписи «дошли» до него слишком поздно. Внемли он «нареканиям» чуточку пораньше, сними профессорские подписи с «Трудов», убийственные разоблачения т. Крицмана пали бы на весь «коллектив», на Земплан и на самого т. Теодоровича.

[1]) «...повторяю—единственным автором книги является Земплан» (5, № 17, стр. 93—94) (курсив наш Д. М.), категорически заявил тов. Теодорович.

Из «письма» в редакцию «На аграрном фронте» № 3 явствует, что т. Теодорович до сих пор отнюдь не склонен в какой бы то ни было мере отгораживаться от взглядов, представленных проф. Кондратьевым и Огановским в «Перспективах». Тем самым он до сих пор, очевидно, полагает, что защита проф. Кондратьева и Огановского, воспроизведенная им в статье «Тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса», оказалась в достаточной мере убедительной и что он в конце-концов выиграл профессорский процесс. Правда, сами-то профессора проиграли свой процесс по другой линии, но зато адвокат их т. Теодорович еще продолжает тешить себя мыслью, что он все-таки отстоял «принципы» и «директивы». Посмотрим же как обстоит здесь дело, как т. Теодорович отпарировал выставленные нами авторам «Перспектив» обвинения.

Напомним читателям раньше всего внешнюю разрисовку, так сказать, полемический антураж статьи т. Теодоровича. Она, эта статья, имеет свою «позу» и до чрезвычайности пропитана благороднейшим «пафосом расстояния» по отношению к противнику. Пишущий эти строки изображается т. Теодоровичем в самом неприглядном виде. Он, «этот т. М.», фигурирует попеременно, либо в образе «зубастой воблы», либо в образе Юнкера Шмидта, либо «балансирует» на манер чеховского «Моисея Моисеевича» и каждую минуту рассыпается на части, либо наконец попросту занимается нечестивой эксплоатацией «старушек», в разряд которых суровый т. Теодорович относит даже «красу черкасских дочерей», пушкинскую «Марию». Если «этот т. М.» попытается «сострить», то все его «остроты» суть «третьестепенные» и слонялись уже «по миллиардам» журнальников. Наоборот, приведенные остроты самого т. Теодоровича суть «свежи и непотрепаны» и непременно, как видим, «первой степени». Распалив свою пылкую фантазию градусов до тысячи, т. Теодорович в дальнейшем не знает никакого удержа и доходит даже до того, что хватает «этого т. М.» «за шиворот», сие проделывая, как т. Теодорович специально оговаривает, «без всякого гнева» и даже в самом «веселом расположении духа».

Перед читателем статьи т. Теодоровича развертывается, примерно, такая картина. На вершине Земплана стоит т. Теодорович (в чрезвычайно «веселом расположении духа»). Несколько позади расположены профессора Кондратьев и Огановский: от обоих исходит сияние марксизма и ленинизма. Одесную тов. Теодоровича—легион цитат из Маркса и Ленина; ошую—шедевры мировой литературы, от которых на сотни километров кругом так и

разит обаятельной «свежестью». Внизу, у подножья горы «этот товарищ Марецкий», «ретиво впрягшийся в колымагу т. Берзтыса», твердит все «наоборот» и почему-то возится в кампании со «старушками».

Видение, достойное, пожалуй, самого царя Навуходоносора!

Так чуден тов. Теодорович, когда дозором ходит он вокруг «Трудов Земплана»! Горит и дышет он несравненной полемической страстью и горе смельчаку, посягающему на оберегаемых т. Теодоровичем профессоров Кондратьева и Огановского!

Однако, что же скрывается за этой «заставой богатырской», сооруженной т. Теодоровичем? И не является ли вся она, эта застава, каким-нибудь всамделешным «бутафорским хламом»?

Так как т. Теодоровичу очень нравятся «пункты», то и мы по «пунктам» рассмотрим защитительные доводы, выдвинутые в ответ на наши критические замечания, сделанные им в статье «Большевика» № 15—16.

Пункт первый. О роли «фактора народонаселения» в статье проф. Кондратьева. Мы осмелились утверждать, что в анализе факторов сельско-хозяйственного процесса у проф. Кондратьева на долю «фактора народонаселения» выпала совершенно неподобающая ему роль, что проф. Кондратьев не в меру раздул значение этого фактора, неправильно поставил его во главу угла, навязал ему доминирующее положение в среде прочих «факторов». В качестве документального подтверждения нашего взгляда мы привели показание самого профессора Кондратьева, взяли цитату из его статьи. Оказалось, что из шести причин под'ема сельского хозяйства целых три сводятся к фактору народонаселения. Оказалось, что «рост населения и рост организации и рационализации труда, которые «выразились», «сказались» и «обнаружились» в росте разделения труда, в процессе дифференциации районов и в дифференциации между деревней и городом» [1]). Оказалось, иными словами, что в статье проф. Кондратьева значение фактора народонаселения явно господствующее.

Как же попытался отразить удар т. Теодорович, как же он «выручил» из беды проф. или, по его выражению, «т.» Кондратьева? Он проделал это методом чрезвычайно своеобразным. Не вымолвив ни единого словечка про то, что половина факторов сельско-хозяйственного прогресса сводятся у проф. Кондратьева к моменту населения, т. Теодорович в непонятном припадке торжества стал... цитировать «шестой» фактор проф. Кондратьева: «наш анализ причин был бы неполон и неверен, если бы мы особенно (NB, NB. Курсив и обе закорючки принадлежат т. Теодоровичу, Д. М.) не подчеркнули значение факта восстановления рынка».

Однако, что же из того следует, что проф. Кондратьев «особенно» (хотя бы снабженное «миллиардом» нотабен т. Теодоровича) «подчеркнул» «факт восстановления рынка»? Следует ли из этого, что проф. Кондратьев развенчивает роль фактора народонаселения? Конечно, вовсе не следует. Из слов проф. Кондратьева вытекает только то, что, во-первых, за рынком признается стимулирующее с.-х. прогресс значение и, во-вторых, то, что доминирующая позиция фактора народонаселения сохраняется за ним в условиях «восстановленного» рынка... «Факт восстановления рынка» имел место при переходе от военно-коммунистического хозяйства к нэп'у, когда отпали «возмущающие», сдерживающие рынок скрепы. Раз и поскольку эти скрепы отпали, поскольку рынок был восстановлен, в свои права вступила «внутренняя инерция» сельско-хозяйственной динамики, и фактор народонаселения стал играть роль, предназначенную ему проф. Кондратьевым, т.-е. стал суверенно определять собой рост организации национализации и разделения труда, дифференциацию районов и даже дифференциацию города и деревни. Можно ли после этого отрицать, что «народонаселение» проф. Кондратьева имеет незаконную «тенденцию быть главнейшим фактором сельско-хозяйственной динамики»? Разумеется, нельзя, если не вступать в опасный конфликт с логикой.

Однако, тов. Теодорович хочет во что бы то ни стало ослабить об'ективное впечатление, производимое не в меру длинноухим кондратьевским «фактором» народонаселения? И он выкидывает для этой цели такого рода коленце. Что вы, чорт бы вас побрал, привязываетесь к фактору народонаселения, восклицает тов. Теодорович? Разве можно сомневаться в отменно скромном поведении этого фактора? «Для об'яснения развития сельского хозяйства Земплан выдвинул такие факторы: народонаселение, разделение труда между городом и деревней, дифференциация между городом и деревней, дифференциация районов, улучшение техники с. х., рынок, индустрия» («Б.» № 17, стр. 98). Возможно, конечно, что «Земплан» где-нибудь и когда-нибудь это «выдвинуж». Но поскольку Земплан глаголил устами проф. Кондратьева, всякий может легко убедиться из приведенной в примечании в статье № 15—16 «Б-ка» выдержки, что первые пять из семи только что перечисленных факторов сельско-хозяйственного прогресса сводятся к одному, все тому же фактору народонаселения». Пять из семи факторов под'ема, сельско-хозяйственного под'ема, сводятся к народонаселению. Не правда ли, «жирненький кусочек» выпал на долю населения, спрашивали мы т. Теодоровича? Но вечно неунывающий т. Теодорович решился однако в этот момент пуститься в пляс и изловить нас на «противоречии», для чего прибег к того рода «первоклассной остроте». Вы, сообщает т. Т., говорите вначале о «жирном кусочке», т.-е. всего только о «кусочке», а потом «не поморщившись» утверждаете, что народонаселение не «кусочек», но «имеет тенденцию быть главнейшим фактором», т.-е. целый «кусище»! «Кусочек» вы мошеннически превращаете в «кусище»! И у вас поэтому «бутылки и пребольшие» превращаются в «ведра сороковые»! Очень приятно, т. Теодорович! Очень приятно! Могу вам сказать на это единственно следующее: «кусочек» проф. Кондратьева (пять факторов из семи) по величине по самой скромной оценке с «коровий носочек»,—это, во-нервых, а, во-вторых, я совершенно обезоружен вашим чудесным преосуществлением кондратьевской «бочки» в «наперсток». И я век буду помнить о чуде святого И. Теодоровича! [1]).

[1]) «Большевик» № 15—16, стр. 109.

[1]) Мы разбирали «фактор народонаселения» у проф. Кондратьева с его теоретической, «принципиальной» стороны. Если перейти от «философии» этого фактора к его конкретному, статистически выраженному движению, то оказывается, что он проделывает те же самые нецензурные трюки, которые вообще, как показал тов. Крицман, свойственны цифровым данным и вычислениям

Пункт второй. О «теории факторов». В предыдущем мы убедились, что все старания т. Теодоровича преуменьшить значение фактора народонаселения у проф. Кондратьева—пропали даром. Однако, *если даже* роль этого фактора и сократить до тех размеров, которые предлагает задним числом тов. Теодорович, все равно это положения не поправит. В наших возражениях тов. Теодоровичу мы утверждали, что *если бы даже* в докладе проф. Кондратьева и была последовательно проведена та версия, согласно которой момент населения играет равноценную с моментами экономическими роль, то и это было бы методологически скользким и, во всяком случае, немарксистским взглядом.

Тов. Теодорович, которого мы вынуждены были в результате поздравить с подменой марксизма буржуазной теорией факторов, решил, остаться при своем. Никакой «теории факторов», ни у себя, ни у проф. Кондратьева он счел за лучшее чистосердечно не заметить. Верный самому себе и своим «принципам» он вместо этого затеял лишь очередную кадриль из цитат и великих авторитетов, сообщил про существование «Цур Критик» и тряхнул Плехановым и Энгельсом, из коих, как из волшебной скатерти-самобранки, посыпались точь-в-точь кондратьевское «взаимодействие», причины и следствие, обратное влияние, факторы в «социально-историческом смысле слова» и даже «параллелограм сил».

Однако, коловращение цитат и «параллелограмов» не могло спасти тов. Теодоровича от ответа на прямо и ясно поставленный вопрос. Вопрос о теории факторов стоял таким образом. Равноправны, равноценны факторы: народонаселение и экономика—или неравноценны? Существует ли между ними только «взаимодействие», или существует причинная связь, причинная обусловленность одного фактора другим? Если налицо имеется только «равноправие», «взаимодействие», прелестная «демократия» факторов—то это и есть буржуазная теория факторов, какой бы Вавилон цитат ни нагромождал, чтобы ни говорил т. Теодорович. Стать на такую «демократическую» точку зрения—это и значит фатально обречь себя на отказ от марксизма, который ведь как раз и утверждает детерминирующий, в причинном порядке определяю-

---

авторов «Перспектив». Проф. Кондратьев пишет: «Анализ *фактического движения населения* показывает, что темп *ежегодного прироста* сельского населения определяется приблизительно, в 1,6%. *Следовательно*, мы можем полагать, что через 5 лет, т. е. к 1928 г., сельское население возрастет с 103,4 милл. до 111,7 милл., или приблизительно на 8% («Перспективы», стр 24). Эти статистические арифметические выкладки проф. Кондратьева по меньшей мере... странны Проф. Кондратьев заставляет «народонаселение» нашей страны ежегодно возрастать согласно какой то метафизической норме на одну и ту же величину, на 1,66 милл. человек (1,6% от 103,4 милл.). Однако, если «фактическое движение населения» позволяет нам умозаключать о «*ежегодном* приросте» населения на 1,6%, т.-е об одном и том же ежегодном *процентном, относительном* возрастании, то *абсолютный* прирост населения должен быть с каждым годом все большим. Если «народонаселение» ежегодно будет возрастать на 1,6%, то к 1928 году оно возрастет не на 8% а гораздо больше и общий итог населения будет, конечно, выше, чем 111,7 милл Проф. Кондратьев совершенно неосновательно побрезговал в данном случае методом сложных процентов И потому с его «фактором» народонаселения произошло то же, что и с «посевными площадями» (см. ст. тов Крицмана «На аграрном фронте»). Сильно сомневаюсь, чтобы тов Теодорович мог бы здесь привести какие-нибудь «цитаты» в оправдание профессора Кондратьева.

щий характер «экономического» момента по отношению к «народонаселению». Тов. Теодорович чувствует и сам, что особенно полагаться на «демократию» нельзя и поэтому невольно проговаривается о вещах, которые ничего общего с кондратьевскими положениями не имеют. Он нехотя вынужден вспомнить, что фактор народонаселения есть момент производный по отношению к данному «состоянию производительных сил» (точнее было бы, конечно, сказать, что фактор народонаселения производный от экономики, т.-е. от данной системы производственных отношений. Но и на том, в чем сознался т. Теодорович, спасибо). Однако, и в этом гвоздь в «труде» проф. Кондратьева никакой «принципиальной» зависимости момента народонаселения от «состояния производительных сил» днем с огнем не сыщешь. Наоборот, весьма и весьма много в статье пр. Кондратьева сказано и непропорционально раздутой «зависимости» самих «производительных сил» сельского хозяйства от движения народонаселения.

* * *

Можно, разумеется, сказать, что вопрос о «принципиальной» роли факторов, поднятый в споре с тов. Теодоровичем, есть вопрос сугубо «академический» и потому ошибка в нем проф. Кондратьева вещь сравнительно второстепенная. Это, конечно, верно, тем более, что проф. Кондратьеву теперь не до жиру в области «принципов», поскольку ему приходится защищаться от упреков гораздо менее деликатного свойства. Но поскольку тов. Теодорович настаивает на непременно «марксистском» и непременно «ленинском» теоретическом фундаменте кондратьевской работы—volens nobens мы должны ему доказывать обратное.

Проф. Кондратьев предпослал к своей работе ряд «методологических» замечаний, в которых мы находим, между прочим, следующие заколдованные слова :«теоретическая экономика и в частности теоретическая часть сельскохозяйственной экономики, как она сложилась, по преимуществу вращается в плоскости исследования статических отношений различных элементов. Проблемы динамики освещаются теоретической экономией, но в гораздо меньшей степени и с меньшим успехом. Господствующий тон современной экономики—есть тон статической «экономики». (Труды, вып. I, стр. 2).

Бьемся об заклад, что сам тов. Теодорович не сможет разглядеть в этих словах ленинского «кредо»! О какой «теоретической экономике» здесь идет речь? О марксистской, буржуазной, народнической? Или здесь говорится о теоретической экономии «вообще», хотя боимся, что таковой «в частности» и «вообще» вовсе не существует на белом свете? Где и как «теоретическая экономика», о которой говорит проф. Кондратьев, «сложилась» и в какой «плоскости» сам этот ученый «вращается», какая и где теоретическая экономика—«господствующая»—на все эти неотвязчивые невольно вызываемые «методологическим замечанием» проф. Кондратьева трудно подыскать подходящего ответа. Во всяком случае, это «методологическое замечание» должно было бы служить для тов. Теодоровича предостерегающим, вызвать в нем хоть малую толику критического отношения к тому, что за этим «методологическим замечанием» следует.

Проф. Кондратьев подавал и другие более прозрачные сигналы, предупреждавшие тов. Теодоровича, чтобы он не очень-

то торопился с «марксистским» аттестатом для проф. К. В прошлой статье мы отмечали, что по проф. Кондратьеву, «неуклонно» на всех парах мчащемуся к марксизму, между средствами производства и «капиталом» разницы нет: и то, и другое для него синонимы. Не знаем, «в спешке» ли или в силу каких-либо менее уважительных причин, но тов. Теодорович прошел мимо нашего замечания. А между тем для характеристики идейно-теоретической физиономии проф. Кондратьева и для выяснения истинной степени близости его к марксизму, отождествление средств производства с капиталом, показание далеко не маловажное [1]).

Пункт третий. К вопросу об отсутствии анализа дифференциации крестьянства в «Перспективах». Мы утверждали, что доклад проф. Кодратьева построен и целиком основан на недопустимой, с нашей точки зрения, абстракции от протекающих в деревне процессов социально-классового порядка, неминуемо сопровождающих общее поступательное движение сельского хозяйства. И мы спрашивали т. Теодоровича: «возможно ли дать правильную оценку хотя бы самых общих «перспектив развития сельского хозяйства в СССР», не касаясь процессов внутри крестьянского расслоения? («Б.» №№ 15—16, стр. 112). Ответ, который мы получили от тов. Теодоровича, поразил нас необычайно. Тов. Теодоровича спрашивали: можно ли было в «Перспективах» отвлекаться от анализа процессов, дифференциации?—а он ответил на это: «в «Перспективах» анализа дифференциации, правда, нет и в помине, но зато в другой книге, в выпуске 5 «Трудов Земплана», на стр. 12 и дальше «говорится» о «процессе социальной дифференциации» и т. д. Пусть извинит меня т. Теодорович, если «логика», проявленная в таком его «ответе» напоминала мне «логику», выраженную в такой «третьестепенной» прибаутке:

«Едет чижик в лодочке
В генеральском чине;
Не выпить ли водочки
По этой причине».

---

[1]) Тов. Теодорович, вместо того, чтобы попристальнее разобраться в «мировоззрении» своего собственного подзащитного, предпочел итти по другому пути. Он занялся тем, что начал рыться и притом без всякой «спешки» в разногласиях между мной и тов. Берзстысом. По поводу каждой фразы последнего он немедленно ставил мне вопрос: согласен ли я с П. Б. или нет? И даже выдумал специальные «пункты», в которых пространно развивал наши с т. Б. разногласия. Замечу здесь тов. Теодоровичу, воспользуясь его собственной манерой выражаться, только вот что: поскольку он, очевидно, относит самого себя к числу читателей, «в носу» не «ковыряющих», но «интересующихся» «самой сутью» полемики, он легко может увидеть из моей статьи, в чем я с тов. Б. согласен. Даже, если бы какие-нибудь частные разногласия, в формулировках и т. п., между рецензией тов. Б. и нами существуют—не в них «общественный интерес», который связан с появлением «Перспектив». Этот «общественный интерес» заключается вовсе не в том, что «тов. Марецкий выручает тов. Берзтыса» и даже не в том, что тов. Теодорович, преисполненный отваги, хватает тов. М. «за шиворот», но он заключается в том, единственно в том. что тов Теодорович изо всех сил старается напялить на проф. Кондратьева «марксистские» штаны, которые, однако, на этого ученого не налезают и то и дело по швам лопаются, предательски обнаруживая элементы чуждого «мировоззрения».

Мало ли что в «выпуске пятом говорится» о дифференциации! [1]). Совсем не в этом суть. А суть в том, что именно в «Перспективах» должен был быть хотя бы в самых общих чертах затронут вопрос о дифференциации. «Спасать отечество» нужно было именно в «Перспективах», а не в других книгах. Мы вынуждены напомнить т. Теодоровичу, что не где-нибудь «в выпуске пятом», а в самом предисловии к «Перспективам» авторитетно раз'яснено, что доклады профессоров Кондратьева и Огановского «освещают лишь некоторые, правда, *важнейшие* вопросы перспектив развития сельского хозяйства. (Курсив наш). Хотя не все вообще, но зато «важнейшие» вопросы развития сельского хозяйства получили свое «освещение» в «Перспективах»— так заявил автор предисловия.

Относится или не относится вопрос о «дифференциации» к числу «важнейших» вопросов развития сельского хозяйства? По нашему мнению, относится. Мы даже считаем этот вопрос «важнейшим из важнейших» вопросов. Но в «Перспективах» анализ крестьянской дифференциации к числу «важнейших» вопросов, не отнесен, поскольку авторы сочли себя в праве от такого анализа «абстрагироваться». Мы считаем отвлечение от процессов дифференциации нашего сельского хозяйства, абстракцию от социально-классового момента сельско-хозяйственной динамики «важнейшим» пробелом, кардинальным недосмотром при издании «Перспектив». И как раз именно благодаря такому пробелу «Перспективы развития сельского хозяйства СССР» приняли такой вид, что подо всеми «принципиальными» положениями их авторов может смело подписаться любой из сменовеховских аграрников без всякого риска быть уличенным в преступном пристрастии к «марксизму», либо к «ленинизму».

И мы категорически утверждаем, что ни тов. Теодорович, ни кто-либо иной не будет в состоянии доказать противоположное.

Пункт четвертый. О выполнении земплановскими профессорами функций «спецов». Наше предложение тов. Теодоровичу «быть на-чеку» и получше следить за «внутренней жизнью» буржуазных профессоров показалось тов. Теодоровичу «развязным», а сравнение проф. Кондратьева с «Змием» невкусным. Для нашего вящшего посрамления, т. Теодорович, следуя своей испытанной методе, немедленно раскрыл XVIII том Ленина и процитировал оттуда место о значении «специалистов науки и техники» и о необходимости осторожного и умелого к ним подхода. Однако, тов. Теодорович не нашел ни в XVIII, ни в другом томе ни одной фразы, в которой бы Ленин требовал, чтобы на ученых специалистов понапрасну наклеивали «марксистские» ярлыки.

Теперь, после того, как проф. Кондратьев и Огановский были разоблачены как герои печального образа земплановской панамы, как-то неловко читать статью т. Теодоровича, где он прославляет их «спецовские» добродетели. Тем более, что сам т.

---

[1]) Сообщением о том, что пятый выпуск «писан Кондратьевым от первой до последней буквы» тов. Теодорович буквально утопил проф. Кондратьева. В пятом выпуске тов. Крицманом обнаружены еще целые горы статистико-арифметического безобразия.

Теодорович решил принести проф. Огановского в жертву, как нерадивого «спеца». В письме в редакцию журнала «На аграрном фронте» т. Теодорович честно признает факт «вопиющего отношения к делу» и последующего «заметания следов», но... только со стороны одного проф. Огановского. Тов. Теодорович пишет: «В заключение чувство простой справедливости заставляет меня протестовать против смешения в одну кучу проф. Кондратьева и Огановского. О последнем я дал свое показание; что же касается первого, то он стоит вне каких-либо упреков в недобросовестном отношении к делу. («На аграрном фронте» № 3, стр. 199).

Последняя фраза непонятна. Только что перед самым письмом тов. Теодоровича, помещена статья тов. Крицмана, в которой «недобросовестное отношение к делу» проф. Кондратьева показано, как на ладони, в которой продемонстрирована какая-то «безбрежность небрежности» проф. Кондратьева. А тов. Теодорович сейчас же после такого капитального разноса, без всяких доказательств, любезно освобождает проф. Кондратева от всяких «упреков». Что должны подумать по этому поводу читатели «На аграрном фронте», одним из редакторов которого состоит, между прочим, и т. Теодорович, мы не знаем. С своей стороны, признаемся, что «внутренняя инерция» проф. Кондратьева оказалась в тысячу раз хуже, чем мы, грешные, предполагали. Кондратьевские цифры перещеголяли его «марксизм». За сим, т. Теодорович, всего хорошего! Желаю вам и впредь «веселого расположения духа».

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Дм. Бухарцев.

О „пафосе" восстановления мирового хозяйства[1].

1924 г. и его значение в мировом хозяйстве оценивается целым рядом наших товарищей, главным образом, политиков, как год известного перелома в развитии мирового хозяйства в сторону его стабилизации и даже полной ликвидации послевоенного кризиса мирового хозяйства.

Не приходится, понятно, много говорить о том, какое существеннейшее значение имеет для СССР, для Коминтерна в целом, и отдельных компартий в частности, правильная об'ективная оценка современного мирового хозяйства и хотя бы некоторых ближайших перспектив его развития.

Чрезвычайно трудно сохранить на пути этого анализа об'ективное равновесие, не уклоняясь ни в сторону «желания, рождающего мысль», ни в сторону того, что наши военные партийцы называют «демобилизационным настроением». Но насколько опасен анализ в стиле «Гром победы раздавайся, веселися храбрый Росс», настолько же опасен уклон и в сторону переоценки тех событий, больших и малых, которые происходят ныне в мировом хозяйстве.

Размеры настоящей статьи не позволяют нам дать детальный анализ современного положения мирового хозяйства. Мы вынуждены поэтому перенести главное внимание на критику существующих концепций «восстановления мирового хозяйства».

Основной работой в этой области следует считать вышедшую недавно в издательстве Госплана брошюру т. Лапинского «Новая фаза империализма и ее экономические источники». Эта работа является первой и самой серьезной попыткой обосновать новый прогноз мирового хозяйства, за которой последовали либо перепевы ее, либо утверждения, идущие значительно дальше, чем это делает сам т. Лапинский.

В своей работе тов. Лапинский ставит вопрос: «Можно ли утверждать, что за последний год—два произошли или по крайней мере наметились некоторые основные (курсив наш. *Дм. Б.*), в положении послевоенного капитализма, перемены, которые можно зачислить в целую отдельную, крупную экономическую категорию? Тов. Лапинский отвечает: «По нашему мнению, без сомнения, да». При чем эта крупная экономическая категория означает «некоторую историческую грань».

---

[1]) Статья дискуссионная.

Попытаемся вкратце передать основные мысли т. Лапинского и методы доказательства его априорного суждения и разобрать их, поскольку это позволяют размеры настоящей статьи.

Расстройство нормальных функций международного капитализма в течение пятилетия после войны т. Лапинский сводит к четырем основным фактам:

1. Политический и социальный хаос, который «убивал в корне у капиталистических кругов всякую уверенность в будущем и тем самым ослаблял, устранял у них основные психологические предпосылки всякой нормальной деятельности, предприимчивости и доверия».

2. Распад валют, приводивший «весь социальный и хозяйственный механизм капиталистического общества в состояние какого-то неустанного сотрясения и движения всех составляющих его молекул и атомов».

3. Распад международного кредита.

4. Утрата прежнего довоенного единства мирового капиталистического целого, сводящегося к установлению и применению протекционистских тарифов, исчезновению правильного разделения труда и т. п.

Мы позволим себе вкратце остановиться на приводимых т. Лапинским «явлениях расстройства основных внутренних функций капиталистического механизма».

Нам представляется, что сам анализ причин кризиса мирового хозяйства носит у тов. Лапинского «надстроечный» характер.

Тов. Лапинский не останавливается на «базе» послевоенного кризиса капитализма, а все свое внимание направляет исключительно на явления, носящие характер производных функций, хотя, правда, «более всего, бросающиеся в глаза». Тов. Лапинский упускает из виду, что основной причиной современного кризиса является колоссальный рост во время войны производительных сил, главным образом, в сфере производства средств производства, при значительном падении покупательной способности широких масс населения. Мировые «ножницы» подорвали благосостояние крестьянского населения; инфляция—средних слоев; падение реальной заработной платы и, наконец, чисто материальные разрушения, причиненные войной и отразившиеся на степени благосостояния населения целого ряда областей европейских государств. Это является основной «базой» послевоенного кризиса мирового хозяйства, на которой вырастают надстройки различных функциональных нехваток.

Мы ограничимся покуда этим общим замечанием и продолжим изложение самого т. Лапинского. Тов. Лапинский во второй главе своей работы, доказывая «сдвиг всей проблемы послевоенного капитализма», идет по тем же вехам, намеченным им в первой главе.

Тов. Лапинский утверждает, что за последний 1924 год пробивает себе «дорогу вполне определившаяся и сильная тенденция к улучшению».

Это доказывается следующими обстоятельствами:

1. В области политической — количественное уменьшение, ослабление всеевропейской неурядицы. «Капиталистическая Европа обрела, наконец, относительно прочно, основной закон своего равновесия, свою хартию в виде англо-саксонской гегемонии, гегемонии Англии и Америки». При чем непосредственной задачей политики англо-саксонских стран является упорядочение и воссоздание капиталистического механизма—оборота и обмена» и восстановление, хотя бы самое частичное, катастрофически нарушенного единства капиталистического мира (путем урегулирования прежде всего репарационного вопроса).

2. В области распада валют—в 1924 году денежной инфляции в целом ряде стран был положен предел, правда, ценою крупных хозяйственных потрясений и беспощадного нажима па массы.

В этой области наиболее крупными фактами являются: стабилизация германской валюты и продвижение к золотому паритету всемирной обменной единицы—английского фунта. Вопрос о международном золотом стандарте ближе к осуществлению, чем когда-либо раньше со времен перемирия.

3. Международный кредит—кризис последних лет был в значительной степени кризисом кредита, кризисом так называемого «доверия». Целый ряд внешних выражений этой «осторожности» международного капитала как колоссальная процентная норма, дороговизна кредита покуда, признает т. Лапинский, не изменился или изменился немного. Изменилось зато положение в отношении размеров международного кредита и его географического направления, главным образом, благодаря плану Дауэса.

4. Восстановление единства мирового хозяйства—Европа выходит из состояния хаоса, благодаря заключенным торговым догорам, восстановлению мировых цен и попыткам международного картелирования.

Все эти моменты, собственно говоря, и составляют ту новую «крупную экономическую категорию», которая знаменует перелом в мировом хозяйстве и «новую фазу империализма».

Приглядимся к этим моментам поближе, являются ли они достаточно вескими аргументами для того, чтобы прокламировать новую эру в мировом капитализме?

Тов. Лапинский начинает с анализа политического умиротворения Европы. (На вопросе об англо-американском сотрудничестве мы останавливаться здесь не будем. Нашу точку зрения по этому вопросу мы уже изложили в январской книжке «Большевика»).

Нам представляется, что концепция т. Лапинского, выдвигающая на первый план элементы сотрудничества современного капитализма и лишь вскользь упоминающая об имеющихся противоречиях, имеет, выражаясь довольно распространенным ныне словом, уклон в сторону своеобразной идеологии «Фимменизма».

Теория «Фимменизма» (Эддо Фиммена) наряду с целым рядом lapsus'ов в области теории государства, которые в данном контексте нас не интересуют, защищает абсурдную гипотезу о том, что понятие «национальный капитал» и «национальная промышленность» исчезает все больше и больше и уже рисуется возможность того, что прекрасная мечта о «Соединенных Штатах Европы» на долгое время найдет свое осуществление—осуществление жестокое—в виде «Акционерного Общества Европы» (см. Эддо Фиммен «Пролетарская и буржуазная Европа»).

«Она (буржуазия. *Дм. Б.*) отказывается от расширения за счет других капиталистических групп. Она отказывается от своих прежних империалистических целей, направленных на то, чтобы

подняться выше других частей буржуазии и других народов. Мечта о подчинении всего мира капиталистических интересов капиталистической группе одной единственной страны, о владычестве одной единственной столицы над всеми землями и морями—эта мечта окончательно изжита».

«Международное переплетение капитала так связало друг с другом международных промышленников, что они должны вместе процветать или вместе гибнуть. Общность интересов стала более тесной, взаимная зависимость гораздо значительнее».

Приведенные цитаты, к которым можно прибавить еще столько же, являются ничем иным, как иллюстрацией к логически развитым до конца мыслям о сотрудничестве мировой буржуазии, охваченной по Радеку [1]), желанием «вырвать Центральную Европу из когтей революции, рождающейся из недр экономического хаоса».

Характерным для Фиммена, как и для ряда наших товарищей, является нежелание видеть, отыскать те противоречия, которые не могут дать осуществиться ни Фимменовским «Соединенным Штатам Европы», ни серьезному прочному «равновесию капиталистической Европы на базе англо-саксонской гегемонии».

Искать противоречия в мировом капитализме, даже если они и не видны на поверхности, был метод анализа мирового капитализма у т. Ленина.

Это относится к политическому анализу т. Лапинского.

Экономические симптомы перелома в мировом хозяйстве у т. Лапинского можно свести к двум основным: первое,—стабилизация валют на основе восстановления золотого обращения и, второе,—восстановление мирового хозяйства, благодаря международным кредитам.

Остановимся на первом из них.

Мы полагаем, что говорить о стабилизации европейских валют в настоящее время, когда мы имеем падение франка; когда понижаются валютные курсы нейтральных стран—Голландии и Швейцарии, которые котировались выше золотого паритета; когда происходит падение лиры, входящей в период сильных курсовых колебаний; когда проблема стабилизации валюты еще не разрешена даже в Чехо-Словакии, стране, первой вступившей на путь стабилизации валюты; когда в Австрии, где денежная реформа проводилась Лигой Наций, сам Генеральный Комиссар Лиги Наций вынужден признать, что дело валютной реформы не сделало никаких успехов, когда нервность, столь характерная для послевоенного валютного рынка, еще не изжита и т. д., при всех этих обстоятельствах излишний оптимизм к стабилизации валют немного рискован.

Остаются, правда, еще Германия и Англия. После головокружительных скачков, проделанных германской маркой, теперь наступило временное спокойствие. Сомнительно однако полагать, что при колоссальной дефицитности торгового баланса, имеющего место в Германии как в 1924 году, так и в первых месяцах текущего года, при полном отсутствии «невидимого экспорта» Германии удастся удержать стабильной свою валюту. Если принять еще во внимание весьма серьезные возражения, выдвигае-

[1]) См. февр. номер Ком Интернационала и статью Д. Пеппера в мартовском номере Ком. Интернационала.

мые значительными хозяйственными кругами против иностранного кредита, толкающего Рейхсбанк на новые инфляции, картина получится далеко не в таких розовых тонах, какой она рисуется нашим апологетам восстановления мирового хозяйства. Теперь остается еще вопрос об английском фунте и его переходе на золотую валюту. По этому вопросу достаточно убедительным оппонентом тов. Лапинскому и иже с ним является никто иной, как достаточно известный английский экономист Кейнс, являющийся сторонником возвращения Англии к золотой валюте.

В своей статье «Возвращение к золоту», помещенной в Nation, а затем и в «Виртшафтдинсте» (нами цитируется по Wirtschaftdienst от 27/II—25 г.), Кейнс высказывает свои соображения о перспективах перехода Англии на золотую валюту и ее взаимоотношениях в этом вопросе с С.-А. С. Ш.

«С июля 1924 года,—пишет Кейнс,—в С.-А. С. Ш. началось повышательное движение, которое, по всей вероятности, будет продолжаться. Это повышение американских цен за последние полгода сопровождалось повышением курса фунта стерлинга, которое обратило на себя общественное внимание. Это движение сопровождалось некоторыми ненормальными факторами. Улучшение курса стерлинга нельзя всецело отнести за счет британской денежной политики. Правда, что учетный % для краткосрочных кредитов в Лондоне держался фактически на 0,5% выше, чем в Нью-Йорке и что британские цены поднялись несколько меньше американских. Но все признают, что эти факторы действовали недостаточно сильно. По отчетам Board of Crade видно, что в минувшем году из Нью-Иорка в Лондон было перенесено около 100 милл. ф. стерл. Это об'ясняется возвращением вкладов, ранее находившихся в Лондоне, а также инвестициями американского капитала в Европе, вызванного ростом доверия к Европе и вследствие принятия плана Дауэса, и в связи с повышением ценных бумаг на Уолл-Стрит, и, наконец, спекулятивными закупками стерлинга в ожидании его повышения по сравнению с долларом. Это не имевшее прецедента движение вносит в положение некоторую неуверенность. Ситуация может измениться в любой момент. Англия нуждается в передышке для того, чтобы заново привести в порядок свои обязательства или путем сравнительного увеличения экспорта по сравнению с импортом или путем повышения учетного % для долгосрочных займов, достаточным для того, чтобы удержать чрезмерный в данное время поток капитала, инвестируемого заграницей. В настоящее время Англии угрожает опасность отдавать в долгосрочный кредит (напр., Австралии) то, что она взяла в краткосрочный кредит в Нью-Иорке. Следует соблюдать величайшую осторожность, Federal Reserve может решить, что под'ем цен в С. Штатах принял опасные размеры и может вмешаться, как это случилось два года тому назад. Англии пришлось бы тогда решиться или на сравнительно стабильные стерлинговые цены при долларовом курсе ниже паритета, либо на жесткие условия для того, чтобы во что бы ни стало удержать валюту на паритете.

Преждевременное снятие запрета на вывоз золота заставило бы пойти именно по второму пути, как того желают фанатики. Но, при британской безработице, это было бы неблагоразумно.

Но возможно также, что Federal Reserve предоставит ход дел естественному течению и не будет предпринимать ничего для понижения цен. В таком случае Англии не придется напрягаться для удержания фунта на довоенном паритете. Однако отсюда не следует, что тогда можно будет снять запрещение на вывоз золота. Связывать цену фунта с долларом в момент столь высокой кон'юнктуры было бы очень опасно, так как, в случае краха этой кон'юнктуры в Америке, Англия испытает тогда и на себе всю тяжесть этого события. Связать курс фунта с долларом можно будет безопасно лишь тогда, когда средний уровень доллара стабилизуется на несколько более «высокой ступени, чем теперь».

«Возможно, что в предстоящем году С. Штатам придется перенести финансовые и промышленные бури, но последние не потрясут страны; Англия же, наоборот, погибнет, если эти бури коснутся и ее».

«Кроме того, до войны Англия дала миру огромные краткосрочные займы; помещаемые в Америке капиталы делали Англию кредитором С. Штатов; она имела больший, чем какая-либо другая страна, излишек капитала для помещения за границей; американские банки были очень слабы без Federal Reserve System. Англия была первенствующим членом в золотом валютном союзе. Но только слепые глупцы могут думать, что возвращение к золотой валюте вернет Англии это положение. Теперь она—должник С. Штатов, имеющих в шесть раз больше золота, чем она. Движение золота или краткосрочных кредитов в том или другом направлении между Лондоном и Нью-Йорком явится рябью на воде для Америки и Атлантической волной для Англии. Перемена отношения американских банков и капиталистов к иностранным займам могла бы потрясти Англию. С. Штатам удобно, что Англия перешла на золотую валюту, и они будут готовы вначале помогать ей. Но было бы заблуждением думать, что они всегда будут вести свои дела в желательном для Англии направлении».

Заканчивая свою статью, Кейнс заявляет:

«Индивидуалистический капитализм в Англии достиг точки, когда он не может более покоиться на простой экспансии; он должен взять на себя научную задачу, исправить строение своей хозяйственной машины».

Приведенные мысли Кейнса с достаточной убедительностью рисуют нам степень «солидности» стабилизации английской валюты, этого одного из «китов», на которые опирается концепция т. Лапинского.

Обратимся теперь к вопросу о международном кредите, второму «киту» концепции тов. Лапинского.

Вся проблема международного кредита ставится тов. Лапинским неверно. По мнению тов. Лапинского, «кризис последних лет был в значительной степени кризисом кредита, кризисом так называемого доверия».

Но вопрос заключается не столько в доверии, сколько в норме прибыли, в том, насколько соотношение между производительными силами каждой страны и ее внутренним рынком стимулировал ввоз или вывоз капитала. Расширение внутреннего рынка С.-А. С. Ш., происшедшее после кризиса 1920 г., сразу сократило количество вывозимого капитала с 368.200.000 долларов в 1919 и 322.100.000 долларов в 1920 г. до 23.900.000 долларов в 1921 г.

Сужение емкости внутреннего рынка, имевшее своим последствием кризис С.-А. С. Ш. в 1924 г., толкнуло С.-А. С. Ш. на капиталистическую экспансию в форме капиталов в Европу и в форме товаров на рынке Востока, Южной Америки и т. д.

О широких возможностях экспорта капиталов из Англии приходится немного говорить. В вышеупомянутой статье Кейнс указывает, что для возвращения фунта стерлингов к паритету следует повысить учетный % и прекратить эмиссии иностранных займов в Англии.

Экспорт капитала из Англии, происходящий в настоящее время, направляется в колонии и лишь отчасти в некоторые европейские государства, главным образом, в новообразовавшиеся государства. Самое характерное, однако, то, что значительная часть экспорта капитала из Англии является по существу реэкспортом американских кредитов.

С другой стороны, новейшая тактика американских банков сводится к вытеснению Лондона, как международного финансирующего центра с тем, чтобы занять его место. Это им удастся, благодаря той финансовой мощи, которой обладают американские банки [1]).

Таким образом, проблема «международного» кредита сводится, собственно говоря, к кредитованию американским монополистическим капиталом при временном техническом сотрудничестве с английскими банками европейского хозяйства. Проблема, таким образом, сводится к плану Дауэса—новейшей форме экспорта капитала.

Это есть действительно «новая, но не фаза», а форма империализма, которая, во всяком случае, не означает перелома в мировом хозяйстве и еще меньше—восстанавливает «единство» мирового капитализма.

Экспорт американского капитала в Европу для ее колонизации не решает основной проблемы мирового хозяйства, проблемы рынков, а создает лишь новое обострение старых противоречий.

Проблеме рынков т. Лапинский посвящает вторую часть своей работы. Тов. Лапинский пишет:

«Что означает по своим последствиям относительное упорядочение простейших функций капиталистического механизма? Оно означает то, что только теперь (курсив наш. *Дм. Б.*) с возрастающей остротой перед капитализмом в целом будет вставать другая проблема, проблема сбыта, задача расширения возможностей сбыта, проблема рынков».

Тов. Лапинский считает, что «первая послевоенная фаза капитализма была периодом в особенности в первые годы—борьба за голый факт существования за восстановление нормальных простейших функций и относительного единства самого механизма международного оборота и обмена».

---

[1]) Наглядный пример: достаточно было американскому «Федерал Резерв банку» поднять учетную ставку на полпроцента, как произошел массовый отлив капиталов из Лондона в Нью-Йорк, и только соответствующее повышение учетного процента в Лондоне приостановило этот процесс.

Эта «рабочая» гипотеза т. Лапинского в корне неверна, уже потому одному, что вопрос о рынках, это альфа и омега послевоенного капитализма, никогда не сходил с порядка дня мирового хозяйства.

Проблема рынков в настоящее время еще более обостряется. План Дауэса, непосредственно связанный с экспансией германских или, вернее, германо-американских товаров, вносит лишь новые еще более резкие нюансы в уже определенно наметившиеся элементы англо-американского соперничества.

Другой ошибкой тов. Лапинского является то, что он не увязывает проблему экспорта капитала с проблемой рынков.

Тов. Лапинский пишет: «До некоторой степени параллельно с этой борьбою за рынки будет все более развиваться состязание за овладение громаднейшими участками мирового хозяйства при помощи финансового капитала, обревшего свою метрополию в англо-саксонских странах, прежде всего в С. Штатах, и только теперь пробившего себе более широкий доступ во внешний мир. Завоевание старого материка при помощи вывоза капитала подвигается теперь быстро вперед».

По вопросу о связи экспорта капитала с проблемой рынков т. Лапинский ограничивается лишь указанием на то, что «вывозимый в европейские промышленные страны капитал будет ради обеспечения себе прибыли неизбежно толкать эти страны на завоевание себе соответствующих возможностей сбыта». Между тем в этом вопросе заключается вся проблема плана Дауэса, как важной формы экспорта капитала. Проблема международного кредита, главным образом, сводится, как мы уже указывали выше, к кредитованию американским монополистическим капиталом европейского хозяйства.

Невозможность применения внутри Америки толкает американский капитал на экспансию в Европу. Дело однако не ограничивается тем, что доллары, благополучно переплыв океан, переместились из кладовых Federal Reserve в кладовые Deutsche Bank Круппа или Тиссена. Остается еще одна «мелочь»: необходимо, чтобы эти доллары превратились в товар, а этот товар снова в деньги. Без этого не имеет никакого смысла путешествие долларов. А для того, чтобы товар превратился в деньги, надо иметь покупателя, которого в европейской природе имеется весьма ограниченное количество, а в остальных частях света имеются: английские, американские, французские и собственные туземные товары.

В этом заключается тупик, в который попадает «международное» кредитование, а с ним и сам «план Дауэса».

Характер современного положения мирового хозяйства получает довольно конкретные очертания, если остановиться хотя бы на нескольких наиболее важных фактах в развитии мирового хозяйства в 1924 году.

Важнейшим событием в 1924 году, как по своему абсолютному значению, так и по своим последствиям явился кризис промышленности Северо-Американских Соединенных Штатов, начавшийся отчасти уже в конце 1923 года и достигший своего апогея в первой половине 1924 года.

Остановимся сначала на самом кризисе, а затем перейдем к анализу последствий, которые он за собой повлек.

1923 год был годом значительного расцвета хозяйственной жизни Северной Америки, но уже к концу этого года стали ощущаться грозные предвестия наступающего кризиса.

Наступивший кризис раньше всего отразился на текстильной промышленности в известной связи с общемировым текстильным кризисом [1]). Американская текстильная индустрия стала испытывать серьезные затруднения уже с последней четверти 1923 г. Так за этот период в Фаль-Ривер-Дистрикте из 4 милл. веретен работала только половина, в Лоренсе и Массачузете закрылась почти половина всех текстильных фабрик. Текстильная индустрия Нью-Ингленда работала лишь на 65%.

В 1924 году кризис текстильной индустрии еще более обострился. Около 50% американских прядилен было вынуждено сократить производство. В некоторых предприятиях производство сократилось на 25%. В конце марта 1923 года в С.-А. С. Ш. находилось в действии 35.498.000 веретен. В феврале 1924 года действовало лишь 32.683.000 веретен, в марте—32.392.000, в апреле—31.872.000 и в мае—30.493.000 веретен.

Следующей отраслью промышленности, по которой больно ударил кризис, была металлургия: производство стали в мае сократилось по сравнению с апрелем на 24%, производство железа на 21%. В конце мая 1923 г. заказы на сталь были равны 6.928.089 тонн, в конце февраля 1924 года—4.878.089, в конце апреля—4.208.447 и в конце мая 3.628.089 тонн.

Немного позже ударил кризис по автомобильной индустрии. До марта 1924 года производство автомобилей росло. Так: легковых автомобилей было произведено в январе 1924 года 287,2 тыс., в феврале 336,2 тыс. и в марте—348,2 тыс.; грузовых: в январе—28,2 тыс., в феврале—30,3 тыс. и в марте—33,0 тыс.

Ярким симптомом кризиса является уменьшение доходности железных дорог.

Чистый доход железных дорог равнялся в апреле 1923 года—83.515.300 долларов, в марте 1924 года—80.239.884 долларов и в апреле—61.821.900 долларов. Доходность уменьшилась за год приблизительно на 26%.

Весьма показательным фактором экономического положения страны является положение рынка капиталов. Анализируя состояние рынка капиталов в период депрессии, мы наталкиваемся на два характерных явления: 1) в период депрессии публика, устрашенная ухудшением кон'юнктуры, предпочитает вкладывать свои средства в облигации с гарантированным определенным процентом прибыли, а не покупать промышленные акции, 2) промышленный застой благоприятствует реализации государственных и городских займов.

Оба эти явления имели место в С.-А. С. Ш. Приведем таблицу, характеризующую эмиссию промышленных и железнодорожных

[1]) Более подробно об этом в нашей статье «Мировой хлопковый рынок и кризис текстильной индустрии». «Торгово-Промышленная Газета» от 16 мая 1924 года.

ценных бумаг в С.-А. С. Ш. за первую четверть 1923 г. и первую четверть 1924 года.

	1-я четверть 1923 г.	1-я четверть 1924 г.
	в долларах.	
Промышлен. облигации	575.517.000	455.610.500
„ обязательства	53.270.000	24.550.000
„ акции	351.704.100	95.459.200
Жел.-дор. облигации	119.546.000	143.845.000
„ обязательства	82.032.000	43.659.000
„ акции	2.250.000	—
	1.184.319.700	763.123.700

Анализируя эту таблицу, мы видим, что по сравнению с 1-й четвертью 1923 года 1 четверть текущего года сократилась почти вдвое, главным образом, за счет акций промышленных и железнодорожных, что касается облигаций, то эмиссия части—железнодорожных—увеличилась даже, а уменьшение промышленных облигаций сравнительно в %% незначительно.

Чрезвычайно характерно для положения С.-А. С. Ш. в 1924 году—это положение денежного рынка.

Уже в мае 1924 г. «Федерал. Резерв. Банк» в Нью-Иорке был вынужден снизить учетный процент с 4½ до 4-х. 12 июня не только Нью-Иоркский, но и Бостонский снизили учетный % до 3½. Это самый низкий % за все время существования «Федерал. Резерв». За этими 2-мя банками последовал целый ряд других и из 12 федеральных банков 9 снизило учетн. % до 3½. Частный % еще ниже. Об'ясняется это следующим положением. С 1920 г. начинает усиливаться количество вкладов в банки:

Год.	Количество вкладов.	Индекс.
1920	5.437 м. д.	100
1921	5.777 „	106
1922	6.010 „	111
1923	6.593 „	121
1924 январь	6.878 „	126
1924 февраль	6.939 „	128
1924 март	6.990 „	129

(Виртшафтдинст от 4/VII 1924 года).

Кредитные операции банков за этот период все уменьшались. В то время как в 1919 году было дисконтировано на 4½ миллиардов долл. векселей, это количество уменьшилось к марту 1924 г. до 2,4 миллиард. долларов. Что означает все это? Оно означает уменьшение оборота внутри страны и кризис банков, не производящих кредитных операций, но вынужденных выплачивать проценты за громадные вклады.

Приведенные данные с достаточной наглядностью характеризуют размеры и характер кризиса С.-А. С. Ш.

Промышленный кризис С.-А. С. Ш. в первой половине 1921 г. имел чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития мирового хозяйства. Нам представляется, что любая из основных проблем современного мирового хозяйства имеет свой генезис в последнем американском кризисе.

С.-А. С. Ш. пережили после войны два серьезных кризиса: кризис 1920 года и 1924 года. Эти два кризиса отличаются друг от друга не только по своим размерам, но и по своим последствиям. В то время, как кризис 1920 года, будучи изжит расширенным потреблением внутреннего рынка, явился толчком к политике автаркии Соед. Штатов, к игнорированию внешних рынков, кризис 1924 года доказал американской промышленности иллюзорность представления, имевшего достаточное число приверженцев, о Соед. Штатах как о Weltwirtschaftlicher Weltteil (часть света в мировом хозяйстве), по выражению Германа Леви, усилив внимание в сторону внешней торговли. Этот поворот в сторону внешней торговли, так называемая эра «гуверской» торговой политики, начинается уже с 1923 года, года невиданного расцвета американской промышленности и, на ряду с этим, ощущаемых уже на внутреннем рынке симптомов грядущей депрессии.

Кривая товарного экспорта Соед. Штатов Сев. Америки по отдельным циклам рисуется следующим образом; усиленный экспорт товаров во время мировой империалистической войны в Европу и в колонии, которые не снабжаются своими старыми метрополиями усиленный экспорт непосредственно после войны, падение экспорта после кризиса 1920 года с новым под'емом с конца 1923 года.

Одним из характерных особенностей американского экспорта является все усиливающаяся тенденция его индустриализации. В 1923—24 году готовые фабрикаты составили свыше половины всего экспорта. Таблица увеличения экспорта из С.-А. С. Ш. в отношении 1910—1914 года, составленная на основании материалов Statistical Researh Division of Commerce Departement дает интересную картину.

Процент увеличения американского экспорта в отношении 1910—1914 г.

Группы товаров	1910—1914	1921—1922	1922—1923	1923—1924
Сырье для обработки	100	131	144	185
Пищевые продукты, сырье и животные продукты	100	411	312	161
Переработанные пищевые продукты	100	211	198	191
Полуфабрикаты	100	121	143	174
Фабрикаты	100	185	215	238
Разные	100	96	87	76
	100	174	182	198

Из этой таблицы мы видим, что наибольшее увеличение относится к фабрикатам и полуфабрикатам. Этот стремительный рост индустриализации экспорта С.-А. С. Ш. Шульце-Геверниц в одной из своих статей в «Frankfurter Zeitung» считает: «Индустриальной революцией, напоминающей Англию в начале XIX века».

Эта тенденция индустриализации экспорта, кроме всего прочего, имеет большое значение в отношении определения направления экспорта. Преобладающее значение как рынки сбыта американских фабрикатов получают внеевропейские страны, а не Европа, задыхающаяся от избытка собственных фабрикатов. Выступая же на азиатских, австралийских и даже на южно-американских рынках С.-А. С. Ш. неизбежно сталкиваются с конкуренцией европейских, главным образом, английских товаров.

Совершенно неправ тов. Радек, когда он в своей статье «На путях к новой Антанте» пытается ad majorem gloriam англо-американского сотрудничества провести между ними разделение труда: Америка займется вывозом капитала, а Англия вывозом товаров. Американская промышленность, быть может, не так остро, как Англия, но в весьма значительной степени заинтересована в интенсификации своего товарного экспорта. Достаточно только присмотреться к той организационной деятельности, которую под руководством Гувера развивает Commerce Departement. А раз С.-А. С. Ш. вынуждены экспортировать и товары, они, при современном сужении покупательной способности мировых рынков, индустриализации колоний и т. д., неизбежно должны столкнуться с мировым экспортером—Англией.

Это одно из важнейших последствий американского кризиса 1924 года.

Другим последствием кризиса С.-А. С. Ш. в 1924 году явился усиленный экспорт капиталов из Америки и его инвестиции на мировом рынке.

За время войны С.-А. С. Ш. сумели не только расплатиться со своими государственными долгами, но и превратиться в кредитора целого ряда государств. Задолженность иностранных государств С.-А. С. Ш. на 15 марта 1922 года равнялась почти 11,5 миллиардов долларов.

В Америке скопился колоссальный запас золота (свыше половины мирового запаса), равняющийся $5^1/_2$ миллиардам долларов. Между тем в силу разразившегося кризиса этот капитал лежал мертвым грузом, не имея возможности быть примененным.

Перед С.-А. С. Ш. остро стал вопрос о необходимости экспорта капитала. 1924 год явился годом активнейшей денежной экспансии С.-А. С. Ш. на внешнем рынке, главным образом, на европейском.

Изменения на американском рынке капиталов видны из следующей таблицы:

Из общей суммы займов пришлось на долю (в милл. долларов)

	1912	1921	1922	1923	1924
Государственных внутренних	435	1348	1463	1358	2000
„ внешних	—	405	515	213	828
Частных эмиссий внутренних	2353	1809	2253	2708	3367
„ „ внешних	—	15	82	243	279

В то время, как до войны иностранные займы совершенно отсутствуют, в 1921 г. они составляют около 12%, а в 1924 году достигают 20% общей суммы эмиссии.

Общая сумма иностранных займов по официальным данным в 1924 г. составила 1.268 милл. долларов против 538 милл. долларов в 1923 и 841 в 1922 г. Действительная сумма иностранных инвестиций американского капитала за границей, повидимому, еще больше.

Из общей суммы заграничных эмиссий С.-А. С. Ш. около половины (568 милл. долларов) ушло в Европу, из них Германия получила 110 миллионов долларов, Франция 100 милл. дол., Бельгия 50 милл. долларов, Голландия 40 милл. дол., Швеция—30 милл. дол., Швейцария—30 милл. дол. и т. д.

Кроме Европы, крупные займы получили Канада—244 милл. дол., Япония—187 милл. дол., Аргентина—75 и т. д.

Усиленный экспорт капитала из Америки явился вторым следствием кризиса промышленности в С.-А. С. Ш.

Таким образом, кризис промышленности в С.-А. С. Ш.—крупнейшее событие в мировом хозяйстве в 1924 г.—явился первопричиной тех изменений, которые произошли в европейском хозяйстве.

Это придает своеобразный колорит пресловутому процессу «восстановления» мирового хозяйства.

Какие выводы можно сделать из всего вышесказанного? Можно ли согласиться с наличием «новой фазы империализма», означающей перелом в развитии мирового хозяйства?

Отнюдь нет.

О каком-либо серьезном переломе в мировом хозяйстве, о ликвидации послевоенного кризиса говорить нельзя.

Дело не в том, увеличилась ли на несколько тысяч тонн добыча железа в сравнении с предыдущим годом [1]), стабилизовалась ли временно германская марка, вывезено ли из Америки больше или меньше долларов, все эти обстоятельства как в настоящем, так и в видимой перспективе «не делают еще весны ликвидации кризиса».

Органический кризис капиталистической системы после войны, характеризуемый отсутствием устойчивого равновесия, несмотря на некоторые временные улучшения, еще не изжит. Нельзя сказать, что буржуазия не пытается что-либо предпринять на этом пути, но это ей не удастся не только в интернациональном, но и в национальном масштабе.

Мы имеем грандиозные попытки планирования хозяйства на базе электрификации в Америке, в Англии и отчасти в других странах. Однако, при капиталистической системе производства и распределения, идея плановости остается либо абстрактной идеей, либо новым стимулом для обострения внутренних противоречий. Тем менее осуществимо какое-либо серьезное регулирование в интернациональном масштабе. Тов. Лапинский значительную роль в восстановлении мирового хозяйства уделяет международному картелированию. Не говоря уже о том, что современное интернациональное картелирование представляет собой лишь жалкую пародию довоенных интернациональных картелей, поскольку эти картели образуются, они не организуют капитализм,

[1]) Кстати сказать, мировое производство железа, стали и чугуна показывает в 1924 г. уменьшение в сравнении с предыдущим годом.

а обостряют имеющиеся противоречия. Нагляднейший пример: стальной трест, направленный, главным образом, против английской железо и сталепромышленности. Проблема современного капитализма это проблема рынков. Покуда не найден ключ к этой проблеме, нельзя восстановить равновесия капитализма.

P. S. Настоящая статья была написана накануне расширенного пленума ИККИ. Нам представляется, что в настоящее время вопрос о „стабилизации" мирового хозяйства в значительной степени потерял свою остроту. Падение Эррио, сломавшего себе голову на инфляции, депрессия в целом ряде отраслей мирового хозяйства (металлы, шерсть, хлопок, текстили), неустойчивость Северо-Американского boom'а, понижение курсов германских займов, размещенных на Нью-Иоркской бирже, и целый ряд других симптомов, ощущаемых в последние месяцы, иллюстрируют достаточно показательно высказанные нами выше положения. С другой стороны, пленум ИККИ сумел дать достойный отпор правым элементам, питавшим свои корни иллюзиями «стабилизации» капитализма. Наконец, после последней статьи тов. Радека, в которой он пишет: «Капиталистическая Европа переживает теперь попытки стабилизации (курсив тов. Радека»), спорить как будто больше не о чем. «Попытки стабилизации» еще нигде не увенчались успехом. Даже в тех случаях, где они наиболее сильны, как, например, в Германии, испытание стабилизации еще впереди. Франция подходит к преддверию крупного кризиса, который должен привести только к попытке «стабилизации». Однако, в этом нет никакой новой «фазы». Буржуазия всегда «пыталась» стабилизовать капиталистическое хозяйство. Вопрос лишь в том, насколько эти попытки оказались и окажутся удачными.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература о плане Дауэса.

Э. ГОЛЬДЕНБЕРГ.—«Германское хозяйство и репарации». (Социалистическое хозяйство. Кн. 5).

Проф. ФАЛЬКНЕР.—«Экономические основы плана Дауэса». (Плановое хозяйство за 1925 г., кн. 1).

Дм. БУХАРЦЕВ.—«План Дауэса (популярный очерк)». Издат. Госплана СССР, 1925 г.

Г. Г. СОЛОВЕЙ.—«План Дауэса в популярном изложении». Финансовое издательство НКФ СССР. Москва, 1925 г.

План Дауэса—интереснейшая проблема современного капитализма—продолжает привлекать к себе внимание экономистов СССР. Рассмотрим несколько из позднейших работ на эту тему.

Наиболее своеобразной является, несомненно, статья Гольденберга в «Соц. Хозяйстве». Эта статья распадается на две части.—В первой части Гольденберг старается доказать, что в Германии за четырехлетний период 1919—1923 г. до оккупации Рура накопление не имело места. Положение почти бесспорное. Ведь в 1919 г. Германия потеряла около 12 миллиардов загранич. капиталов своих, потеряла много миллиардов железнодорожного имущества и морской флот. Доказывать, что в результате этих четырех лет Германия не богатела, а беднела—значит ломиться в открытую дверь. Однако, тов. Гольденберг пытается доказать и другое положение. Он авторитетно заявляет, что нельзя отделить трехлетний период (1920—1922) от 1919 г. с его вивисекцией германского народного хозяйства, так как, по мнению Г., «ни один платеж не может быть рассмотрен, как однократная вивисекция», платежи одного года оказывали влияние на последующие годы, например, Германия, лишившись загранич. капиталов, этим самым лишилась возможности покрывать дефицит своего торгового баланса. Непонятно только, почему Г. считает необходимым раскладывать платежи 1919 г. на следующие 3 года, а не на 30 или на 300 лет? Вопрос, ведь, именно и стоит таким образом. Имело ли в Германии за 3-летний период 1920, 1921, 1922 г.г. место накопление капитала, несмотря на вивисекцию 1919 г., которая это накопление, несомненно, затрудняла. И если оказывается, что национальное достоинство Германии за этот 3-летний период возросло больше, чем ее задолженность за этот же период, тогда факт накопления налицо, несмотря на вивисекцию. Так и сделал тов. Мендельсон в своей работе.

Для опровержения утверждения тов. Мендельсона надо было доказать, что его данные неверны. Абстрактными, хотя крайне «авторитетными» рассуждениями, этого делать нельзя.

Во второй части своей статьи тов. Гольденберг пытается доказать, что союзники планом Дауэса хотят аграризировать Германию. Заранее зная, что план Дауэса неосуществим, они ей его навязали, чтобы добиться второй оккупации Рура и окончательной гибели германской промышленности. Доказательства этой мысли в статье Гольденберга более чем странны и противоречат всем нашим представлениям

о капитализме и империализме. Гольденберг утверждает, что, так как Германия, как промышленная страна, не может иметь такого активного торгового баланса, чтобы активом покрывать репарац. платежи, то осуществление плана Дауэса должно привести к дезиндустриализации Германии. Он не допускает мысли о возможности импорта иностранных капиталов в Германию и платежа репараций этими капиталами. Между тем, такая возможность, несомненно, существует, хотя она чревата большими трудностями. Иностранный капитал будет в таком случае все больше внедряться в германскую промышленность. Германия будет платить репарации не товарами (активом торг. бал.), а основным капиталом—фабриками, жел. дорогами и т. д. Ведь пассивный торговый баланс отнюдь не означает, что Германия больше потребляет, чем производит. Он только означает, что она больше ввозит, чем вывозит. Внутри страны может итти накопление новых богатств. Иностранные капиталы будут иммигрировать в Германию ради прибыли и ради процентов. Дают же прибыль германские фабрики и при пассивном торговом балансе. Прямо непонятны слова Гольденберга «Германия, как промышленный филиал, С. Штатам не нужна. Разделение труда между американской и германской промышленностью это бессмысленная мелкобуржуазная утопия. Утопия потому, что современный капитализм империалистический, воюющий за монополию, стремящийся к безграничной экономии, не договаривающийся со своими конкурентами, добивающий их до конца». Эти слова, действительно, звучат, как мелкобуржуазное представление об империализме. Разве для империализма не характерен как раз вывоз капиталов и индустриализация этим самым отсталых стран? Империалистический капитализм стремится к монополии, но не так, как стремились английские фабриканты начала XIX в., которые запрещали своим колониям иметь свою промышленность; он прибирает к рукам разные отрасли промышленности во всем мире и устанавливает свою монополию. Ведь, это же азбучные истины, десятки раз доказанные Лениным (см. особенно его речь на II конгрессе Коминтерна и предисловие к немец. изданию «Империализма» (7. XVII).

До сих пор (до мировой войны) империалисты экспортом капиталов эксплоатировали, главным образом, пролетариат и крестьянство отсталых стран, и борьба шла из-за раздела этих стран. Теперь империалисты этих стран победительниц хотят участвовать в грабеже пролетариата, а также крестьянства промышленных стран (Австрия и Германия). В этом весь смысл плана Дауэса.

Вообще в статье Гольденберга удивительная путаница и неясность в представлении об империализме. Так, на стр. 214 читаем: «Метрополия по отношению к колонии является страной, экспортирующей капитал, а не товары, как это в кричащем противоречии с фактами утверждает Р. Люксембург». (Это, конечно, сущая ерунда. Метрополия экспортирует в колонии и т о в а р ы и к а п и т а л ы, как известно всякому. Колониальная политика империалистских держав определяется, однако, интересами вывоза капитала, а не товаров. Это доказал Ленин в «Империализме». Люксембург этого не видела. В этом одна из ее ошибок). Итак, Гольденберг стоит на точке зрения Ленина. Так и запишем. На стр. 216, однако, читаем: «Борьба между Англией, Германией и Соед. Штатами шла за то, кому стать мировой фабрикой и весь остальной мир превратить в свое аграрное дополнение». Но раз вывоз капитала, а не товаров играют главную роль, то борьба, значит, шла из-за того, кому быть мировым б а н к и р о м, а не мировой фабрикой? Ведь, по Ленину империализм есть загнивание капитализма, когда благодаря экспорту капиталов, несколько стран превращаются все больше в рантье, а весь остальной мир заставляют работать на себя??? Но, ведь, теория аграрного дополнения Каутского давно опровергнута Лениным??? Но, ведь, Гольденберг только что об'яснился в верности теории Ленина???

Или чего стоит такой перл: «Вся история капитализма говорит о том, что лучше оплачиваемый рабочий выгоднее хуже оплачиваемого, так как производительность его труда выше». Поистине классический пример путаницы и смешения причины со следствием. Маркс в I т. «Капитала» в XX гл. говорит, что английский рабочий выгоднее русского, хотя первый дороже, так как в то время, как на 1 русского рабочего приходится 28 веретен, на 1 английского рабочего приходится 74. Но нигде, никогда ни Маркс, ни кто-либо другой не договорился до такой благоглупости, что дорого оплачиваемый английский рабочий выгоднее капиталисту, чем тот же рабочий, только дешевле оплачиваемый. А, ведь, у Г. речь идет о квалифицированном (в некоторых отношениях превосходящем американский раб. класс, как сам Г., должно быть, знает) германском пролетариате. Вся история капитализма (и не только капитализма) говорит о другом. Она говорит о непрекращающейся борьбе классов из-за прибавочного продукта, из-за норм эксплоатации, из-за уровня заработной платы. Рабочие борются за высокую заработную плату, предприниматели стараются ее понижать. Правда падение заработной платы нередко вызывает падение и производительности труда. Но в том-то и состоит наступление капитала (а план Дауэса—один из его этапов), что разными ухищрениями, потогонной системой капиталисты стараются понижать заработную плату, не понижая производительности труда. И это им, как всем известно, пока удается. Или капиталисты не понимают своих интересов???

Или как назвать такое утверждение Гольденберга? (стр. 215) «Англия имела пассивный торговый баланс по отношению к о в с е м б е з и с к л ю ч е н и я с т р а н а м м и р а». Сказано сильно, а забыта... 300-миллионная аграрная Индия, первая в мире потребительница английских товаров, занимавшая первое место в английском экспорте, по отношению к которой Англия всегда почти имела активный торговый баланс. Но satis; статья Г. с ее неправильными, неточными (хоть и «авторитетными») формулировками, ошибками и путаницей может служить только образцом того, как н е следует писать о плане Дауэса.

Не особенно большим вкладом в литературу о плане Дауэса, а совсем даже наоборот, является и книжка Бухарцева, которая представляет собою сочетание популярного изложения плана Дауэса с весьма спорными (нередко грубо ошибочными) положениями, высказанными тоже в весьма авторитетном тоне.

Из книжки (стр. 24) мы узнаем, что Америка вмешалась в войну, чтобы добить умирающую Германию. До сих пор все авторитеты (и военные и дипломатические) Антанты и Германии, однако, считали непреложной истиной неизбежную победу Германии, если бы Америка не вмешалась в войну. И именно боязнь победы Германии и заставила С. Шт. после крушения русского фронта принимать активное участие в мировой бойне.

Оказывается (стр. 21), что оккупация Рура разорила германское народное хозяйство, так как лишила его 80% всего производства стали. А, ведь, на самом деле, отсутствие рурского у г л я больнее в с е г о ударило по германской промышленности.

На стр. 75 автор утверждает, что реальная заработная плата в Германии не достигает и половины довоенной, а на стр. 55 читаем: «эту сумму (200 золотых марок) получает ежемесячно в среднем боль-

шее количество квалифицированных рабочих и служащих в Германии». Одно из двух: либо германские рабочие получают гораздо больше половины довоенной заработной платы; либо большинство («большее количество») квалифицированных рабочих получает гораздо меньше 200 золотых марок в месяц. Мы тут не будем разбирать, какая из этих двух цифр ближе к истине, и вообще ли близка одна из них к истине. Укажем только, что квалифицированные рабочие берлинской подземки получают в среднем 130—160 марок в месяц. И это в Берлине!

Не можем мы согласиться и с основным тезисом Бухарцева: «тщетно пытается мировая буржуазия выбраться из безысходного тупика, в который ее вогнала история» (стр. 5). Уже на II конгрессе Коминтерна Ленин всей силой своей аргументации доказал, что безвыходных положений для капитализма нет; и что подобные «безысходные» теории только вредны пролетариату. Неверна и первая часть этого тезиса. На XIII московской губконференции т. Сталин сказал: «Дело обстоит так, что мировой капитал после войны, пережив несколько кризисов, стал оправляться. Это надо признать. Основные страны-победительницы—Англия и Америка—возымели теперь такую силу, что получили материальную возможность не только у себя дома поставить дело капитала более или менее сносно, но и влить кровь во Францию, Германия и другие капиталистические страны». При таких условиях авторитетно заявлять «тщетно» по крайней мере слишком смело. Конечно, капитализм оправился только временно. В конце-концов он погибнуть должен. Но временно он все-таки оправился, отрицать это было бы смешно.

На стр. 35 Бухарцев пишет: «Наряду с промышленным и сельскохозяйственным кризисом, потребность в вывозе капитала заставила Америку вмешаться в решение репарационного вопроса». А на стр. 60, автор, в противоречие со всем предыдущим, заявляет: «Европа, которая имеет в глазах американцев небольшое значение, как рынок товаров, является, однако, весьма удобным рынком для вывоза туда и привлечения там американского капитала». Неверно, конечно, что Европа уже теперь имеет в глазах американцев небольшое значение, как рынок товаров. Верно то, что план Дауэса продиктован, главным образом (а не «наряду») интересами экспорта капитала, так как в эпоху империализма, как доказал Ленин, эти интересы господствуют над интересами вывоза товаров. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает в плане Дауэса.

Более серьезную работу представляет собой, несомненно, статья проф. Фалькнера, но и со многими ее положениями трудно согласиться. Проф. Ф. старается доказать, что экономически план Дауэса осуществим, так как Германия с ее национальным доходом в 49,42 миллиарда марок (по вычислениям Ф.) в состоянии платить союзникам 2,5 миллиарда в год. Иначе смотрит Ф. на политические последствия этого плана; его выполнение чревато обострением противоречий между союзниками; весьма вероятно по мнению Ф. снижение платежей, но не ликвидация плана.

В статье Ф. по нашему нет достаточной оценки роли С. Ш. Америки и плана Дауэса, роли их свободных капиталов, стремящихся к эмиграции. Тут не столь важна формальная сторона (нейтралитет С. Штатов), как фактическая их роль на Лондонской конференции и до нее и крайнее давление на Францию, всецело зависящую от их кредитов из-за падения франка.

Весьма сомнительны также официальные данные о заработной плате рабочих и служащих в Германии, на которые опирается Ф. По этим данным реальная заработная плата почти равна довоенной. Мы знаем,

как обыкновенно получается такое благополучие со статистикой заработной платы, особенно в Германии. Для этого размеры дороговизны чуть-чуть понижаются; вместо розничных цен берутся оптовые; уровень современной денежной заработной платы чуть-чуть повышается, а довоенный уровень чуть-чуть понижается, и получается превратная картина. Неверно также, что подобные данные нигде не оспаривались. В коммунистической прессе Германии их подвергали резкой критике, они оспаривались и в с.-д. прессе и кажется даже в «Vorwäts'e». Неверно также утверждение Ф., что американцы, привыкшие к высокому процентированию своих капиталов, навряд ли пойдут в Европу и особенно в Германию. Высокий процент в Америке принадлежит прошлому, когда она была страной импорта капиталов. Сейчас она—страна экспорта капиталов с учебным процентом, иногда опускающимся до 1. Американские капиталы бурно устремляются в Европу (за 1924 г.—1,2 миллиарда долларов) и в Германию в частности. Германия тем выгоднее для импорта американских капиталов, так как контроль почти всего ее народного хозяйства в руках иностранцев, читай американцев.

В разборе политических последствий плана Дауэса у Ф. неправильно, по нашему, освещены будущие взаимоотношения держав Антанты. Совершенно умалчивается о неизбежной конкуренции между Англией и Америкой (два экспортера капитала). Ни слова не говорится и о позиции пролетариата других стран, особенно Англии.

И, наконец, мы никак не можем согласиться с Ф., что высота репарационных платежей—это второстепенный элемент плана Д., первостепенным же элементом является только контроль германского хозяйства. По нашему мнению, контроль и высота платежей—это две стороны одной медали. Без платежей или при очень низком уровне платежей контроль теряет свой смысл. Без контроля, в свою очередь, нет уверенности в платежах. Чем выше платежи, тем строже, тем чувствительнее контроль. Если бы союзники требовали от Германии допущения одного только контроля (для чего; ведь, военный контроль уже существует все равно?) ее хозяйства—это было бы ей неприятно, но было бы несомненно осуществимо. Другое дело, когда они требуют репараций (и даже Америка требует). Тогда план Дауэса становится во всяком случае трудно осуществимым. И эта трудность возрастает с высотой платежей и исчезает по мере их понижения. Разделить эти два явления на первостепенные и второстепенные никак нельзя.

Четвертая работа—«План Дауэса» т. Соловья состоит из двух частей: из предисловия т. Рейнгольда и из изложения плана Дауэса т. Соловьем. Книжка т. Соловья представляет собою довольно популярное и более или менее правильное изложение доклада комиссии экспертов, без всякой отсебятины со стороны автора, как «авторитетной», так и неавторитетной.

Недостаток этой работы заключается в отсутствии дополнительных данных о решениях Лондонской конференции. Лондонская конференция состоялась летом 1924 года, она конкретизировала доклад комиссии экспертов и внесла в него некоторые (правда, весьма незначительные) изменения. Следовало бы в работах, издаваемых у нас в 1925 г. ознакомить читателя и с решениями этой конференции, т.-е. с теми конкретными мероприятиями, которые намечены для осуществления этого плана.

Предисловие т. Рейнгольда дает краткую историю репарационной проблемы и об'яснение линии разных держав в этом вопросе, а также краткое изложение причин и возможных последствий плана Дауэса. Оно, однако, не свободно от некоторых ошибок. Нет ясного представле-

ния конкретных причин доклада экспертов, не выяснена достаточно ясно роль экспансии американского капитала в этом вопросе. В некоторых местах имеются неправильные утверждения. Так, на стр. 10, например, т. Рейнгольд заявляет: «хотя вывоз в промышленной жизни Америки не играет такой огромной роли, как в Европе (где он составляет от $1/4$ производства до $1/2$ и даже до $2/3$)». Нам неизвестен ни один пример европейской страны, где вывоз (до и после войны) составлял бы $1/2$ или даже $2/3$ всего ее производства. Даже в английской шерстяной промышленности экспорт не превышает 5%, а позже даже только 3% внутреннгео потребления (Данные Брэдфордской торговой палаты. См. «Мировое хозяйство». Москва 1922 г., стр. 15).

Если бы не было отмеченных дефектов, работу т. Соловья можно было бы смело рекомендовать читателю, желающему получить общее представление о плане Дауэса.

Но и сейчас при некоторых своих недостатках книжка т. Соловья не является одной из худших работ по плану Дауэса и с некоторыми оговорками может быть рекомендована вниманию читателя.

И. Литвинов.

Н. Бухарин. Империализм и накопление капитала—Госиздат, 135 стр.

В одной из своих старых работ (Каутский—«Теории кризисов», изд. Моск. Раб., 1923 г.), посвященной борьбе с ревизионизмом во главе с Бернштейном и с русской разновидностью ревизионизма и ее представителем—«легальным марксистом» Туган-Барановским, в работе, которая пророчески предсказала, что ревизионизм превратит германскую социал-демократию из партии пролетарской классовой борьбы в демократическую партию, или левое крыло демократической партии социалистических реформ, немецкий теоретик социал-демократии Каутский высказал несколько интересных мыслей о связи теории с практикой, которые мы считаем нелишним здесь привести. Предвидя по поводу своей теории кризисов и своей критики Тугана и Бернштейна упрек со стороны «практиков» в излишнем академизме, Каутский заявлял тогда: «На самом деле этот вопрос (о кризисах—Л. Э.) имеет большое практическое значение и именно для понимания тактических разногласий, которые дебатируются теперь у нас в партии. Это не случайность, что ревизионисты особенно жестоко нападают на марксову теорию кризисов... Теория и практика находятся в самом тесном взаимодействии друг с другом; нельзя изменять одной без того, чтобы не быть вынужденным соответствующим образом изменить и другую» (67). Последующие события показали, что Каутский оказался прав во всех отношениях с той только поправкой, что в своих «пророчествах» старик забыл о себе, но давно ведь сказано, что «несть пророка в собственной стране».

В настоящее время, в иной исторической обстановке, приходится снова иметь дело с ревизией Маркса (в который раз?—*Л. Э.*), но уже с другой стороны, с ревизией «слева», которая выступает под привлекательным флагом люксембургианства. И на этот раз всякий понимает, что речь здесь идет не о «чистой» теории или об академических препирательствах, что за сухими формулами Маркса о воспроизводстве общественного капитала, к которым несколько пренебрежительно относится их позднейший критик Р. Люксембург, стоят животрепещущие, злободневные проблемы мировой пролетарской борьбы. Проблема «третьих лиц», выдвигаемая Р. Люксембург, связана с вопросом о возможных союзниках пролетариата в классовой войне против буржуазии. От нее же радиусами расходятся не менее существенные вопросы, как национальный, колониальный, крестьянский, отношение к профсоюзам и пр.

Подобно тому, справедливо замечает т. Бухарин, как «подход к теоретическому доказательству, цепь аргументов (Розы Люксембург—*Л. Э.*), ведущая к подкреплению тезиса о необходимости империализма и его крушения, неправильна в целом ряде своих звеньев, так неправилен и ряд тактических лозунгов, долженствующих вести к практическому «доказательству» т.-е. к превращению оружия критики в критику оружием» (Бухарин—«Империализм и накопление капитала», 134).

Первая аванпостная стычка с люксембургианством произошла на V конгрессе Коминтерна по вопросу о программе. Естественное развитие мировой пролетарской борьбы должно было, ходом вещей, рано или поздно поставить вопрос о преодолении ошибок основоположника «Спартак» и его последователей в целом, что и было сделано на последнем пленуме Исполкома Коминтерна. Этому должно было предшествовать преодоление теоретических положений Розы Люксембург, каковая задача и выполнена тов. Бухариным в его последней работе «Империализм и накопление капитала».

Основной вопрос, который «мучил» Розу Люксембург, это—вопрос о реализации или капитализации прибавочной ценности, короче, проблема накопления капитала. Кто реализует постоянно возрастающую ценность? Что делают капиталисты со своей все возрастающей прибавочной ценностью?—вот проблема, беспокоившая Розу Люксембург. В предисловии к «Накоплению капитала» (Госиздат, 1923) она подробно рассказывает об этом: «При популяризации экономического учения Маркса я натолкнулась на неожиданное затруднение. Мне не удавалось представить с достаточной ясностью совокупный процесс капиталистичекого производства, в его конкретных отношениях, а также его об'ективные исторические границы». Итак, только потому, что автору «Накопления капитала» неясна была проблема, что в ее разрешении он натолкнулся на «неожиданное затруднение», которого он не мог теоретически преодолеть и т. д., выяснилась необходимость ревизии Маркса и выросли «противоречия» Капитала. Нечего сказать, хороша аргументация!

Неосведомленный читатель цитированного предисловия может подумать, что «сомнения» Р. Люксембург зародились в ней впервые, на самом же деле это будет грубым заблуждением. Стоит только перелистать дискуссию, развернувшуюся в 90-х годах по тем же вопросам в русской легальной марксистской прессе, чтобы убедиться, что еще задолго до Р. Люксембург оказалось немало экономистов и, в первую очередь, среди народников, которые тоже натолкнулись на «неожиданное затруднение» в вопросе о совокупном процессе капиталистического производства, при чем на их стороне, по сравнению с Р. Люксембург, в смысле безошибочности теоретического прогноза, не было преимущества, так как они принадлежали к стране, стоявшей у порога капиталистического развития, когда только такой несравненный мастер марксистского метода, как Ленин, с такой ясностью предвидел будущие «судьбы капитализма» в России.

Вчитываясь в эту дискуссию, мы видим, что ее участники так же, как и Р. Люксембург, аргументируют третьим томом Капитала против второго (напр., Ратнер), что вместе с Розой они приходят к выводу о необходимости «третьих лиц» (внешних рынков) для возможности развития капитализма в России. Особенно близка оказывается позиция Струве, в этом вопросе приблизившегося к народникам, к защищаемым Р. Л. заключениям, несмотря на огромную пропасть между социально-поли-

тическими воззрениями обоих. В этом отношении интересны следующие выводы будущего автора «Великой России». «Самодовлеющего капиталистического общества, утверждал Струве, существовать не может, так как в нем прибавочная ценность перестанет капитализироваться, другими словами, расширенное производство будет невозможно... Развивающееся капиталистическое общество всегда нуждается во внешних рынках в смысле группы, стоящих вне данной капиталистической системы, производителей (П. Струве—Заметка к вопросу о теории рынков «Науч. Обозрение», 1899 г., № 1)». К этому, собственно, сводится и «теория» Р. Л., если абстрагироваться от связываемых с ней (теорией) политических тенденций.

Критика этой теории, которой посвящен «теоретический этюд» тов. Бухарина, ведется последним, по его собственному выражению, в двух направлениях: по магистрали рассуждений Р. Люксембург и по отдельным ветвям этих рассуждений. В первых главах речь идет по преимуществу о вскрытии отдельных невязок в аргументации Р. Л., чтобы в последующих главах увязать их в решающий узел. В соответствии со стратегией автора «Накопления капитала», который ведет атаку против Маркса разомкнутым строем, тов. Бухарин шаг за шагом отмечает все логические вывихи в его характеристике процесса капиталистического производства и воспроизводства, смешение им различных форм, которые в своем движении принимает капитал, и высмеивает нелепую постановку вопроса о «целях капиталистического производства». В краткой заметке мы, конечно, лишены возможности звено за звеном проводить всю блестящую и острую аргументацию, которую тов. Бухарин развивает в связи с рассуждениями Р. Л. Скажем только, что уже первоначальные замечания тов. Бухарина беспощадно разоблачают теоретическую непоследовательность Р. Л. и убедительно показывают, что, несмотря на внешнюю революционность этой позиции, выводы и перспективы, из нее вытекающие, ни в коем случае не являются революционными. Чтобы читателю сразу ясна стала основная ошибка учения Р. Л., остановимся на методических указаниях тов. Бухарина, так как они, действительно, вскрывают все уязвимые места люксембургианства.

Методологический корень ошибки Р. Л., метко замечает тов Бухарин, состоит в том, что он не видит в капиталистическом общественно-производственном организме «единства противоположностей». Апологеты не видят в нем лишь момент е д и н с т в а (94) «Апологетика, писал Маркс, состоит... в фальсификации простейших экономических отношений и специально в том, чтобы д е р ж а т ь с я з а м о м е н т е д и н с т в а п р о т и в м о м е н т а п р о т и в о п о л о ж н о с т и» (Теория прибавочной ценности 11—2, приведено у тов. Бухарина, 95). Ошибку апологетов, прибавляет тов. Бухарин, отлично видит Р. Л. Но есть и другая ошибка. Ибо нужно видеть не только противоположности, но и е д и н с т в о. В кризисах со стихийной силой это единство и утверждает себя, тогда как по Розе Люксембург это единство в о о б щ е н е в о з м о ж н о. Другими словами, Р. Л. ищет в капитализме п л о с к и х, формально логических противоречий, которые не динамичны, не разрешаются, не являются элементами противоречивого единства, н а г о л о отрицают это единство. В действительности же перед нами д и а л е к т и ч е с к и е противоречия, которые суть противоречия целого, которые периодически разрешаются, постоянно воспроизводятся и только лишь на определенной ступени развития взрывают всю капиталистическую систему, как таковую, т.-е. уничтожают вместе с самими собой и прежний тип «единства» (96, курсив тов. Бухарина). В этом методическом грехопадении—ахиллесова пята люксембургианства по всей линии его теоретических конструкций, а не только в проблеме кризисов, что как будто явствует из контекста. С другой стороны, непонимание противоречивого характера капиталистического целого, отрицание капиталистических противоречий есть теоретическая база русского апологета—Тугана. Несмотря на различие исходных пунктов, оба теоретика—и Роза Люксембург и Туган—приходят к конструированию нового противоречия у Маркса—противоречия между 2 и 3 т. «Капитала». На самом же деле, «критики» обнаруживают, что не усвоили Марксова метода в целом и его применения в «Капитале» в частности.

Маркс различает м а т е р и а л ь н о - т е х н и ч е с к и й п р о ц е с с п р о и з в о д с т в а и с о ц и а л ь н у ю ф о р м у, которая этот процесс принимает. «Процесс труда..., пишет он, есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, общее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» (Капитал 1 т., 160). Но, вместе с тем, Маркс указывает на двойственный характер процесса производства. «Двойственность производственного процесса, подчеркивает он, состоит в том, что, с одной стороны, он есть общественный процесс труда, имеющий целью изготовление продукта, с другой стороны—процесс самовозрастания капиталистической стоимости» (1 т., 320). Таким образом, Маркс видит в каждом экономическом явлении сложное взаимодействие, меж тем, как, обычно, экономисты фиксируют внимание на одной стороне явления, благодаря чему получают искаженное представление об экономическом процессе. Рекорд в этом отношении побил Туган. Смешение потребительной и меновой ценности, отождествление продажи и покупки, неправильное представление о связи между производством и потреблением вытекают из неумения русского экономиста различать между о б щ е с т в е н н о й ф о р м о й и м а т е р и а л ь н ы м с о д е р ж а н и е м и, с другой стороны, облегчают ему теоретическую возможность представить капиталистическое общество, как вполне гармонический строй. Специфически-историческая особенность капиталистической системы, как системы производства, выпячивается в первую очередь, чтобы затушевать действие внутри этой системы законов природы, которые существуют независимо от исторической формы, общественной организации, но проявление которых при капиталистическом способе производства осуществляется в противоречивой форме, разрешаясь от времени до времени в виде кризисов. Наличность в капиталистическом обществе конфликтов, антагонизмов и воспроизводство все расширяющихся противоречий не уничтожает того обстоятельства, что и буржуазный строй худо ли, хорошо ли служит, в конечном счете, для удовлетворения потребностей общественного целого, иначе общественная система не могла бы существовать.

Этого, в свою очередь, не замечает Р. Люксембург, которая в этом месте не удерживается на широком фундаменте Марксова метода. В противовес Тугану ее внимание сосредоточено на противоречии между производством и потребителем. Он видит только к о н ф л и к т между ними, но не понимает с в я з и, существующей при капитализме между производством и потребителем. Попытка Розы Люксембург призвать на помощь «третьих лиц» ни в коем случае не может служить разрешением поставленной ею «проблемы». Обмен с некапиталистической сферой, если даже он совершается на основе эквивалентности (на самом деле, всегда с выгодой в пользу капиталистической стороны), не устраняет затруднения. Ведь насколько видно из контекста «Накопления капи-

тала», главная трудность проблемы, с точки зрения самой Р. Л., не в размещении натуральных элементов общественного воспроизводства, а в дальнейшем употреблении ценностных величин. В этом случае, т.-е. при обмене с некапиталистической средой, вопрос о «карусели», выдвигаемый Р. Л., несмотря на всю свою никчемность, приобретает именно для нее особенную остроту, тем более, что правильно понятая система взглядов автора «Накопления капитала», как это доказывает тов. Бухарин, по существу предполагает не исчезновение некапиталистической сферы, а ее увековечение.

В связи с этим, между прочим, обнаруживается, что яркая историко-описательная часть «Накопления капитала», с одной стороны, и его теоретическая часть не совсем живут в ладу, как не в ладу революционный темперамент Р. Л. и ее теоретическая последовательность в этой книге. В самом деле, из теории Р. Л. ни в какой мере не вытекают насилия и гнет, которым подвергаются со стороны империалистов колониальные народы. Реализация в последнем случае должна еще более затрудняться, так как к накоплению капиталистическому присоединяется накопление от колониального грабежа. Сторонникам Р. Л., для спасения своей теории реализации, не остается ничего другого, как присоединиться к тем, что изображает колониальные захваты метод распространения капиталистической «цивилизации». Таков парадоксальный вывод из неправильно понятой теории накопления капитала. «Теория Р. Л., которая хочет быть ультра-революционной и которая дает действительно великолепное, рукою гениального мастера сделанное описание колониальной эксплоатации,—эта теория по существу дела, т.-е. в самом теоретическом ядре, смазывает и затушевывает капиталистическую деятельность» (107, курсив тов. Бухарина). Естественно, что такая теория оказывается несостоятельной, когда встает вопрос о вскрытии экономических корней империализма, как определенной фазы капитализма. Здесь-то и обнаруживается, что не Маркс абстрагировался от исторического процесса, как победоносно провозгласила Р. Л., а «совсем наоборот». Именно автор «Накопления капитала» впал в бесплотный универсализм со своей тощей теорией реализации, позабыв самое существенное,—что экспансия капитала тесно связана с реализацией сверхприбыли и что теперешняя экспансия капитала... расширенно воспроизводит новый исторический тип производственных отношений, а именно отношений финансового капитала. (120, курс. тов. Бухарина).

В последней главе тов. Бухарин показывает, что неправильная теория накопления связана у Р. Л. с неправильной теорией капиталистического крушения. Уже из предыдущего выяснилось, что последовательное применение теории реализации Р. Л. предполагает вполне добрососедские отношения между капиталистической и некапиталистической средой. Следовательно, вопрос о революции «принципиально» затушевывается. Наличность в современных мировых условиях миллионных кадров некапиталистической периферии, даже при условии революционной ситуации, отодвигает освобождение человечества до... «охлаждения солнца». Ясно, что эта картина списана не с нашей действительности. «Сейчас мы уже можем судить о процессе крушения капитализма не только на основе абстрактных построений и теоретических предвидений. Крах капитализма начался: октябрьская революция есть тому живое и самое убедительное доказательство» (131, курс. тов. Бухарина). Капиталистический мир накопил слишком много противоречий, которые с железной необходимостью ищут разрешения и не могут не проявиться в политических и экономических кризисах.

Мы далеко не исчерпали обильного теоретического материала, которым буквально насыщено произведение тов. Бухарина. Помимо глубокой критики теории Р. Люксембург, для чего привлечен свежий, мало использованный материал из Маркса, «побочным продуктом» этой работы является, кроме того, убийственная теоретическая характеристика своего рода curriculum vitae (биография) «научных» заслуг неудачного критика Маркса—Туган-Барановского. В своем резюме «теоретических деяний» профессора тов. Бухарин убедительно показывает, что в смысле апологетических устремлений и «научного» оправдания капитализма Туган, пожалуй, не уступит своим европейским собратьям, которым в последние годы приходилось по части марксоедства немало заимствовать у русского экономиста, хотя последний не всегда торговал чисто русским товаром.

В предисловии к своей книге тов. Бухарин рассказывает, между прочим, о «конспиративных» условиях, при каких она писалась. Недурная, однако вышла «нелегальщина», побольше таких. Вместе с тем, нельзя не отметить, что результатом, очевидно, этих условий явилась некоторая незаконченность и непропорциональность отдельных частей. Так, почти «тезисный» характер носят политические выводы автора, «тактические разногласия» намечены совсем бегло. Надо думать, что эти недостатки, вытекающие из спешности самой работы, будут устранены при последующих изданиях, которые, вероятно, не заставят себя долго ждать.

Л. Эвентов.

ОТ РЕДАКЦИИ: Статья тов. Слепкова „Не согласны!" (в № 5—6 „Большевика") шла в дискуссионном порядке.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.**

СОДЕРЖАНИЕ.

[redacted]

№ 9—10 № 9—10

1 ИЮНЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“